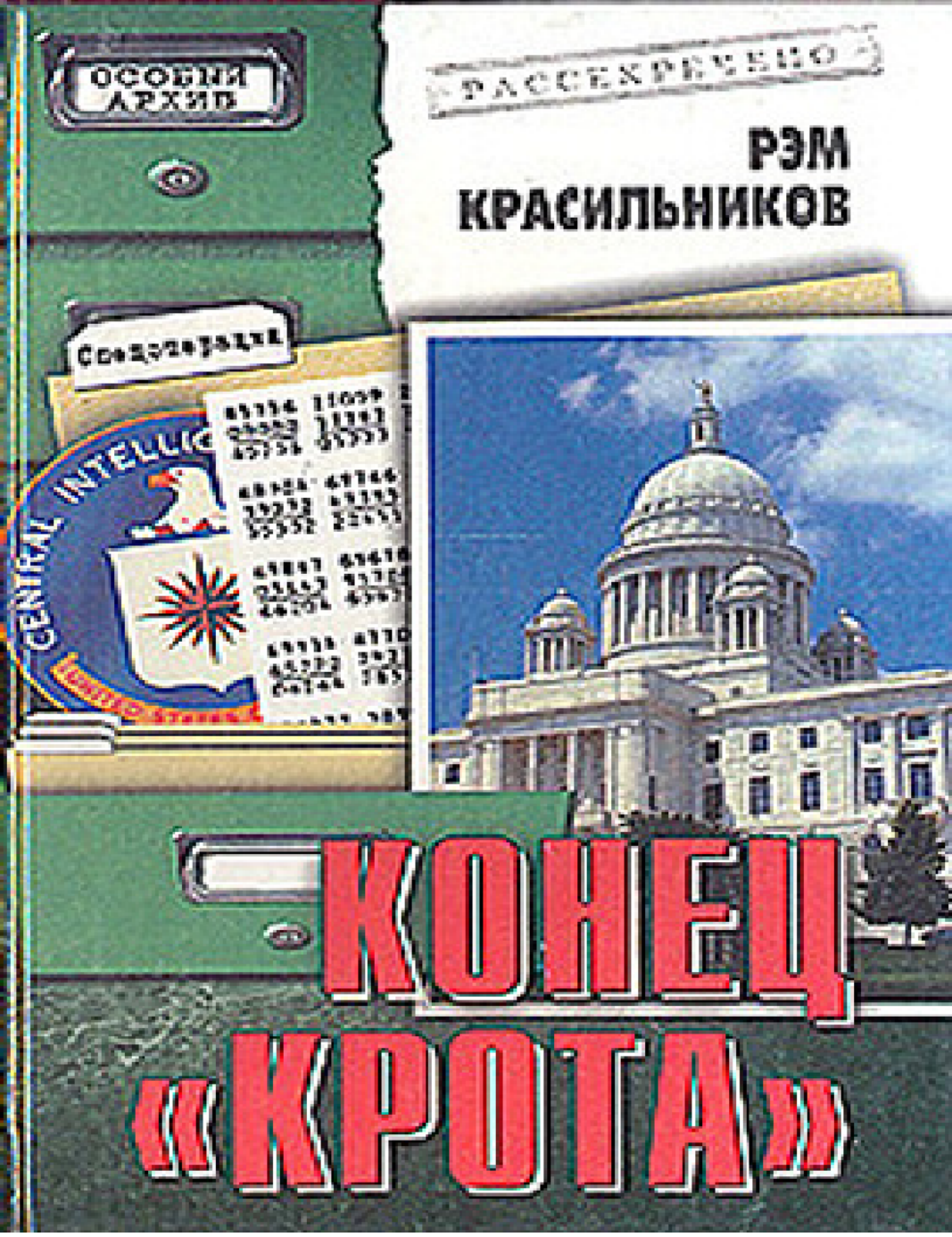
ОСОБЫЙ АРХИВ
РАССЕКРЕЧЕНО
РЭМ КРАСИЛЬНИКОВ
CENTRAL INTELLI
КОНЕЦ «КРОТА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная книга написана на основе собственного оперативного опыта автора, генерал-майора в отставке, возглавлявшего отделы Второго Главного управления (контрразведки) КГБ СССР. В основе повествования — реальные события недавнего прошлого, конкретная акция ЦРУ США, завербовавшего советского дипломата-разведчика за границей, и операция нашей контрразведки, сумевшей выявить этого опасного агента.

- Красильников Рэм Сергеевич
  - От автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая

Красильников Рэм Сергеевич
Конец «Крота»

От автора

Термин «крот» в лексиконе многих западных спецслужб, в литературе и публицистике на Западе появился в годы холодной войны. И — пришелся к месту. Не как агент вражеской разведки в стане неприятеля, а в более узком значении: агент, завербованный в разведывательной службе противника. Олег Пеньковский, Дмитрий Поляков, Олег Гордиевский — агенты Центрального разведывательного управления США и «Сикрет Интеллидженс Сервис» Великобритании в КГБ и Главном разведывательном управлении Генштаба Вооруженных сил СССР — вот, пожалуй, наиболее известные сейчас имена «кротов» в летописи холодной войны.

Следует сразу же оговориться: не только Советский Союз был мишенью американских спецслужб. ЦРУ устраивало охоту за «кротами» практически во всех странах мира, в том числе в тех, которые считались друзьями и союзниками Соединенных Штатов. И все же Комитет государственной безопасности, особенно его Первое Главное управление — разведка и ГРУ Генштаба вооруженных сил СССР были главными предметами «заботы» Вашингтона. «Крот» в этих ведомствах был вожделенной мечтой американской разведки.

В восьмидесятые годы, в период, когда противостояние между Соединенными Штатами и Советским Союзом достигло своего пика, Центральное разведывательное управление значительно умножило свои усилия по вербовке «кротов» в спецслужбах СССР. Надо признать, что этот мощный натиск, подкрепленный огромным материальным потенциалом, был небезуспешным.

Как раз в эти восьмидесятые годы, которые иногда называют «десятилетием шпионажа», и разворачивается действие книги «Конец «крота». В это время автору довелось работать во Втором Главном управлении КГБ СССР в должности начальника подразделения по противодействию американской разведке, избравшей своим прикрытием дипломатическое представительство США в нашей стране. В силу этих обстоятельств автору, как и многим другим чекистам-контрразведчикам, приходилось иметь дело с «кротами» американской разведки.

Книга «Конец «крота» родилась из собственного оперативного опыта автора из многолетней практики. В ней отразились реальные события недавнего прошлого, в ее основе — совершенно конкретные акции Центрального разведывательного управления, завербовавшего советского дипломата-разведчика за границей, и

совершенно конкретная операция нашей контрразведки, сумевшей выявить и разоблачить этого опасного агента американцев. И некоторые другие операции из хроники противоборства Комитета государственной безопасности СССР и Центрального разведывательного управления США во второй половине восьмидесятых годов.

В книге нет оглушительной стрельбы и пугающих взрывов бомб, нет отчаянной погони и головокружительных трюков в духе агента «007» и многих современных боевиков. Книга «Конец «крота» — стремление показать противостояние разведки и контрразведки, сшибку умов и характеров, большие и маленькие «хитрости» спецслужб.

Происходящие события — не вымысел автора. Они разворачивались в то время, когда во главе ЦРУ находился ставленник президента Рейгана Уильям Кейси — ветеран американской разведки в период Второй мировой войны, а впоследствии крупный делец и политический деятель Америки. Президент именно ему вручил бразды правления в ЦРУ, которому была уготовлена роль мощного тарана в объявленном Рональдом Рейганом «крестовом походе» против «главного противника» Соединенных Штатов — Советского Союза.

Автор стремился не отходить от показа реальных людей и подлинных обстоятельств. Таких обстоятельств и таких людей, названных своими, подлинными именами, в книге немало. В то же время понадобилось «наградить» некоторых персонажей книги, в том числе главных, вымышленными именами и внести незначительные изменения в фабулу событий. Такой, в известном смысле «собирательный», образ стал необходимым, чтобы оттенить действительные направления и приемы работы американской разведки и показать противостоящие ей способы контршпионажа. И все же «Конец «крота» — лишь один из многих эпизодов борьбы двух сверхдержав, борьбы ожесточенной и бескомпромиссной.

История противостояния спецслужб вряд ли скоро придет к концу. Тайные сражения для спецслужб привычны и стали нормой. Конечно, лучше быть в них победителем. К этому настойчиво рвутся спецслужбы Соединенных Штатов, и в первую очередь Центральное разведывательное управление. Полагаю, впрочем, что и у российских органов госбезопасности, стоящих на страже интересов нашей страны и каждого отдельного человека, хватит «пороху в пороховницах».

Персонажи

(в том порядке, в каком они появляются на страницах книги. И это справедливо — автора нельзя в таком случае обвинить в предвзятости или в желании выделить одних действующих лиц в ущерб другим)

Джеймс Вулрич по прозвищу «Волк».

Начальник так называемого Советского отдела — «драгоценности из драгоценностей». Оперативного Директората ЦРУ. Появляется в самом начале повествования, чтобы исчезнуть в его конце. Один из основных героев, хотя и является отрицательным персонажем, если судить с наших позиций. Одержим идеей запустить «крота» в огород «главного противника». Правда, об этом думает не он один. Удастся ли ему это предприятие с одной попытки или потребуются другие — вот это и составляет сюжет книги. Имя и фамилия нашего героя автором придуманы, а вот образ начальника Советского отдела можно назвать собирательным. Автор знал многих американцев, которые частицами своего характера и оперативной деятельности живо напоминали Джеймса «Волка» Вулрича. Им не надо обижаться, если что-то получилось не так.

Уильям Кейси, он же «старина Билл».

Одиннадцатый по счету директор Центрального разведывательного управления. Ветеран американских спецслужб времен Второй мировой войны, переквалифицировавшийся в бизнесмена-финансиста и политика и вновь призванный на службу в разведку, когда его боссу, сороковому президенту Америки Рональду Рейгану, понадобился верный оруженосец, способный возглавить ЦРУ в новом «крестовом походе» на Советский Союз. Мы не часто сталкиваемся с Уильямом Кейси на страницах повествования, но когда видим его, то ощущаем его почти патологическую ненависть к нашей стране и стремление утопить в крови своих противников.

Кристина Холкрофт.

Преданная секретарша начальника Советского отдела, надежная поверенная во всех его служебных делах, требующих ее внимания и участия. Одинокая женщина, живущая воспоминаниями о том, что, увы! — прошло, и заботами о своем шефе, которые возникают вновь и вновь. Впрочем, вполне достойный персонаж во многих отношениях.

Джон Каллохен.

Главный специальный агент ФБР. Это — его звание, а должность, которую он занимает, — руководитель вашингтонского территориального управления Федерального бюро расследований. Гроза советских дипломатов в столице Соединенных Штатов. Большой приятель Джеймса Вулрича и его

основной партнер в совместной операции ФБР-ЦРУ «кортшип» по представительству СССР в Вашингтоне.

«Рекрут» — Аркадий Порываев.

Молодой ученый из Института США и Канады, командированный руководством Института в советское посольство в Вашингтоне на научную стажировку. Яркий представитель советской «золотой молодежи», оставившей след в жизни нашей страны в послевоенный период. Теперь уже мало кто говорит о «золотой молодежи» — в изобилии появились молодые и не очень молодые «новые русские», восполняющие этот пробел в нашем обществе. Впрочем, «кроты», которых ищет и сейчас американская разведка, могут водиться в любых социальных сферах общества. Важно, чтобы у них присутствовали природные повадки этих ночных животных.

Питер Николс по прозвищу «Везунчик».

Резидент Центрального разведывательного управления в Бангкоке, где судьба сведет его с другим действующим лицом нашей книги. Он станет заместителем Джеймса Вулрича в советском отделе, а потом — волею директора Лэнгли — должен отправиться в Пакистан, чтобы руководить операциями ЦРУ против Советского Союза в Афганистане. Возникает вопрос: всегда ли и во всем нашему «Везунчику» будет улыбаться фортуна?

Арнольд Бронсон, «Нарцисс».

Разведчик «глубокого прикрытия» ЦРУ из московской резидентуры. Что такое «глубокое прикрытие» — читатель в свое время узнает. Молодой и очень симпатичный парень, за что и получил в американском отделе контрразведки оперативную кличку «Нарцисс». Он и вправду горазд восхищаться собой и своими способностями. Такая настойчивость ему не изменяла до поры до времени. Арнольд Бронсон — это тот, в чьих руках оказалась судьба агента ЦРУ «Пилигрима».

«Пилигрим» — Лев Михайлович Плахов.

Советский разведчик из Первого Главного управления КГБ. Был завербован Центральным разведывательным управлением в результате придуманной Николсом хитроумной комбинации в столице Таиланда Бангкоке, куда был направлен в качестве дипломата посольства СССР. Плахову очень не хотелось отправляться в эту далекую страну, которой вскоре предстоит стать одним из азиатских «тигров». Читатель заодно познакомится с непростыми «технологиями» разведки и контрразведки, которые применяют друг против друга обе «конкурирующие фирмы» — Центральное разведывательное управление США и Комитет Государственной безопасности СССР.

«Коротышка» Гарри.

Владелец и главный администратор театра-казино в Бангкоке. Сын зажиточного таиландца, сказочно обогатившегося во время вьетнамской авантюры США, на которой изрядно нагрели руки в Бангкоке. Агент бангкокской резидентуры ЦРУ, личный друг Питера Николса. В детстве имел имя Супот Винчиен, но забыл его, побывав в Соединенных Штатах, и теперь на это имя вовсе не отзывается. Правда, как все тайцы, улыбчив и очень обходителен.

Сэлли.

Честно говоря, автор не знает, кем считать эту хрупкую бангкокскую девушку — таиландкой или американкой. Она имеет право и на то, и на другое. Дело в том, что ее мать — таиландка, а отец — американец, то есть она полукровка. А значит, красива и умна! Ее главная профессия — танцовщица и певица в том театре-казино, где хозяйничают «Коротышка» Гарри и Центральное разведывательное управление.

Сэлли не избежала судьбы многих актрис — она стала «ласточкой» бангкокской резидентуры ЦРУ, создавала по заданиям Питера Николса так называемые «любовные ловушки». Автору немного жаль эту симпатичную девушку, хотя, надо признать, работа на американскую разведку ей вовсе не в тягость.

Все-таки это и новые приключения, и так знакомая ей актерская игра, и солидный доход.

Эрик Хонтауэр.

Руководитель московской резидентуры ЦРУ. Потом он переберется в центральный аппарат Лэнгли и займет там важный пост начальника контрразведки ЦРУ. А пока, почти до самого конца повествования, ему придется трудиться в Советском Союзе и быть участником событий, которые войдут в историю под звучным названием «десятилетие шпионажа». Он пребывает в должности советника по региональным вопросам. Никто не знает, почему резидента ЦРУ удостоили такого необычного прикрытия, но Эрик Хонтауэр к нему привык и, возможно, даже доволен — оно выделяет его из восьми других советников американского посольства в Москве.

Сергей Александрович Краснов.

Начальник американского отдела контрразведки. «Американского» потому, что имеет прямое отношение к дипломатическому представительству Америки в СССР, давшему приют подразделениям спецслужб США. Открою секрет (который наверняка не является такой уж глубокой тайной для читателя): автор наделил Сергея Александровича некоторыми собственными чертами и качествами. Это не может не льстить самолюбию, тем

более что можно удалить то, что не очень нужно для повествования. Автор, правда, «понизил» своего героя в звании. Автор и сам не знает, зачем он это сделал. Может быть, из скромности, а, возможно, затем, чтобы показать перспективу роста. В конце концов, каждый солдат мечтает о маршальском жезле!

Алексей Владимирович Климов.

Заместитель начальника американского отдела контрразведки. Персонаж, которым автор обоснованно гордится. Во-первых, у него в характере замечательные черты и свойства — Климов решителен и смел, очень последователен и исполнителен, верен долгу и данному слову. Во-вторых, Краснов видит в нем и то, что хотел бы видеть в себе самом. В-третьих, Краснов доволен тем, что Алексей Владимирович берет на вооружение многое из того, что ему внушает шеф, и мысли, и технологию. Достойный работник контрразведки. Тот случай, когда учителю приятно, как добивается успехов его ученик, чтобы наконец обогнать его на длинной дороге службы.

Станислав.

Молодой сотрудник американского отдела контрразведки, очень способный и энергичный оперативный работник. Автор умышленно не наделил его фамилией, подчеркивая этим, что Станислав — молодой человек, перед которым открыты все пути-дороги. Правда, возраст — дело наживное. Станислав станет настоящим грозой преступников, русским «лейтенантом Коломбо».

Павел Борисович Симбирцев.

Сотрудник оперативно-технического подразделения контрразведки, профессор «специальных дел». Это ему предстоит колдовать над тайниковым контейнером, когда в кабинет Краснова доставят грязный «булыжник». Мастер не обманет ожиданий.

Мария Плахова.

Супруга Льва Михайловича Плахова. Она почти совсем не появляется на страницах повествования и совершенно не догадывается о шпионской связи мужа с американской разведкой. Говорят: «муж и жена — одна сатана». В данном случае это далеко не так. Мария Плахова не имеет никакого отношения к тем делам, которыми ее муж занимался в Бангкоке и что был намерен продолжать в Москве. Можно пожалеть о ее злосчастной судьбе и пожелать, чтобы она и ее дочь побыстрее избавились от тяжелого «наследства», которое оставил им муж и отец.

Ирина Вулрич.

Покойная супруга начальника советского отдела. Русская

женщина, и родители ее — по национальности русские, жившие когда-то давно в России. Автор ничего не может поделать с такой «странностью», как «русская жена» руководящего сотрудника ЦРУ. Разве что сказать, что так бывает в США, и браки с женщинами из страны «главного противника» все же случаются. Автор также не знает, может ли Ирина Вулрич считаться полноценным действующим лицом повествования или же она — его «фон», не очень характерный, но любопытный. Впрочем, супруге начальника советского отдела Советский Союз абсолютно безразличен. Тем более сейчас, когда ее нет на этом свете.

Кларенс Митчелл.

Молодой помощник начальника вашингтонского территориального управления ФБР. Эпизодический персонаж, появляющийся в нашем повествовании только тогда, когда Джеймсу Вулричу нужно было ознакомиться с оперативной сводкой ФБР о перехвате разговора двух сотрудников советского посольства в Вашингтоне.

Глория.

Секретарша начальника вашингтонского территориального управления ФБР. Совершенно безликое создание автора. Да и зачем ей какая-то роль в нашем сюжете? Разве что принести кофе в кабинет одного из героев.

Михаил Панфилов и Иван Белозерцев.

Сотрудники посольства СССР в Вашингтоне. Невинные источники информации ФБР об аресте советской контрразведкой «Пилигрима» — Плахова. Если не считать самой Москвы, которая вынуждена была оповестить об этом учреждения СССР в США.

Лоренс Кроуфорд.

Сотрудник московской резидентуры ЦРУ, разведчик-агентурист, которого в Лэнгли, как и Арнольда Бронсона, очень берегли для важных дел. И, возможно, уберегли бы, если бы не «горячие» обстоятельства.

Фред Паркинс.

Заместитель директора Лэнгли, начальник Оперативного Директората, которым Уильям Кейси недоволен, но не считает нужным срочно менять на другого работника. Автор не знает причину такой нерешительности всегда энергичного и волевого хозяина ЦРУ. Может быть, он просто не хотел «менять коней на переправе»? А скорее всего, умудренный собственным опытом и наученный собственным возрастом, директор относился к «Фредди», как к «старому коню», который «не испортит борозды», и великодушно прощал ему кое-какие грехи.

Дороти Гринберг.

Личная секретарша директора ЦРУ. Еще одна женщина в

разведке, попавшая в повествование о «кроте» Центрального разведывательного управления. Впрочем, совершенно равнодушная к шефу, как к мужчине, но не безразличная к нему, как главе ведомства. Правда, все ее усилия придать боссу ухоженный вид успеха не имели. Кейси нисколько не заботили внешние приличия.

Александр Нарбеков.

Потомок древнего кавказского рода, очутившийся в ЦРУ и в самом пекле сражений американской разведки со страной своих предков. Считает себя талантливым и хитрым.

«Доллар» — персонаж без имени,

сотрудник советской военной разведки.

Сотрудник советской военной разведки. Предложил шпионское сотрудничество американцам в Португалии, где он работал в военном атташате посольства СССР. Получил в Лэнгли такой оперативный псевдоним потому, что запросил за свои «услуги» изрядную сумму в долларах. Автор умышленно не называет его по имени, хотя и мог бы. Но в данном случае это просто не нужно. Честно говоря, «Доллар» не играет слишком заметной роли в том, что происходит.

«Дэниэль Рост» — еще один персонаж,

не имеющий имени.

Как и «Доллар», он появляется в самом конце повествования, не успев в полной мере проявить своих шпионских способностей в Советском Союзе. Агент сразу двух иностранных разведок — БНД и ЦРУ. Так тоже бывает в мире шпионажа. И все же без этого персонажа, автор называет его кодовым именем, которое ему дали в разведслужбе ФРГ, не обойтись — он необходим, чтобы оттенить судьбы других действующих лиц. И как свидетельство той липкой паутины, которую сплетало Центральное разведывательное управление вокруг своего «главного противника» с помощью своих союзников и клевретов.

Иван Платонович Старобельский.

Человек с такой фамилией, конечно, не мог остаться в стороне от драматических поворотов сюжета. Это бывший работник внешней контрразведки Первого Главного управления КГБ, перешедший на работу в службу контршпионажа. Ничего удивительного в таком переходе не было. При существовавшей в Комитете госбезопасности ротации кадров переводы из одного управления в другое были обычным явлением, обогащавшим и разведку, и контрразведку.

Картер.

Консул американского посольства в Москве. Крайне необходимый персонаж в конце повествования. Присутствие

консульского работника посольства обязательная процедура в тех случаях, когда разведчики московской резидентуры ЦРУ задерживались с поличным при совершении противоправных действий. От советских властей зависело, объявить ли «провинившегося» «персоной нон грата», а консулу США предстояло подтвердить, что задержанный — дипломат посольства и не подлежит аресту, как обладатель иммунитета.

Богучаров.

Сотрудник Протокольного отдела МИД СССР. Он появляется, как и предыдущее действующее лицо, на последних страницах книги и лишь затем, чтобы соблюсти протокол. Потому автор и называет его очень официально только по фамилии. Официальность в таких делах просто необходима.

Глава первая

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления в пригороде Вашингтона
Тайна Вирджинского леса

Американцы гордятся своими историческими памятниками. В Соединенных Штатах, позднее многих других держав взявших старт в истории, их несравненно меньше, чем в иных краях, они не так окружены «седой стариной», так возбуждающей зависть жителей Нового Света. Может быть, оттого и берегут они больше и лучше культурные ценности, чем в других странах, привыкших к своим достопримечательностям и щедро расточающих национальные богатства. Наверное потому, пользуясь своим богатством и могуществом, свозят американцы к себе и устанавливают на территории Соединенных Штатов чужие древние замки и мосты, скупают творения великих мастеров, картины знаменитых художников. Покупают тех, кто создает шедевры, кто производит ценности, кому подвластны гениальные творения.

Если удается, американцы приобретают территории. За 15 млн долларов они купили у Франции Луизиану. Еще за меньшую сумму — сторговали у царской России огромную Аляску. Если нельзя купить, берут силой. Трудно подсчитать, какая часть Соединенных Штатов состоит из завоеванных земель.

Вот от этого и возникла у американцев страсть к памятным местам, погоня за достопримечательностями, охота к фотографированию и видеосъемке красот мира. Американцы очень гордятся своими коллекциями, любят выставлять напоказ то, что может привлечь внимание.

«История — это ерунда» — эти слова приписывают автомобильному королю Америки Генри Форду, отрицавшему прошлое в угоду блестящему будущему Соединенных Штатов. Американцы с трудом соглашаются с первенством Христофора Колумба, открывшего Америку для европейцев в самом конце XV века. Им больше по душе исландец Эрик Рыжий, приплывший в Америку, как утверждают сторонники этой версии, за 500 лет до великого генуэзца. События далекого прошлого — «хобби» американцев. Им нравится выискивать в истории то, что может прославить США, нравится создавать древний фундамент своего исторического бытия.

В столице Соединенных Штатов Вашингтоне, названной так в честь победителя англичан в войне восставших колоний за свою

независимость от Британской империи, ныне уже немало исторических памятных мест, известных всему миру. И, наверное, самые знаменитые из них — Белый дом — резиденция президента Соединенных Штатов и Капитолий — величественное здание Конгресса.

Лэнгли — штаб-квартира разведывательного ведомства, сооруженная в 1961 году в 9 милях от столицы, теперь тоже пользуется широкой известностью. Но это — достопримечательность совсем иного рода, и популярность Лэнгли — тоже особенной категории. Туда не устраивают экскурсий туристам — отечественным и иностранным, не расхваливают в справочниках и путеводителях красоты и достопримечательности, не разрешают фотографировать и производить видеосъемки. Лэнгли окружен ореолом секретности, как и подобает центру службы такого рода, там работают избранные — особая каста американцев. Им и платят за кастовость, за особые условия работы, за надежность и неподкупность.

Странная ситуация: вроде надо бы держать в глубокой тайне секреты деятельности этой организации «плаща и кинжала», негоже рекламировать ее деяния и даже само существование. Учителя американцев из британской «Интеллидженс сервис», отлично владеющие наукой конспирации, видимо, плохо преподавали премудрости этой науки своим ученикам. Лэнгли приобрел всемирную известность, как величайший памятник планеты. Щупальца американской разведки проникают во все уголки земного шара, об акциях ЦРУ знают, предполагают, догадываются. И в этой «популярности» уживаются полярные чувства — у одних они вызывают восторженную реакцию, у других неприятие и отвращение.

Гигантский комплекс в Лэнгли — в какой-то мере аналог штаб-квартиры советской (а теперь российской) разведки в пригороде Москвы — Ясеневе. Но Ясенево — другое дело. В отличие от Лэнгли, расположенном в густом лесу и не видном тем, кто проезжает по автостраде имени Джорджа Вашингтона, громадный комплекс в Ясеневе, сооруженный в советское время, хорошо просматривается с МКАД — Московской кольцевой автомобильной дороги. Говорят, что в первое время подмосковный комплекс разведки КГБ, еще не слишком разросшийся в ширину и в высоту, вызывал жгучее любопытство американских и других иностранных журналистов, не привыкших к тому, что существуют какие-то не известные им тайны. Говорят также, что и Центральное разведывательное управление, которому до всего есть дело, поручало своим агентам разузнать

секрет Ясенева. Специальные задания ставились и перед американскими разведывательными спутниками, регулярно облетавшими советскую столицу.

Узнав, наконец, что скрывается в зеленом массиве у МКАД, в ЦРУ успокоились. Успокоились и иностранные журналисты из московских контор. Нет ничего хуже неопределенности.

Из Москвы, однако, перенесемся снова в Вашингтон.

Лэнгли по высоте, конечно, не может соперничать с Эмпайр стейт билдинг, да и с многими другими именитыми зданиями Америки. Впрочем, штаб-квартире разведки и не нужно быть небоскребом.

Скорее, это айсберг, который может выставить наверх самую малую часть своей мощи, но надежно прячет в глубине пробивную ударную силу. Своей подводной громадой он таранит «титаники» противника, которые не подозревают о грядущей беде и часто не могут увернуться от его смертельных ударов.

Главное семиэтажное здание Лэнгли, построенное из бетона, мрамора и стекла, удобно расположилось на берегу реки Потомак в густом вирджинском лесу, в нескольких минутах езды от Вашингтона. Лес надежно прикрывает и маскирует цитадель американской разведки от любопытных взоров. На широкой автостраде, ведущей из столицы страны на юг в сторону Лэнгли, гордо носящей имя Джорджа Вашингтона, нет столь привычных для американцев дорожных знаков, которые указывали бы дорогу к штаб-квартире разведки.

Вирджинский лес дает удобное прикрытие, но далеко не всегда обеспечивает тень и прохладу в жару и духоту, которые обрушиваются на столицу Америки и ее окрестности летом. Не спасает и близость Атлантики.

От автострады имени Джорджа Вашингтона к Лэнгли ведет узкая, по американским меркам, дорога с двусторонним движением. И снова напрасно искать на ней дорожные указатели. Чужие здесь не ходят. Кому надлежит знать — тот знает. Заблудившийся ненароком путник через полмили наткнется на сторожевой пост, замаскированный под водонапорную башню. Посторонним вежливо разъяснят, что они, видимо, выбрали не ту дорогу, и вернут на автостраду. Слишком любознательных ждет неприятный разговор о нарушении частной собственности. Результат — тот же: незадачливый путник так и не узнает, что же там впереди за водонапорной башней.

Ну, а там — гигантский приземистый комплекс Лэнгли, чем-то напоминающий громадный океанский лайнер, поблескивающий иллюминаторами-окнами, ярко освещенными в темное время суток. Кое-кому он покажется похожим на

университетский городок, в котором сотрудники ЦРУ напоминают профессоров и студентов, чинно коротающих время между лекциями на многочисленных аллеях, уставленных скамейками.

Строительство Лэнгли, занимающего территорию в 125 акров, обошлось почти в 50 млн долларов — внушительная по тем временам цифра. Говорят, что архитекторы и строители не ведали, что именно они проектировали и сооружали и какое количество людей должен был вместить воздвигавшийся колосс. Точное число сотрудников и служащих Центрального разведывательного управления, разместившихся в Лэнгли, непосвященным неизвестно и сегодня. По одним сведениям, их не менее 15 тысяч, по другим — приближается к 20 тысячам.

Перед главным зданием штаб-квартиры ЦРУ — выразительная статуя американского разведчика времен войны за независимость Соединенных Штатов Натана Хэйла. Статуй и портретов разведчиков, символов могущества ЦРУ, в Лэнгли много. Но огромная статуя гордого американского разведчика XVIII века, возможно, первого в истории Соединенных Штатов солдата тайной войны, напоминает о величии и жертвенности американской разведки во все времена.

Осенний день 1986 года

Сентябрьское утро 1986 года внешне ничем не выделялось из бесконечной череды других рабочих дней разведывательного ведомства Вашингтона. Противно моросил мелкий дождь начинавшейся осени. Чувствовалось мерное дыхание Атлантического океана, глубоко вдающегося в этом районе в восточное побережье Северной Америки.

В утренние часы бесконечный поток людей вливался в здание разведки и растворялся в его кабинетах и помещениях. Одни из прибывающих приезжали в своих автомобилях, которые оставляли тут же у здания Лэнгли на огромных заасфальтированных площадках парковки. Других доставляли сюда сине-зеленого цвета автобусы, арендованные ЦРУ у компании «Блю Берд», которые потом отвозили их домой в Вашингтон. Впрочем, многие состоятельные офицеры разведки уже давно перебрались из душных городских кварталов в пригороды столицы.

Пригороды Вашингтона — ухоженные и уютные места обитания среднего класса. Сотрудники разведки — часть пирамиды этого класса, часть «общества потребления», известного своим меркантилизмом, высокомерием, показной благопристойностью и честолюбивыми помыслами. Они охраняют благополучие и покой американского «истеблишмента» и в целом

— «золотого миллиарда» избранных жителей Земли. Они сами, по их глубокому убеждению, — плоть от плоти, кость от кости элиты общества.

Постепенно людской поток редел и, наконец, иссяк совсем. Внутри Лэнгли начиналась обычная суета гигантской машины, управляющей работой множества людей и подразделений, раскинутых по всему миру.

Но вот когда все снаружи здания, казалось, замерло, на одну из площадок, выделенную для парковки автомашин обитателей Лэнгли, въехал одинокий лимузин. Из него вышел мужчина лет пятидесяти, невысокий, грузный, седоватый, уже начинающий лысеть и исполненный начальственного достоинства. Мужчину, прибывшего в Лэнгли в разгар служебного дня, звали Джеймс Вулрич. Он был начальником Советского отдела Оперативного Директората Центрального разведывательного управления.

У Вулрича большое заграничное хозяйство. Как в каждом отделе Оперативного Директората. У него в подчинении — несколько важных резидентур американской разведки в государствах Восточного блока, и важнейшая из них московская резидентура, действующая в столице главного противника Вашингтона под крышей дипломатического представительства США в Советском Союзе. «Святая святых» Оперативного Директората. Поставщик драгоценной информации о ненавистном противнике из-за «железного занавеса».

Не спеша, тяжелой походкой Вулрич направился ко входу в здание. Он кивает охраннику и достает пропуск — специальный жетон с фотографией владельца. Тот, мельком взглянув на входящего и для порядка подержав в руках протянутый жетон, приветствовал Вулрича привычным: «Доброе утро, сэр», любезно улыбнулся. Джеймс Вулрич для охраны важная персона, но правила есть правила. В Лэнгли их соблюдают строго, и ни у кого не возникает соблазна их нарушать — ни у высокопоставленных офицеров разведки, направляющихся в свои кабинеты, ни у чинных стражей, бдительно стоящих на входе в здание и на некоторых его этажах и отвечающих за безопасность, за то, чтобы в Лэнгли не проникали те, кто не должен там оказаться.

После необходимого ритуала на входе в здание Джеймс Вулрич прошел в просторный холл из белого мрамора. Вулрич привычно шел по мраморным плитам пола. В центре — инкрустированное изображение эмблемы Центрального разведывательного управления. Гордо красуется голова орла, зорко взирающего в сторону. Что он высматривает там вдали? — пока это загадка, каких немало в деятельности американской разведки.

Вокруг орла большими буквами надпись на мраморном полу — «Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки». Чтобы у входящих не возникало сомнений, куда они попали.

Справа на стене перед медленно шагавшим по просторному залу начальником Советского отдела — барельеф основателя Лэнгли некогда могущественного и всесильного Аллена Даллеса, ветерана американского разведывательного ведомства, третьего по счету директора ЦРУ. По иронии судьбы создателю Лэнгли не суждено было самому насладиться комфортом нового здания и обжить свой роскошный кабинет на седьмом этаже. Недоброжелательность и откровенная боязливая антипатия Джона Фитцджеральда Кеннеди к последнему влиятельному представителю клана Даллесов заставила нового президента США убрать Аллена Даллеса с важного поста директора ЦРУ. К тому же подвернулся удобный повод — позорный и неожиданный для многих в Вашингтоне сокрушительный провал вторжения наемников американской разведки на Кубу. Но барельеф остался, а кабинет на седьмом, самом верхнем, этаже, с видом на живописную долину реки Потомак, теперь осваивали новые руководители Центрального разведывательного управления.

В 1985 году, когда происходили описываемые события, Центральное разведывательное управление возглавлял выдвиженец президента Рональда Рейгана Джон Кейси. Отважный и смелый разведчик в период Второй мировой войны, ставший в мирные годы влиятельным бизнесменом и политиком, он снова возвратился в разведку. Теперь судьбой и волей своего босса он, миллионер и протеже президента, вознесен на вершину власти в Лэнгли.

Вулрич немного задержался у барельефа Даллеса, размышляя о превратностях судьбы. Гримаса боли и сострадания появилась на его лице, когда его взгляд остановился на мемориальной доске с множеством звездочек, незримо символизирующих разведчиков ЦРУ, погибших при исполнении служебных обязанностей. Были и имена погибших, но большинство «звездочек» оставались анонимными и свято хранили воспоминания о тех, кто ушел из жизни. ЦРУ чтит своих павших героев!

Вулрич поморщился, ему не хотелось думать о жертвах, о тех, кого служба в разведке свела в могилу, но из сознания долго не выходило словечко «мавзолей», которым почему-то именовали Лэнгли острословы из ЦРУ.

Внимание Джеймса Вулрича привлекли — в который уже раз! — слова Иисуса Христа на стене холла: «И Вы познаете истину, и истина сделает Вас свободными». Как настоящий

христианин, начальник Советского отдела верил в это мудрое и почти мистическое изречение, венчающее мемориальный зал Лэнгли. Ведь в конечном счете разведка на то и существует, чтобы вскрывать истину.

Призыв Христа в Нагорной проповеди к познанию истины, о котором человечество узнало из Евангелия от Иоанна, по преданию, самого молодого и любимого ученика Сына божьего, всегда сопровождается эмоциональным порывом. Если этот порыв направлен на злонамеренные цели, он неизбежно приводит к чувству собственного превосходства.

«Истина сделает Вас свободными» — великолепная находка! Если истина найдена, то можно поступить с ней по своему разумению. Можно, как Понтий Пилат, просто умыть руки. Библейские и евангельские предания не нуждаются в особом прочтении, и редко кто задумывается над их глубинным философским смыслом. Вряд ли стоит вспоминать о других постулатах христианства, содержащихся в той же Нагорной проповеди. Таких, например, как: «не укради» или «не убий». Христианская мораль тем и удобна, что позволяет выбирать то, что подходит больше всего. Надо думать об интересах, а не следовать аморфным идеалам — вот главное.

Так размышлял шеф Советского отдела, медленно двигаясь по мраморному залу, отвечая на приветствия встречавшихся ему сотрудников. Знавшие его люди, как правило, не останавливались для разговоров — в эти минуты, оторванные от основных занятий, они спешили по делам, которые приводили их на первый этаж Лэнгли. Здесь располагались поликлиника, бюро заказа билетов, касса выдачи денежных кредитов, кафетерии, магазины. Здесь же помещались так называемые ассоциации «по интересам» — шахматный клуб, студия изобразительного искусства, фотокружок, общество туристов.

…Начальник Советского отдела, убыстряя шаг, шел по широким коридорам первого этажа к лифту, который должен был поднять его на свой, пятый, этаж. Он проходил мимо портретной галереи бывших руководителей Центрального разведывательного управления. К 1985 году их было десять. «Десять апостолов» — называли их в Лэнгли.

Джеймс Вулрич лично знал почти всех.

Два первых портрета — адмирала Роско Хилленкеттера и генерала Уолтера Беделла Смита оставили его равнодушным. Ему не пришлось работать под их началом. Зато у портрета третьего он задержался. При Аллене Даллесе Вулрич начинал службу в разведке, при нем приобрел навыки разведчика. Он восхищался Алленом Даллесом, считал его мастером своего дела, сожалел о

вынужденном уходе его из ЦРУ. Аллен Даллес, был убежден Вулрич, бесспорно был самым великим из профессионалов-разведчиков и оставил ярчайший след в деятельности ЦРУ. Воинственный романтик и рыцарь шпионажа! Настоящий герой тайной войны!

Аллена Даллеса уже давно нет на этом свете. Кабинет директора занимали, сменяя друг друга, другие люди. Напористые и флегматичные, ленивые и неповоротливые, талантливые и неспособные к большим свершениям. Но — не такие, как Аллен Даллес.

Джеймс Вулрич был знаком со многими. А сейчас их уже нет, и он видит их портреты в галерее Лэнгли.

Вот еще два знакомых лица: Уильям Колби и Ричард Хелмс. К Колби, который едва не стал его предшественником в Советском отделе, Вулрич, как и многие в ЦРУ, испытывал двоякое чувство. Он ценил его как профессионала, устроившего коммунистам в Индокитае кровавую бойню. И презирал за фарисейскую двуличность, за предательство своих коллег в комиссии Конгресса по расследованию деятельности Центрального разведывательного управления. Трус и приспособленец! Лучше бы он погиб во Вьетнаме, как десятки разведчиков Лэнгли, удостоенных теперь «звездочек» в пантеоне ЦРУ, чем выставил себя на позор своими интеллигентскими «признаниями» в Конгрессе насчет прегрешений американской разведки!

Зато к Дику Хелмсу Вулрич относился с большим уважением, как к достойному ученику и последователю Аллена Даллеса, хладнокровному и компетентному мастеру шпионажа, хорошо разбирающемуся в тонкостях агентурной работы.

Вулрич тяжело вздохнул, вспомнив, что Хелмс, как ранее Аллен Даллес, был уволен в отставку скандальным и мнительным президентом Никсоном, пал жертвой интриг, сотрясавших администрацию США и Центральное разведывательное управление все последние годы.

Десять апостолов. Одиннадцатым был глава ЦРУ Уильям Кейси, ставший основным проводником стратегии Рональда Рейгана против «империи зла» главного врага Соединенных Штатов. В этой стратегии, взятой на вооружение американской разведкой при Кейси, агентам отводилась решающая роль, а агрессивные методы выдвинулись на первое место. Как профессионалам службы шпионажа не восторгаться таким директором Центрального разведывательного управления! Теперь руки у разведчиков-агентуристов Лэнгли развязаны!

Шеф Советского отдела

Оперативного Директората

Все более ускоряя шаг, Вулрич направился к лифтам. На пятом лифт поднимет его на этаж, где располагаются помещения его отдела. Пожалуй, самого крупного из шести «географических» отделов Оперативного Директората.

Это большое оперативное хозяйство просто необходимо. «Главный противник» требует к себе пристального и каждодневного внимания.

Джеймс Вулрич через резидентуры Лэнгли к тому же ведет работу не только на территории Советского Союза и в других странах Варшавского блока. Он координирует «советскую» линию во всем мире, используя для этого, в частности, «русские группы», созданные в зарубежных подразделениях ЦРУ. В отличие от других отделов Оперативного Директората Советский отдел Джеймса Вулрича занимается проблемами безопасности. Его миссия состоит в том, чтобы не пустить русских «кротов» в свое собственное хозяйство.

На пятом этаже, выйдя из бесшумного подъемника, Джеймс Вулрич, уже не торопясь, шел по бесконечно длинным коридорам. Он не встретил почти никого из своих работников, занятых делами в своих кабинетах или разъехавшихся по разным точкам земного шара по многочисленным заданиям разведки. Те немногие, кто ему попадался в коридоре, всерьез удивлялись, считая его больным и увидев теперь в Лэнгли.

Наконец, начальник Советского отдела остановился у своего кабинета. На двери табличка с буквенно-цифровым индексом, указывающим на секцию этажа и номер кабинета начальника Советского отдела.

— Доброе утро, сэр! — приветствовала своего шефа секретарша Джеймса Вулрича Кристина Холкрофт, когда тот появился в приемной своего офиса. Вряд ли вам надо было приходить сегодня. Лучше бы побыть дома.

Кристину беспокоит нездоровый вид шефа, тревожат глубокие складки под глазами, прикрытые чуть сощуренными веками. Кристине уже немало лет, она ровесница своего шефа, но он кажется ей большим ребенком, требующим внимания и заботы. И она по-матерински заботится о своем начальнике, к которому искренне привязана.

Кристина Холкрофт вдова. Ее покойный муж, сотрудник ЦРУ, убит во Вьетнаме, и у него есть своя «звездочка» в мемориальном зале. Седые волосы, собранные сзади в пучок, очки в изящной оправе, строгий костюм — создают образ матроны, знающей свое место в том маленьком мире, где она чувствует себя хозяйкой. Тонкий ум, женская внимательность и добросовестность придавали Кристине Холкрофт значительность и вес, так

необходимые людям ее профессии и делавшие ее полезной при всех обстоятельствах.

Секретарша Вулрича удивлена его появлением и немало огорчена — он только вчера предупредил ее, что чувствует себя неважно и завтра на работу не придет. Кристина не понимает, зачем нужно рисковать своим здоровьем. Даже ради архисерьезных проблем. Она давно работает у Вулрича, еще до того, как он возглавил Советский отдел. Она образцовая секретарша, всегда внимательна к делам своего шефа и к нему самому. Она оберегает его от житейских неурядиц. И не потому, что боится оказаться ненужной, а просто потому, что по своему характеру иначе поступать не может. Вот за это ее и ценят в Советском отделе, ценит и уважает ее начальник.

Джеймс Вулрич, как всегда, корректен и доброжелателен.

— Доброе утро, Кристина. Мне уже получше. И есть дела. Конечно, они всегда есть, но есть кое-что неотложное. Ну, а самое главное — мне все-таки полегчало.

Вулрич доволен вниманием. Его всегда трогала забота собственной секретарши. Человеку не так уж много надо, чтобы быть удовлетворенным.

Джеймс Вулрич строг, прилежен и аккуратен на службе. Этого же он требует от своих подчиненных. Ничто не может быть выше долга, которому он подчиняется. Он искренне убежден, что делает доброе дело и искореняет зло. Зло — это все противники Соединенных Штатов, и в первую очередь Советский Союз. И этот ненавистный КГБ, который часто становится на пути его планов!

— Какие-нибудь новости?

— Утром звонил мистер Каллохен из Федерального бюро расследований. У него есть какая-то срочная и важная информация для вас, сэр. Он сказал, что будет звонить вам домой.

— Наверное, он так и сделал, но я уже был в дороге. Пожалуйста, принесите мне кофе, а через пять минут соедините с мистером Каллохеном.

Джеймс Вулрич настоящий кофеман! Это модное нынче словечко отлично подходит к начальнику Советского отдела. Кофе он предпочитает многим другим напиткам. Об этом знает Кристина, знают коллеги и друзья.

Джеймс Вулрич прошел в свой кабинет. Это настоящий музей мировой фауны. Любопытный посетитель всегда сможет определить, в каких краях побывал нынешний хозяин кабинета, — стены увешаны фотографиями экзотических охотничьих трофеев, зверей и птиц. Но есть и несколько вполне «реальных» экспонатов — искусно выделанные рога и шкуры.

Любимые трофеи Джеймса Вулрича — волки. Их «присутствие» ощущается повсюду в кабинете, может быть, именно поэтому начальник Советского отдела приобрел в Лэнгли прозвище «Волк». Почти совсем как в одном из романов Джека Лондона.

«Волк» Вулрич, обладатель этого прозвища, не обижался, когда его так называли. В глаза и за глаза. Ему даже нравилось сравнение с умным и свирепым хищником, «санитаром» лесов и полей. Профессия разведчика в чем-то сродни профессии врачевателя. Врач дает клятву лечить больных, разведчик тоже лечит, лечит по-своему.

Джеймс Вулрич давно снискал в «компании» (как именовали ЦРУ сами офицеры разведки) репутацию завзятого охотника и — немножко — чудака. Впрочем, «чудачества», вроде коллекционирования трофеев, ему охотно прощались. Руководителя советского отдела ценили за оперативный «охотничий» азарт и недюжинное умение делать дело. Удивлялись только: как он умел находить время для удовлетворения этих своих чудачеств? Как ухитрялся совмещать свои многотрудные занятия — руководство резидентурами, собственные оперативные дела, переписку с центром, встречи с агентами — со страстью к охоте? Возможно, и агентов подбирал таких, кто увлекался этим «хобби»!

В Вашингтоне, правда, у Джеймса «Волка» Вулрича, ставшего начальником Советского отдела, были иные заботы и иные дела, не оставлявшие времени давним пристрастиям.

Как бы то ни было, сезон охоты на зверей теперь перешел в другую форму — охоту на людей. И здесь были свои трофеи, но их не принято развешивать на стенах, даже в таком сверхсекретном заведении, как Лэнгли.

В кабинете Вулрич удобно устроился в глубоком кожаном кресле у огромного стола, который скоро будет завален кипой утренних газет. Это обязанность Кристины. Она действует как выверенный и точный механизм. Потом появится ворох служебных бумаг, которые Вулрич извлечет из своего сейфа, принесут подчиненные, доставят секретари из других подразделений или курьеры от самого директора. Документы с грифом «секретно», меморандумы, сводки…

Все это будет потом, а пока начальник Советского отдела с наслаждением потягивает принесенный Кристиной кофе. Его успокаивает обретенный покой. Пусть это лишь на короткое время. Он ждет разговора с Джоном Каллохеном.

Джон Каллохен — начальник вашингтонского подразделения ФБР. В его ведении дела Федерального бюро расследований, касающиеся посольства Советского Союза в Вашингтоне. Он

коллега Джеймса Вулрича по «главному противнику» и его давний приятель.

Утренний звонок Каллохена почему-то неприятно кольнул Вулрича, навеял какой-то внутренний холодок, перекликавшийся с его переживаниями в мемориальном зале. Правда, появившиеся было дурные предчувствия тут же отошли в сторону. Теперь он думал о пользе кооперации с Федеральным бюро расследований для ЦРУ в целом и для Советского отдела в частности. К тому же Джон Каллохен был настоящим другом, готовым прийти на помощь.

Вулрич с удовольствием вспомнил проведенную совместную операцию. Вашингтонское управление ФБР было на высоте, а Джон стал душой этой операции. В памяти Джеймса Вулрича испуганное лицо молодого русского из посольства, когда парни Каллохена и один из сотрудников советского отдела склонили его к сотрудничеству со спецслужбами Соединенных Штатов, пригрозив в случае отказа пустить в ход материалы секретной фотосъемки о его любовных делишках с вашингтонскими проститутками и пристрастии к подпольным торговым сделкам. Вулрич наблюдал всю сцену вербовки русского на экране телевизора из соседнего помещения.

Это была одна из многих совместных акций ЦРУ и ФБР в рамках программы «Кортшип». Не все операции были удачны, но в данном случае успех был полный. ФБР усилиями друга Вулрича Каллохена еще задолго до окончания командировки русского в США «передало» его ЦРУ. В Лэнгли основательно подготовили завербованного русского к работе с московской резидентурой. Как же звали этого парня? Вулрич отлично знал присвоенный ему в Советском отделе псевдоним — «Рекрут», но не смог вспомнить его имя и фамилию. Да собственно говоря, они ему уже не были нужны. В резидентуру посланы все необходимые инструкции, и дела шли в Москве неплохо. По заведенной в Лэнгли программе.

«Рекрут» — научный сотрудник престижного в Советском Союзе Института США и Канады. Он недолго пробыл в Вашингтоне, был командирован в Соединенные Штаты «для повышения квалификации», чтобы лучше узнать страну, которой ему приходится заниматься в Институте.

Удачно завершив вербовку и подготовку агента в Вашингтоне, в Лэнгли решили, что в Москве еще преждевременно проводить с «Рекрутом» личные встречи, всегда рискованные в Советском Союзе. Агента поэтому снабдили условиями связи, которые не были бы столь опасными для разведчиков московской резидентуры ЦРУ. «Рекрут» уже несколько раз посылал зашифрованные письма для ЦРУ на адреса американских

граждан, которые ему дали в Вашингтоне. Московская резидентура дважды передавала ему очередные задания разведки и деньги, а агент регулярно, как просили в Вашингтоне, ставил условные сигналы, сообщая Лэнгли то, что позволял этот способ связи.

У «Рекрута» было все необходимое — шифры, тайниковая копирка, заготовленные в Вашингтоне письма от «американских туристов», материалы для прослушивания радиопередач ЦРУ. Может быть, со временем, когда у агента появится больше информации и возможностей, Лэнгли даст указание резидентуре организовать с «Рекрутом» личную встречу. Агент подготовлен к ним в Вашингтоне. И — не возражает, его удалось убедить в том, что это совершенно безопасно. Как хорошему пловцу переплыть неглубокий пруд.

В Советском отделе досье на «Рекрута» находится у одного из его подчиненных, а непосредственно курирует операцией по связи с новым агентом заместитель Вулрича Питер Николс. Протеже самого Вулрича и один из самых способных в ЦРУ разведчиков-агентуристов. Николс недавно вернулся в Вашингтон из Таиланда. В «стране слонов» он возглавлял посольскую резидентуру американской разведки в Бангкоке.

Катастрофа

Голос Кристины Холкрофт, приоткрывшей дверь в кабинет, вывел Джеймса Вулрича из приятной задумчивости.

— Мистер Каллохен на линии, сэр.

— Джон, рад вас слышать. Доброе утро. Что-нибудь произошло?

Баритон Каллохена был непривычно тревожен, и начальник Советского отдела насторожился:

— Боюсь, Джеймс, утро будет не слишком добрым.

Вулрич сразу же подумал о «Рекруте»:

— Что-нибудь с нашим новым другом?

— Нет, Джеймс, это что-то другое. Вчера поздно вечером мои ребята перехватили разговор двух русских из посольства. Похоже, они обсуждали какое-то известие, только что поступившее из Москвы. Они были очень озабочены. Им сообщили, что КГБ в Москве арестовал некоего Платова. Возможно, я не совсем правильно произношу фамилию. Знаете, было не очень хорошо слышно. Не идеальные условия. Русские говорили о каком-то камне, в котором была спрятана крупная сумма денег. Вот его и арестовали, когда он подобрал этот камень. Где-то в окрестностях Москвы. Я так понимаю, что это был тайник. Из разговора этих двух русских выходило, что арестованный кто-то из их сослуживцев. Я уверен, что они сами из КГБ.

Для начальника Советского отдела все было понятно. Он тяжело задышал в трубку и, казалось, на время потерял дар речи.

— Джеймс, вам это говорит о чем-нибудь? Вы меня слушаете? Русским в Вашингтоне запретили проявлять активность. Сегодня с утра мы уже это заметили.

— Благодарю вас, Джон, — Вулрич медленно приходил в себя. — Сейчас мне пока нечего вам сказать. Позвоню вам позже. До свиданья.

Несколько минут Вулрич пребывал в тяжелом раздумье. Наконец, нерешительно снял трубку телефонного аппарата, выводившего его напрямую на директора Центрального разведывательного управления.

— Здравствуйте, сэр, это Джеймс Вулрич. Боюсь, что у меня плохие новости.

Голос Вулрича неожиданно для него самого начал дрожать и потерял обычную стройность. Он еще что-то говорил в трубку, а потом долго слушал собеседника. Когда разговор закончился, он снова погрузился в необычное для себя мрачное состояние. Наконец, усилием воли он взял себя в руки и попросил Кристину вызвать Питера Николса.

Прошло несколько долгих минут, и вот Николс в кабинете начальника Советского отдела, несмотря на свои сорок лет, это — молодцеватый, подтянутый и стройный мужчина. С его лица не сходит жизнерадостная улыбка, и весь его вид излучает уверенность.

Совершенно не случайно записные шутники Лэнгли наградили его прозвищем «Везунчик». Ему действительно везло в жизни.

Питер Николс и впрямь мог считать себя «Везунчиком» и оптимистом. Он не из тех, кого удача оставляет своим вниманием просто потому, что они плохо информированы. Он умел добиваться цели, шел к ней напролом. И потому — всегда улыбался.

Надо отдать должное американцу: огромное честолюбие, деловитость, которой гордятся в Соединенных Штатах и которой так завидуют в других странах, кипучая энергия, цепкий ум и отличная память, напористость и лисья хитрость — существо его натуры. В общем-то по-своему незаурядный. Преклонение перед силой удобно уживалось в нем с рационализмом. Питер Николс — исправный службист, верный своей карьере в разведке и лояльный к начальникам. В нем здоровая мораль американца, верящего в идеалы страны, крепкого телом и сильного духом.

— Доброе утро, Джеймс, — сказал Николс, появляясь в дверях. — Вы все же пришли на работу?

— Здравствуйте, Питер, — Вулрич едва скрывал волнение, — думаю, нам обоим следует выпить.

Он достает из бара бутылку коньяка, наливает в рюмки и одну из них подает своему заместителю. Тот еще ничего не понимает, но уже чувствует необычность поведения шефа.

— Питер, есть ли какие-нибудь новости из Москвы? Проведена ли, наконец, операция по связи с вашим знакомым из Бангкока?

— Честно говоря, задержка меня немного тревожит. Как вы знаете, мы расстались с ним почти пять месяцев тому назад. Договорились, что когда он вернется в Москву и приступит после отпуска к работе в центральном аппарате русской разведывательной службы, он поставит условный сигнал. Этот сигнал московская резидентура увидела. «Прочитала», как мы говорим. Затем он должен был подождать нашего сообщения по радио и за это время убедиться еще раз, что вокруг него все спокойно. Нашим планом предусматривалось, что после этого мы начнем с ним регулярную работу в Москве и на самом первом этапе передадим ему через тайник деньги. Аванс, так сказать, за действия в особых условиях. Он сам просил об этом в Бангкоке. Помните, он не очень был расположен к работе с нами в Москве. Пришлось уговаривать.

Питером Николсом понемногу начало овладевать чувство беспокойства. Он продолжал рассказ, словно чувствуя, что шеф хочет услышать от него что-то еще.

— Подробный план связи у него есть. Сигнал к изъятию тайника предполагалось дать по радио. Так и сделали. А до этого, три недели тому назад, молодой сотрудник резидентуры Арнольд Бронсон, вы его, Джеймс, хорошо знаете, заложил этот самый тайник с деньгами. Теперь резидентура ждет появления сигнала агента о благополучном изъятии закладки. Мы дважды напоминали о сигнале по радио, но агент пока не реагирует. Может быть, напомнить еще раз?

— В этом уже нет необходимости, Питер, русские арестовали «Пилигрима».

Питер Николс как-то весь съежился и побледнел. Рука, державшая рюмку с коньяком, беспомощно повисла и разжалась, и рюмка упала на пол. Осколки стекла со звоном разлетелись по кабинету. Джеймсу Вулричу в этот момент почудилось, что львы и волки на фотографиях, украшавших стены кабинета, осклабились и угрожающе зарычали. И вот уж совсем удивительно: лицо Джеймса Вулрича, застывшее и безразличное ко всему, вспыхнуло каким-то недобрым волчьим выражением.

Сейчас Джеймс «Волк» Вулрич нервно ходил по кабинету,

изредка поднимая голову и смотря каким-то сумрачным взглядом на своего подчиненного. А тот молчал, пораженный внезапно обрушившейся на него дурной вестью.

Красноречивая немая сцена в кабинете начальника Советского отдела.

Глава вторая

Москва — Бангкок.
Год 1983-й
Неожиданная командировка

Сотрудник Первого Главного управления КГБ СССР Лев Михайлович Плахов никак не ожидал, что получит назначение в Таиланд. Служебная командировка в далекую азиатскую страну срывала его честолюбивые планы — «утвердиться» на англо-саксонском или европейском направлении. Плахов был оперативным работником влиятельного и грозного Управления внешней контрразведки. Он говорил по-английски, понимал немецкую речь, немного владел испанским языком и рассчитывал, что это будет принято во внимание руководством. Как и его страноведческие познания о государствах Европы. Азиатский континент он считал невыгодным для себя местом работы. Непривычно и сложно для оперативной карьеры. Были и другие проблемы — жаркий и влажный климат, учеба единственной дочери в старшем классе школы, каковых не было в Бангкоке, необычные условия оперативной работы в незнакомой среде, пугающая информация о коварных и тяжелых заболеваниях в этом регионе.

Но суровая медицинская комиссия не выявила противопоказаний ни у Плахова, ни у его жены, и руководство было неумолимо. Дело было за медициной, которая должна защитить от азиатских напастей. Болезненными, но надежными прививками.

Что знал майор разведки о далекой стране в Юго-Восточной Азии, куда его на долгих два-три года посылали в командировку?

Очень немного, сказать по правде, если не считать таких бытовых мелочей, как сиамские кошки и сиамские близнецы. Он не совсем, правда, уверен, из Таиланда ли они. По существу, ничего. Нельзя же всерьез говорить о голливудской кинокомедии «Король и я» — хоть и с блистательными американскими актерами Деборой Керр и Юлом Бриннером в главных ролях! В американском мюзикле, который Плахову удалось посмотреть во время одной из краткосрочных командировок в свойственной Голливуду фривольной манере, изображалась таиландская монархия. Гротеск да и только! В самом Таиланде веселая комедия была запрещена к показу в кинотеатрах страны.

Да и не так уж много полезной информации содержалось в голливудской продукции. Надо было кардинально восполнять

пробелы в почти нулевых познаниях. И старший оперуполномоченный майор Плахов начал добросовестно готовиться к долгосрочной зарубежной командировке. Добросовестность, аккуратность и исполнительность майору Плахову были присущи всегда, и эти его качества импонировали начальству. Возможно, они и определили принятое решение о Таиланде.

Все оказывалось не так драматично, как думалось Плахову в самом начале его азиатской «одиссеи». Столица страны, если верить рассказам побывавших там коллег, была вполне приличным местом для проживания. Теща с радостью согласилась оставить внучку у себя. Она живет одна в двухкомнатной квартире, ее покойный муж, солдат Великой Отечественной, погиб в конце войны, любимая внучка будет ей в радость и в помощь.

Да и задания, которые Льву Михайловичу Плахову поручались по службе, были важными и ответственными. Они вовсе не сводились к собиранию мелочной информации о положении в коллективе сотрудников советского представительства, где ему вскоре предстоит жить и работать. Еще во время учебы в разведывательной школе Плахову приходилось слышать, что это чуть ли не единственная функция внешней контрразведки. Да и потом, уже в Ясеневе, было обидно выслушивать от коллег из других подразделений разведки, что работники его службы только тем и заняты, что собирают слухи и сплетни о делах в совколонии, как на лексиконе спецслужб назывались сотрудники советских учреждений в стране пребывания и их семьи. Чистюли! Привыкли работать в белых перчатках. Если бы они знали, чем в действительности занимается служба внешней контрразведки! Плахов был преисполнен чувства профессиональной гордости за свою линию работы и готов защищать ее от несправедливых нападок.

Задачи, которые ему предстояло решать, были далеки от расхожего представления, свойственного большинству даже знающих разведывательное дело специалистов. Они состояли в том, чтобы оберегать посольство и его сотрудников от спецслужб противника. И главной из них была резидентура Центрального разведывательного управления, обосновавшаяся под крышей посольства Соединенных Штатов в Бангкоке. По некоторым сведениям, она в последние годы увеличилась в размерах и, возможно, теперь играет роль регионального центра американской разведки в Юго-Восточной Азии. Вероятно, именно в Бангкок перебрались некоторые подразделения ЦРУ после сокрушительного разгрома США и его марионетки — сайгонского

режима в Южном Вьетнаме.

ЦРУ — злой гений Управления внешней контрразведки Первого Главного управления КГБ. «Притча во языцех». На каком бы направлении ни работали его сотрудники, в какую бы страну их ни посылали из Ясенева, Центральное разведывательное управление занимает думы каждого.

Лев Михайлович Плахов не исключение в этом. Старшему оперуполномоченному советской разведки предстоит познакомиться с резидентурой ЦРУ в Таиланде — одним из крупнейших подразделений Лэнгли в Азии. Она имела свои отделения во всех провинциях страны, особенно на севере и на юге, охваченные в пятидесятых-шестидесятых годах народными волнениями. Резидентура занималась всеми видами разведывательных операций: агентурной работой в самом Таиланде, заброской агентов в сопредельные страны, борьбой с повстанческим движением в Юго-Восточной Азии, психологической войной повсюду, куда могла проникнуть. Ее структура, созданные в ней отделы и сектора соответствовали оперативным задачам: сектор подрывной работы против компартии Таиланда, отдел операций против Китайской народной республики, отдел Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, сектор по работе в таиландских правительственных учреждениях и по связи с местными спецслужбами, группа по Советскому Союзу.

Уполномоченные Центрального разведывательного управления прочно обосновались в большинстве из 71-й провинций «страны слонов».

Сталкиваясь с информацией, Плахов давно привык ничему не удивляться. Он знал, что в послевоенные годы Юго-Восточная Азия превратилась в бурлящий котел, а Таиланд стал для Вашингтона плацдармом для подавления национально-освободительного движения во всем обширном регионе. Теперь он впитывал все новые и новые факты.

Для Центрального разведывательного управления Таиланд был базой вторжения в Китай выброшенных из страны чанкайшистов. После сокрушительных поражений вторгавшихся в южные области КНР из Таиланда и Бирмы войск чанкайшистского генерала Ли Ми и провал расчетов на восстание в Китае, Центральное разведывательное управление вынуждено было сменить тактику. Резидентура ЦРУ в Бангкоке перешла на подготовку агентов-китайцев и заброску их с территории Таиланда в КНР.

Из Таиланда ЦРУ проводило операции против Лаоса и Камбоджи, стремясь подкрепить ими прямую военную интервенцию США в эти страны, насадить в них прозападные

режимы.

Информация о деятельности Центрального разведывательного управления в Юго-Восточной Азии лавиной обрушилась на майора Плахова. Постепенно Таиланд, древняя «страна слонов», приобретал очертания живого организма, населенного зримыми существами и умело управляемого извне гигантской военно-политической силой мирового жандарма.

Потерпев крах в Индокитае, Соединенные Штаты основательно взялись за Таиланд. Еще в 1950 году Вашингтон навязал Бангкоку соглашение о военной и технической помощи, а в 1954 году американцы втащили Таиланд в СЕАТО военно-политический союз, созданный в Азии по образцу НАТО. С этого времени в Таиланде обосновалась так называемая «Объединенная группа американских военных советников» — «Джусмаг». Они контролировали вооруженные силы и спецслужбы страны, в том числе службу безопасности Сантибан и могущественные полицейские органы и пограничную стражу. Американские советники засели в правительственных учреждениях страны. Деньги сделали свое дело — правительственный аппарат попал в услужение к американцам. Внешне все обставлялось необходимостью защиты Таиланда от коммунистов.

Победа союзников над державами «оси» покончила с зависимостью Таиланда от японских оккупантов. Теперь под давлением своих новых «покровителей» Бангкок участвовал в корейской войне на стороне Соединенных Штатов. А вскоре был втянут и в американскую агрессию во Вьетнаме. Трудно вырваться из объятий такого «друга» как Вашингтон!

Резидент ЦРУ сделался ближайшим другом таиландских правителей. Он чуть ли не ежедневно встречался с руководителями страны, щедрыми подношениями, запугиваниями и лестью направлял действия очередного «сильного человека», министров и руководителей спецслужб, которые в его умелых руках становились послушными марионетками подлинного хозяина и фактически низводились до положения платных агентов американской разведки. Так создавался институт «кротов» на самом высоком государственном уровне. При помощи таких высокопоставленных «кротов» Центральное разведывательное управление заправляло делами во многих странах третьего мира.

ЦРУ превосходно владело искусством приобретения и использования «кротов», особенно в тех странах, которые зависели от Вашингтона. «Кроты» американцам были нужны повсюду. Но прежде всего они требовались в странах противников Соединенных Штатов. Советский Союз, главный противник

Вашингтона, — вот кто интересовал американскую разведку в наибольшей степени. Поэтому-то и появилась в бангкокской резидентуре, как и в других зарубежных подразделениях ЦРУ, так называемая «советская группа». Ей вменялось в обязанность следить за посольством СССР в Таиланде и выискивать там людей, подходящих на роль «кротов».

Предшественник Плахова немало сил потратил на то, чтобы понаблюдать за деятельностью резидентуры ЦРУ в Бангкоке. Комитету государственной безопасности стали известны многие сотрудники резидентуры. Не было секретом и то, что в последнее время резидентуру возглавлял опытный американский разведчик Питер Николс, имевший в посольстве дипломатический ранг первого секретаря. В Ясеневе предполагали, что Николс был до назначения резидентом руководителем «советской группы», именуемой самими американцами «русской группой» резидентуры. Так надежнее определять, кто есть кто. В Ясеневе тоже не обижались.

Питера Николса хорошо знали в советском посольстве в Бангкоке как завсегдатая дипломатических раутов в представительстве, большого любителя щедрых застолий, поклонника русской водки и икры, вкусных закусок, которые мастерски готовил посольский повар с помощью своих добровольных помощниц жен сотрудников представительства. Редкий прием в посольстве проходил без его участия. Вежливого и обходительного американца гостеприимно принимали, и многие советские дипломаты, в свою очередь, не отказывались от его любезных приглашений на приемы в американском посольстве и к нему домой на роскошную виллу в пригороде города. Впрочем, он вел себя корректно и не давал повода к неудовольствию приглашенных. Так, по крайней мере, считали в Ясеневе, полагая, что нынешний резидент ЦРУ «присматривается» к своим будущим жертвам, и, со своей стороны, присматривались к американцу.

Правда, не все, чем занимался резидент Центрального разведывательного управления, было известно советской разведке. Мало что знали о его тесном контакте с Сантибаном. И только могли догадываться, какую густую и вязкую паутину сплели американцы в Бангкоке…

Сантибан — тайная полиция Таиланда. Его функции — подавление внутренней оппозиции режиму. С ведома своих американских советников Сантибан не стесняется в средствах. Внутренний враг вполне достоин жестоких приемов и методов — варварских пыток, убийств без суда и следствия, коварных угроз. В восьмидесятых годах, когда сопротивление оппозиции ослабло,

а повстанческое движение пошло на убыль, усилия Сантибана по указанию резидентуры ЦРУ были повернуты на советское посольство. Денег и средств на эти цели в Вашингтоне не жалели. В слежке за советскими дипломатами принимали участие агенты Сантибана, группы наружного наблюдения тайной полиции. Телефоны посольства были взяты на контроль с использованием оперативной техники американцев, квартиры сотрудников представительства, где это было возможно, оборудовались любезно предоставленной ЦРУ аппаратурой подслушивания.

Шеф службы безопасности — доверительный контакт резидента ЦРУ Питера Николса. Вроде бы достаточно иметь одного такого друга в руководстве Сантибана. Но следуя хорошему правилу: «нельзя класть все яйца в одну корзину», в Лэнгли решили подстраховаться. Сантибан был насквозь пронизан «друзьями» американцев. Были другие доверенные лица, существовали тайные агенты в тех подразделениях службы, которые были нужны Центральному разведывательному управлению.

Лев Михайлович Плахов с удовлетворением узнал о том, что в резидентуре КГБ в Бангкоке есть несколько перспективных дел на сотрудников Сантибана преданного союзника ЦРУ в оперативных делах по посольству Советского Союза. Некоторые из этих людей очень недовольны засильем американцев. Плахов досконально изучил материалы разработок.

Открывалось еще одно, не менее важное, направление работы противодействие угнездившемуся в Северном Таиланде и, возможно, в самой столице страны могущественному наркобизнесу, протянувшему свои жадные, липкие щупальца ко всей Европе и Северной Америке и вознамерившемуся, похоже, «освоить» Советский Союз. В Комитет государственной безопасности СССР уже поступила информация о попытках таиландских наркодельцов создать каналы доставки «товара» через наши южные границы. Разобраться в существе дела, выявить конкретные пути проникновения курьеров — задача старшего оперуполномоченного Плахова, и он должен использовать для этого все возможности. Не исключая смелого хода — установления контакта с американцами.

Смелый ход? — наверное. Но необычным его назвать было нельзя. Ведь раковая опухоль наркобизнеса, прорывающегося из Юго-Восточной Азии в другие районы мира, — серьезная опасность для самих Соединенных Штатов. Плахов уже наметил план совместной работы с американцами. В Таиланде у них есть отделение Администрации по борьбе с наркотиками. Контакт с представителем Ди-Эй-Ди, думалось Плахову, может оказаться

полезным. Может быть, пригодится и кто-нибудь из американских дипломатов, занимающихся этой проблемой. Дальше этого Лев Михайлович Плахов пока не продумывал своих действий — на месте будет виднее. Во всяком случае, в Ясеневе предварительный план Плахова был одобрен. Контакты с американцами в ограниченных сферах не возбранялись, а в отдельных случаях — просто поощрялись.

Плахов весь погрузился в подготовку к поездке. Дома он обложился открытой литературой о Таиланде, поглощал книгу за книгой, справочник за справочником. Он с удивлением обнаружил, что эта отсталая в недавнем прошлом сельскохозяйственная страна незаметно для мира превратилась в государство с высокоразвитой индустрией. Теперь в Таиланде есть не только легкая промышленность, считавшаяся когда-то слабомощной, не только производство бумаги и цемента, не только отрасли обработки сырья, поставляемого в основном крестьянским трудом. Это — точное машиностроение и электроника. И многое другое, неожиданно открывшее миру эту задержавшуюся в развитии страну. Таиланд — Пратет Тай — «страна свободных», как с гордостью называют себя сами жители, уже не просто зависимый от мировой конъюнктуры экспортер риса, каучука, особо прочной древесины, джута, тапиоки, кокосовых орехов и любимых кое-где сушеных ласточкиных гнезд — он поставляет в Соединенные Штаты, европейские и иные страны мира дешевую электронику, предметы, которые необходимы в быту.

Таиланд переживал экономический подъем. Он превратился в одного из азиатских «тигров», изумлявших весь мир. Еще далеко до кризиса, который больно ударит по стране в девяностые годы и рельефно обозначит ее полную экономическую зависимость от Соединенных Штатов и международных финансовых корпораций и картелей, ее шаткое положение в бушующем мире мирового хозяйства.

Льву Михайловичу Плахову, усердно штудировавшему доступную литературу о Таиланде, неожиданно открылись недобрые и устрашающие страницы его истории и жизни. Вьетнамская война, опасно приблизившаяся к самым границам страны, сыграла роль катализатора экономики, вызвала невероятный строительный бум, небывалый доселе рост банковской активности. Еще больше расцвели теневая экономика, контрабанда, игорный бизнес, спекуляция. Война принесла баснословные прибыли Соединенным Штатам, которые ее вели, и Таиланду, который на ней наживался, не оплачивая напрямую кровью ее неизбежные издержки.

За годы вьетнамской авантюры Таиланд стал ближним тылом вооруженных сил Соединенных Штатов и их союзников, принимавших участие в боевых действиях. Бангкок сделался базой для отдыха и развлечений военнослужащих, в основном американцев. Но вьетнамская война приносила не только прибыли и удовольствия. Она влекла за собой и огромные потери, и неисчислимые беды. И не только те, что могли измеряться пролитой кровью, увечьями и жертвами, павших в сражениях. В Таиланде появились ее неизбежные спутники, грозившие разложением обществу, — проституция, наркотики, спид.

Секс-индустрия снискала Таиланду печальную мировую «славу» и известность. Бангкок стал известен во всем мире своими кварталами «красных фонарей». Проституция в столице Таиланда и в курортных городах страны пустила глубокие корни. Наркобизнесом, потреблением наркотиков были поражены широкие слои населения, был пропитан государственный аппарат. Многие чиновники, особенно в пограничной полиции и в других спецслужбах, были связаны с наркомафией, получали мзду от производителей и сами были вовлечены в торговлю опиумом и героином. Процветала частная торговля наркотиками. Ядовитое зелье свободно продавалось в аптеках и лавчонках. Наркотики можно было легко достать у расквартированных в Таиланде американских военнослужащих и членов их семей, наркомания стала страшным бичом.

Размеренный, спокойный, неторопливый образ жизни тайцев, пребывавших под влиянием буддистских верований, собственных традиций и еще более древней культуры Индии и Китая, в одночасье был нарушен войной и туристами-оккупантами. Американцы растлили тайскую нацию, наградив ее невиданными до сих пор в стране неправедным стяжательством, болезнями и несчастьями.

Война во Вьетнаме сказочно обогатила таиландских правителей, финансистов, дельцов и чиновников. Но она по существу полностью превратила страну в марионетку Вашингтона. Его соперники — Лондон и Париж, некогда хозяйничавшие там, были отстранены на вторые роли. Япония, оккупировавшая Таиланд в первой половине сороковых годов, была разгромлена и пока еще не представляла в Таиланде серьезного конкурента для США. Американские товары заполонили страну. Доллар пустил в Таиланде глубокие корни и затмил тайскую денежную единицу — бат, начавшую было крепнуть после войны и японской оккупации. Валюта «дядюшки Сэма» теперь свободно обращалась повсюду. Американская духовная продукция вытеснила национальные культурные

ценности в театрах и кинотеатрах, на телевидении и на радио. Таиланд превращается в вотчину, в полигон Соединенных Штатов, — подумалось Плахову. Он ошибался: это превращение давно совершилось.

Преуспели в установлении своего господства в Таиланде и спецслужбы США. Война, непрерывные государственные перевороты, приход к власти алчных военных диктаторов укрепляли положение в стране Центрального разведывательного управления и военной разведки. «Джусмаг» — Объединенная группа американских военных советников и резидентура ЦРУ стали в Таиланде государством в государстве. Резидент из Лэнгли становился ближайшим другом очередного премьер-министра, главнокомандующего вооруженными силами, министра внутренних дел, руководителя полиции, шефа Сантибана. Друга тех, кому в данный момент принадлежала власть в Бангкоке.

Оперативные документы и книги делали свое дело — перед Львом Михайловичем Плаховым открывался новый мир. Мир, полный пьянящих загадок, роскоши и нищеты. Мир прошлого и настоящего, где Восток встречается с Западом.

И еще кое-что казалось немаловажным старшему оперуполномоченному Плахову. Бангкок вовсе не так уж плох для жизни. Уровень жизни здесь довольно высокий для людей его положения. Он ниже, чем в Западной Европе, и, безусловно, ниже, чем в Соединенных Штатах. Но он превосходит жизненный уровень большинства азиатских стран. И вполне комфортен для тех, кто приезжает из Москвы. В качестве дипломата и не на очень длительный срок.

Во всяком случае, никаких трудностей с продуктами питания нет, да и цены на них невысокие, ниже, чем в целом в мире. Обилие фруктов, любимых в его семье, в том числе апельсинов, грейпфрутов, ананасов и уж совсем таких редких в наших краях, как манго, папайя, дуриан. Плахов пожалел только, что с ними не будет дочери-старшеклассницы, и решил при первом же удобном случае взять ее в Бангкок на время школьных каникул.

Да и природные условия и климат здесь вполне терпимы. Малярия, этот убийца № 1 для жителей Таиланда в прошлом, перестала быть национальным бедствием. Возможно, в центральных районах страны еще немало малярийных болот, сохраняющих свою губительную силу несмотря на все усилия ООН, не жалеющих средств для ликвидации этой напасти. Вероятно, и в сельской местности по-прежнему страдают от заболеваний, вызываемых нездоровой питьевой водой. Но Бангкок — вполне современный город. Безусловно, как везде в Азии, надо поберечься, но страхи на этот счет, похоже, можно отбросить.

Где-то зашевелились и вовсе уж меркантильные мысли. Ведь столица Таиланда славится недорогими в тамошних местах драгоценными и полудрагоценными камнями, особенно сапфирами. Цены на золото, на золотые изделия значительно ниже, чем в Москве, а дешевые таиландские рубины лучшие в мире. Это всем известно. Приятное и полезное дело! Слишком увлекаться не стоит, но знать — необходимо.

Все эти изделия, понятно, привлекают иностранных туристов. Ну, и он станет на время туристом. Надо только избегать тех ловушек, которые подстерегают доверчивых и неловких иностранных туристов в тех краях, где туризм — прибыльный бизнес. Туристов многое привлекает. Они сначала с удовольствием, а потом с удивлением расстаются в бангкокских магазинах и на базарах с содержимым своих кошельков. Привлекает иностранных туристов и экзотика Таиланда — сработанные умельцами-ремесленниками изделия из змеиной и крокодиловой кожи, из слоновой кости, изящные лаковые шкатулки, искусные поделки из серебра и бронзы. Конечно, как везде в мире, надо опасаться подделок. И, как во многих странах на Востоке, нужно торговаться. Удивляться нечему: ведь первоначальная стоимость предлагаемых заманчивых вещей способна разве что не удивить только миллионеров. А слабонервных и вовсе свалит с ног.

…Между тем день отъезда семьи Плаховых в далекий Бангкок стремительно приближался. Получены последние указания руководства, напутствия и пожелания друзей и сослуживцев. Запасены подарки для коллег в резидентуре: столь приятные за рубежом черный хлеб и селедка. И еще кое-что для резидента: копченая колбаса и соленая рыба. Деликатесы на все случаи жизни.

И вот, наконец, Плахов с супругой и с нехитрым багажом в Шереметьеве. Серебристый лайнер берет курс на Ташкент, чтобы затем через Пакистан и Индию проследовать в столицу Таиланда. Перелет займет 10–11 часов. Не так уж и много по человеческим меркам.

Впереди — Бангкок. Впереди — интересная работа, полная радужных надежд и приятных ожиданий.

Бангкок — город ангелов

В этот апрельский день 1983 года в Москве стояла капризная весна. Было холодно и ветрено, временами шли дожди с порывистым ветром и градом. Зима не торопилась уступать. А в Бангкоке, куда спешил Плахов, еще не кончился «сухой сезон» лета, но уже чувствовалось неумолимое приближение душного и влажного периода, когда жара доходит до 42 градусов в тени.

Таиланд лежит в тропическом поясе, здесь не бывает зимы, не выпадает снег, нет резких скачков температуры. Ноябрь-февраль и май-сентябрь — сезон муссонов. Сильные ветры дуют то с северо-востока, то с юго-запада. Май начинается суровыми шквалами и бурями. Почти каждый день идут ливневые дожди, в основном по ночам. Но с февраля по май стоит удушающая жара. Все живое тогда прячется в тень и прохладу.

«ИЛ-62» готовится к посадке в аэропорту столицы Таиланда — Дон Муанге. Небо над Бангкоком сияло ослепительной голубизной. Еще из иллюминатора самолета город поразил Плахова своими контрастами — причудливым смешением невысокой буддийской архитектуры и современных небоскребов, яркой тропической растительностью и выжженных солнцем пустырями. Панораму города венчала широкая и полноводная река Меном Чао Прайя с множеством пронизывающих Бангкок каналов, собирающих сотни лодок крестьян и торговцев. Позже Плахов узнает, что все эти сотни и тысячи людей съезжаются сюда изо всех близлежащих провинций, чтобы вести оживленную продажу риса, рыбы, фруктов. Того, что кормит и покупателей, и продавцов.

Замечателен вид Бангкока с самолета! Недаром еще совсем недавно столицу Таиланда называли азиатской Венецией. Теперь уже многих каналов не видно — они упрятаны в подземные бетонные трубы. И тем не менее город поражает тех, кто никогда в нем не бывал.

Столицу своей страны тайцы называют Куанг Теп — городом ангелов. По этому своему имени Бангкок в одной компании с множеством населенных пунктов Северной и Южной Америки с «ангельскими» названиями. Он вполне может быть побратимом одного из крупнейших городов Соединенных Штатов Лос-Анджелеса, тоже «города ангелов».

С высоты птичьего полета Бангкок видится городом сотен буддийских храмов и монастырей. Их островерхие крыши выложены глазурованной черепицей или фарфоровыми плитками и ярко сверкают на солнце. Устремившись ввысь, пики крыш, казалось, охраняют город от неведомых врагов. По числу буддийских храмов — их более четырехсот — Бангкок, пожалуй, превосходит все остальные города Азии, где распространилась эта религия. Хотя Бангкок далеко не самый крупный мегаполис континента.

«ИЛ-62» подруливает к главному зданию аэровокзала и застывает на месте. Справа и слева от приземлившегося лайнера военные самолеты. Дон Куанг уже давно является главной базой ВВС Таиланда. Это — наследие вьетнамской войны, «подарок»

американского военного командования, преобразовавшего небольшой гражданский аэродром вблизи Бангкока в современный международный аэропорт.

У самого трапа Плаховых встречает молодой сотрудник консульского отдела посольства. Он предупредителен и внимателен. Плаховы препровождены в зал для «очень важных персон». У Льва Михайловича дипломатический ранг второго секретаря посольства, и он входит в эту категорию. Сотрудник консульства быстро улаживает все формальности и усаживает прибывших в посольскую автомашину. И вот она уже набирает скорость, вписываясь в бурлящий поток транспорта. Надо преодолеть 24 километра, отделяющие аэропорт Дон Муаяг от столицы. Это не так просто сделать в условиях, когда водители и пешеходы, словно соревнуясь друг с другом, не соблюдают правила дорожного движения.

Посольская автомашина непрерывно и оглушительно сигналит автомобилистам, сидящим за рулем машин всевозможных марок, легковых и грузовых, ультрасовременных и совсем стареньких, гужевым повозкам и крестьянским телегам, самлорам, велорикшам и просто пешеходам, спешащим по своим делам в город. Обгоняя менее ловких водителей японских «тойот», французских «рено», западногерманских «фольксвагенов», посольская автомашина продвигается к своей цели — к бангкокской улице Сатон-роуд, где располагается дипломатическое представительство Советского Союза.

Здание, ныне занимаемое посольством СССР, — одно из самых престижных в Бангкоке. Когда-то им владел королевский двор Таиланда. Сюда после окончания Второй мировой войны и въехала советская миссия, которая стала одним из важнейших центров дипломатической жизни страны. Дар монаршьего двора Советскому Союзу, с которым дипломатические отношения были установлены Таиландом в 1946 году, примечателен во многом. Король в Таиланде это примерно то же, что император в Японии. Он — символ страны и нации. Его обожествляют, перед ним падают ниц все подданные, кроме особо почитаемых в стране буддийских монахов, за него возносят молитвы в храмах. Но короля явно толкнули к этому шагу «сильные люди» и серьезные причины. Так что этот дар еще и символ — символ признания в Таиланде роли и значения нашей страны на земном шаре. Как знать, не был ли этот символический шаг таиландских властителей стремлением создать какой-то противовес засилью американцев? Что же, каждый сопротивляется как умеет.

Адаптацию прибывшей семейной пары к новой обстановке ускорило гостеприимство хозяев — сотрудников посольства. Пока

они не переехали в приличную для семьи ответственного дипломата виллу в городе, им временно предоставили комнату в гостевом помещении на территории представительства. Плаховы быстро раздали привезенные подарки. Как и ожидалось, они вызвали бурный восторг у тех, кто оказался их обладателями. Рад был и новый шеф Плахова — руководитель резидентуры. И приезду нового работника, и полученной от него сухой колбасе и соленой рыбешке, доброй закуске к пиву.

И, конечно, советские «бангкокцы» были очень рады привезенным письмам и небольшим посылкам — весточкам из далекой Москвы от родных и близких. В ответ они щедро делились с Плаховыми советами о том, как совладать с местными проблемами, где и что можно выгодно приобрести, как избежать возможных бед и — как важно соблюдать местные обычаи.

Несколько дней спустя Плаховы уже удобно устроились на вилле в одном из тихих переулков столицы, которой на два с лишним года суждено было стать их обителью.

Опустим подробное описание нанятой посольством виллы с небольшим садиком — этого райского уголка столицы, где с банановыми пальмами удивительно сочетались едко-пахучие и пьянящие магнолии и бугенвиллии, где цвели яркие цветы и порхали огромные бабочки, где можно было увидеть говорящего черного скворца-майну и вертлявых мартышек. За всем этим тропическим чудом присматривал приходящий слуга — индус, говорящий по-английски и, конечно, состоящий в услужении Сантибана. Плахов был в этом абсолютно уверен, но никогда не вызывал симпатичного молодого индуса на разговор на деликатную тему. Каждый должен заниматься своим делом, а за секретные занятия индуса на вилле наверняка еще и платили в Сантибе.

Впрочем, Плаховы были вполне удовлетворены его работой в саду и по дому. Ко всему остальному в положении советского вице-консула можно и нужно привыкнуть. Особенно если хорошо подготовиться.

Клуб дипломатов

Акклиматизация в Бангкоке прошла для Плаховых быстро и без проблем. Через пару недель Лев Михайлович привык к необычному климату, а спустя месяц или полтора вполне освоился и в новой обстановке. Никаких трудностей в изучении особенностей города, где ему теперь приходилось работать и жить, не возникало. Недаром он тренировался в Москве на карте Бангкока, мысленно рисуя себе просторные площади и авеню в центральной его части и узкие улочки на окраинах.

Он доволен, как разворачиваются события на основном

направлении его оперативной деятельности. Майор уже почти уверен, что с помощью новых друзей в Сантибане ему вот-вот удастся приблизиться к «главному противнику» — резидентуре Центрального разведывательного управления. Планы, которые он вынашивал еще в Москве, казалось, сулят полный успех. А вот дело с наркобизнесом движется туго. Можно сказать, просто стоит на месте. Не помогают ни контакты в полиции, ни неуловимый представитель ДЕА, который словно прячется от русского дипломата. Центр же напоминает и торопит. Похоже, что контрабандисты решили всерьез освоить тайные тропы на южных рубежах СССР. Проникновение наркотиков из «Золотого треугольника» осязаемая и реальная опасность, и грозит обернуться неудержимым потоком. Трудно бороться с наркодельцами, которым новый рынок обещает огромные прибыли!

И старший оперуполномоченный решается на тот ход, который продумывал в Центре. Он обратится к американским дипломатам. К Питеру Николсу, первому секретарю посольства США в Бангкоке. Майор советской разведки познакомился с ним на одном из дипломатических приемов, и тот предложил Плахову продолжить приятное знакомство. В данном случае не имеет большого значения, что Питер Николс — резидент Центрального разведывательного управления. Могут же быть контакты между дипломатами. Тем более в таком немаловажном для самих американцев деле. Да и Центр не возражает. Плахов знал, где в определенные часы можно застать американца. Сегодня он планирует это сделать.

Одетый в легкие брюки и белую рубашку с короткими рукавами, в солнцезащитных очках и парусиновой кепочке, но с непременным атрибутом переменчивой погоды — зонтом, Плахов вышел из посольства. Он привычно улыбнулся полицейским охранникам, укрывающимся от солнца и дождя в будке у посольских ворот, зная, что те наверняка зафиксируют его выход из посольства и известят Сантибан.

Куда дальше проследует эта информация — советский разведчик мог не сомневаться. Он хорошо знал о «русских группах» в резидентурах Центрального разведывательного управления и о тесных контактах Лэнгли с местными службами безопасности. Тем более в Таиланде. Правда, это его не очень беспокоило и относился он к этому как к неизбежному злу. Когда было необходимо, Плахов умел избегать назойливого внимания к своей особе. Срабатывал тот инстинкт, который он давно стремился выработать в себе. Он стал своего рода автоматическим и не раз выручал в трудных ситуациях.

Будка полиции у посольства и садовник-индус — не помеха! Скорее всего, будет замечен и его визит в дипломатический клуб, куда он направился. Там почти всегда дежурит полицейская машина.

Лев Михайлович Плахов к этому привык и не обращает внимания на назойливый интерес к своей особе полицейских и сыщиков Сантибана. Как привык к суматошному ритму жизни Бангкока и левостороннему движению в городе. Он легко управляется в потоке автомобилей и велосипедов, характерном для всех центральных улиц и площадей.

Наконец, советский дипломат остановился у красивого здания с большой медной табличкой на двери: «Дипломатический клуб». Подбежавший служащий клуба в форменной одежде припарковал автомашину на специальной площадке, предназначенной для гостей клуба. Сам же Плахов уже наслаждался прохладой в слегка затемненном помещении, где иностранные дипломаты могли встретиться и пообщаться друг с другом.

Советский вице-консул — нередкий гость в дипломатическом клубе. Он приветствовал некоторых посетителей, те, в свою очередь, обменялись поклонами с ним. Второй секретарь посольства, вице-консул интересует многих…

Плахов подошел к стойке бара, заказал и получил бокал с разбавленным охлажденным виски и, наконец, увидел того, кто был ему нужен. Питер Николс — еще больший завсегдатай клуба дипломатов. Правда, Плахов чувствовал перед американцем некоторое превосходство — он знает, кто такой Николс, а тот — о личности русского дипломата может только догадываться. Если, конечно, очень будет стараться, что не исключено.

Питер Николс, широко улыбаясь, приблизился к бару, и теперь они решили поискать отдельный столик в глубине зала. Общий шум и негромкая музыка все же мешают, но они не могут быть помехой, когда встреча важна для обоих участников. Плахов весь сосредоточен на своем плане, но и у Николса есть свой собственный замысел, пока еще не ведомый советскому разведчику.

— Питер, у меня к вам деликатный, важный для меня, вопрос, — начал деловой разговор вице-консул, потягивая из бокала еще не успевший согреться напиток, — не скрою, я рассчитываю на ваше понимание. — Английский язык Плахова не безупречен, его голос несколько напряжен.

Николс привык к неожиданностям. Он уже понял необычность обращения к нему русского дипломата. Разведчик ЦРУ готов выслушать собеседника. Его не удивить любым

поворотом беседы с противником, но он предельно любезен.

— Я весь внимание, Лео, — Николс произносит русское имя на американский лад, — если я смогу чем-нибудь помочь, вы можете на меня рассчитывать.

— Даже не знаю, как начать. Ну, в общем, это дьявольская проблема наркотиков. Понимаете, она, кажется, усложняется и для моей страны. Таиланд становится причастным к транзиту наркотиков в страны мира через Советский Союз. Да и для нашей страны наркотики создают проблему. Этот печально известный «Золотой треугольник»… Наркобизнес имеет большое влияние в Таиланде, вы, очевидно, знаете. Мы не исключаем, что из Европы наркотики могут попасть и в Соединенные Штаты. Правда, они добираются к вам и другим путем.

— Нам об этой опасности известно, — нахмурился Питер Николс. Он знал, как обстоят дела с наркотиками в его собственной стране. Просто скверно. Знал, как страшно развилась наркомания в Таиланде, как захлестнула она самих американцев в «стране слонов». Николс благоразумно молчит, ему неприятна эта тема, он ждет, что же скажет собеседник.

— По нашей информации, — продолжает Плахов, — наркодельцы из Юго-Восточной Азии — Лаоса, Бирмы, самого Таиланда, столкнувшись с трудностями транспортировки своего товара через Турцию и Балканы, ищут новые каналы переброски и, кажется, находят их — через Афганистан в нашу Среднюю Азию, Таджикистан и Узбекистан. Так вот, по нашим данным, где-то в Таиланде, возможно, даже в самом Бангкоке, уже сформированы специальные группы, которые будут осваивать новые пути транспортировки, готовятся курьеры и проводники. Их не смущают военные действия в Афганистане, которые ведутся моджахедами против национального афганского правительства.

— Напрасно вы ввязались в эту драку в Афганистане, — Питер Николс решил «прощупать» русского вице-консула. — Поверьте, мы, американцы, знаем, что это такое. В Соединенных Штатах не скоро забудут Вьетнам.

— Питер, Афганистан и Вьетнам — совершенно разные вещи, — тема Афганистана неприятна Плахову, — но, честно говоря, вы, наверное, кое в чем правы. Я и сам иногда задумываюсь над тем, что в Афганистане есть немало сил, которые заинтересованы в организации транзита наркотиков, да и сами не прочь заниматься этим прибыльным делом. Независимо от того, кто находится у власти, там может образоваться опасный очаг наркобизнеса. Но это, как вы понимаете, несколько иной аспект дела.

Плахов не был настроен втягиваться в полемику, но явно

показывал, что у него есть своя точка зрения. К тому же ему важно не уходить от темы наркотиков.

Питер Николс тоже не хочет развивать афганскую тему. Может быть, еще не время для этого разговора. Он не знает, как может пойти разговор с русским на эту болезненную для Советского Союза тему. Он зарезервирует такой разговор на будущее, уверенный теперь, что контакты с Плаховым будут продолжаться. Питер Николс не сомневается, что Афганистан — выгодная для него тема. Советский Союз завяз там надолго. Как когда-то сами Соединенные Штаты во Вьетнаме. Он помнит директивы Лэнгли и указания директора ЦРУ: «Русские снабжали Вьетнам оружием, которым коммунисты убивали американцев. Вашингтон должен сделать так, чтобы моджахеды могли убивать русских. Пусть в Москву доставляют как можно больше цинковых гробов».

— Вернемся к наркотикам, — предложил Лев Плахов. — Вы сможете мне что-нибудь посоветовать? Только прошу учесть, что я обращаюсь к вам конфиденциально.

— Лео, я не выйду за рамки конфиденциальности, в этом для меня не существует проблемы. Вы знаете, мы за контакты во многих сферах, и наркобизнес — одна из таких областей. Во всяком случае, я ценю ваше обращение и отвечу вам по-дружески. Попробую вам помочь.

Резидент Центрального разведывательного управления говорит еще многое в том же духе. Он удовлетворен беседой и размышляет, как использовать обращение русского дипломата.

Неотложные дела ждут Плахова в посольстве, и он откланивается. Он доволен и будет ждать результатов. Он не думает, куда может завести его завязанный контакт с американцем из ЦРУ. Да и почему это должно его беспокоить? Он верит тому, что справится с поручением Центра. Люди, как правило, верят тому, во что им хочется верить.

Питер Николс тоже доволен и думает над подвернувшимся случаем. У него есть варианты действий, но он, конечно, посоветуется с Лэнгли, попросит указаний.

Как бы то ни было, Рубикон для обоих действующих лиц пройден. «Если бутылка откупорена, — Питер Николс любил повторять эти слова Наполеона, вино должно быть выпито. Иначе оно просто испортится».

Две телеграммы в тот же день уйдут из Бангкока. Их исполнители, каждый по-своему, истолкуют ситуацию и дадут предложения. Плахов сообщит о готовности американцев, с учетом своих собственных интересов, оказать помощь в мероприятиях по наркобизнесу. Николс предлагал свой план

разработки русского дипломата, в котором решающая роль отводилась хитроумной оперативной комбинации.

В Вашингтоне и Москве сотрудники центрального аппарата принялись за работу. И очень скоро на обе телеграммы поступят ответы из Лэнгли и Ясенева.

Глава третья

Охота за «Кротом»
Тучи сгущаются

Май — самый дождливый месяц в Бангкоке. С него, собственно, в стране начинается сезон дождей, который может длиться 6–8 месяцев. Сейчас такой сезон в самом разгаре. Питер Николс уже давно привык к меняющейся погоде, когда идут чередой солнечные и дождливые дни; он умеет выносить и удушающую жару, и муссонную влагу Индийского океана. Сейчас, впрочем, его мысли были заняты не капризной погодой. Вашингтон и он сам в резидентуре ЦРУ в Бангкоке затеяли крупную игру с выгодными ставками. Главный приз в этой игре — вербовка советского разведчика. Ибо, получив очередную телеграмму из Лэнгли, Питер Николс уже не сомневался, с кем имеет дело в лице русского вице-консула.

Была ли вербовка советского разведчика рискованной авантюрой? Ведь многие в Лэнгли с опаской относились к тем русским, которые соглашались на сотрудничество с американской разведкой, считая таких «доброжелателей» чуть ли не поголовно подставами КГБ. Да и возможно ли заставить русского разведчика работать на ЦРУ? Нет, Питер Николс так не думал, у него было собственное мнение и свой опыт, пусть и небольшой. Если бы кто-то назвал его авантюристом, он бы недоуменно пожал плечами. Авантюристы живут порывом, риск для них — дело привычное. Он же — расчетлив и деловит, действует по плану. Все остальное — интеллигентские сантименты. То, чем он занимается, готовя вербовку русского вице-консула, — это комбинация, оперативная работа высокой квалификации. Да и риск здесь минимален. Он, Питер Николс, не собирается приобретать «кота в мешке» — будет тщательная проверка, будет обязательное закрепление вербуемого агента той информацией, которую от него потребуют. Люди оценивались резидентом ЦРУ в Бангкоке, как фигуры на шахматной доске — одних можно было убрать ценой гамбита, других изящной хитростью или применением силы.

В своем уютном кабинете в здании посольства на Вайерлесроуд резидент ЦРУ принялся читать полученную телеграмму из Вашингтона:

«Ваш план в целом одобряем. Не обольщайтесь критикой вашим новым контактом действий Советов в Афганистане. Всеми силами попытайтесь добыть сведения, которые его компрометируют. Проверьте его реакцию на ваше действительное

положение, если, как вы считаете, оно ему известно. Мы посылаем вам некоторую информацию по вопросам, которые его интересуют. Постарайтесь максимально использовать ее для укрепления отношений с объектом. Напоминаем, что, по нашему мнению, ваш контакт — сотрудник советской разведки КГБ. Так считают наши аналитики и некоторые информаторы из числа перебежчиков. Будьте осторожны, но проявляйте решительность. Джеймс Вулрич».

Питер Николс откинулся назад в своем удобном кресле. Тихое журчание мощного кондиционера немного расслабляло, мешало сосредоточиться. Он встал и неторопливо прошелся по кабинету, обдумывая очередные ходы сложной игры.

Вилла на окраине Бангкока

Роскошная вилла в окрестностях столицы с большим садом — гордость шефа резидентуры Центрального разведывательного управления. Сегодня в редкий для Бангкока в это время года погожий день он с нетерпением ждал гостя. Жены Питера Николса не было на вилле — она отправилась к приятельнице. Слуг отпустили — предосторожность не помешает. Опасны не столько службы безопасности Таиланда, сколько приходится считаться с тем, что в сантибане могут оказаться информаторы КГБ.

Николс упругой походкой спортсмена прохаживался по саду. На столике в садовой беседке — батарея бутылок с крепкими напитками и соками, обилие фруктов и закусок. Гостеприимные хозяева заранее позаботились о госте. В таком деле скупиться не следует.

Плахов как всегда аккуратен. В точно назначенное время его автомашина появилась у виллы. Любезный хозяин — у ворот. Он с удовольствием показывал Плахову дом и сад. На вилле Питера Николса было много диковинных, необычных для северянина Плахова деревьев и кустарников — фикусы, тиковое, камфарное и хинное дерево, манго и пальмы. В саду — большие цветы, издающие дурманящий аромат. В воздухе — огромные, яркой окраски, бабочки.

— Рад видеть вас у себя. Ведь вы у меня в гостях впервые, — резидент ЦРУ знал, как начать разговор с любым собеседником, — миссис Николс приносит извинения за свое отсутствие. Она уже давно назначила встречу с друзьями, и ее невозможно отменить. Но она, кажется, все нам приготовила.

Широким жестом Николс пригласил гостя в беседку, чтобы продолжить разговор по существу того дела, которое привело советского разведчика в дом к резиденту ЦРУ. Но гость и хозяин не торопились — оба с наслаждением потягивали приятный

охлажденный сок. И почти не притрагивались к крепким напиткам — жарко и влажно, да и важно сохранить трезвость мыслей. Оба были без пиджаков, в рубашках с коротким рукавом, без галстуков, обязательного атрибута на приемах и официальных раутах. Душно.

— Сожалею, Лео, что не смог пригласить вас пораньше. Просто у меня еще не было всех материалов по проблеме, которая вас заинтересовала. Теперь мне удалось кое-что получить. Я уверен, что вы будете довольны. Вы оказались правы в том, что «золотой треугольник» — они иногда называют себя «Триадой» — намерен проложить дорогу через Афганистан и Таджикистан в Европу. У меня есть информатор в «Триаде». Он сообщил мне, когда и какими путями их люди намерены проникнуть в Советский Союз, чтобы потом перебраться в Восточную и Западную Европу. У них большие надежды на ваши рынки.

Плахов с огромным интересом слушал Николса. А тот не спеша взял со столика лежащий там конверт и, вручая его русскому, вновь широко улыбнулся. Плахов так же неторопливо упрятал полученный конверт в карман рубашки и для надежности застегнул его на пуговичку.

— Посмотрю дома, — как бы извиняясь перед хозяином за такую невнимательность к «подарку», сказал Плахов и тут же рассыпался в благодарности. — Я вам очень признателен, Питер. Вы действительно оказали мне большую услугу. Мне бы хотелось чем-нибудь быть вам полезным. Не знаю только, чем можно услужить такому влиятельному и состоятельному человеку.

Плахов довольно смеется. Дежурная благодарность собеседника, казалось, позабавила американца.

— Не смейтесь, Лео. Богатство — дело наживное. Уверен: у вас есть все возможности для этого. Ловлю вас на слове — может быть, однажды мне и понадобится ваша помощь, как знать

Он тоже улыбнулся своей шутке, пряча за ней серьезность, какую вложил в эту свою фразу.

— Во всяком случае, я ваш должник, Питер, — Плахов тактично не заметил многозначительности слов американского разведчика. — Вы же знаете, долги у нас принято возвращать.

— Я не очень силен в ваших ярких поговорках, но одну из них почему-то запомнил: долг платежом красен. Однако не будем об этом говорить. Это просто дружеская услуга. Кстати, как ваша супруга? Я давно не вижу ее на приемах. Она здорова?

— Благодарю вас, все в порядке, но она уехала в Москву. Знаете, кое-какие проблемы с нашей дочерью — я ведь вам о ней рассказывал. Надо помочь матери жены, которая ее опекает. К тому же, такое душное, влажное и жаркое лето. У нас это уже

традиция — отправлять семьи на какое-то время домой. Думаю, что скоро она вернется в Бангкок. Так что оставшийся срок командировки, наверное, год с небольшим, мне не придется проводить холостяком. А пока — вот видите — «соломенный вдовец», как у вас говорят.

Плахов решил блеснуть знанием английских выражений.

Николс засмеялся, но неожиданно для собеседника сменил тему разговора.

— Вас не смущает ведомство, с которым я связан? Я почему-то уверен, что вам об этом известно. Вы ведь как-то сами мне намекали на это, не так ли? У вас в стране, насколько я знаю, крайне негативно относятся к Центральному разведывательному управлению. Я не собираюсь так уж распространяться о достоинствах моей организации, но поверьте, она в целом делает доброе дело. Вот ведь помогаем в ам… Какими бы ни были разногласия между нашими странами, не следует их преувеличивать. Они не должны мешать деловому сотрудничеству. Может быть, мы с вами покажем пример в этом деле.

Плахова немного смутил такой поворот разговора, он не ожидал, что американец будет так откровенен. А тот напористо и явно не случайно продолжил тему.

— Знаете, Лео, иногда мне кажется, что вы и сами принадлежите к родственному ведомству. Ведь простые дипломаты проблемами наркотиков не занимаются. Или я ошибаюсь?

Вице-консул был несколько сбит с толку, но быстро взял себя в руки. Все происходящее он, правда, пытался отнести на счет открытого характера американца и пока еще не вполне догадывался, к чему он затеял этот игривый разговор. Плахов тем не менее решил не уклоняться от щекотливой темы:

— Откровенность за откровенность. Я предполагал ваш тайный статус. Если честно, потому и обратился прямо к вам за содействием. Возможно, было бы целесообразнее найти представителя Ди-И-Эй. Я попытался поймать его в Бангкоке, и все безуспешно. То отвечают, что его нет в городе, то вышел и неизвестно, когда вернется, то уехал куда-то по делам. Однажды удалось с ним поговорить по телефону. У меня сложилось впечатление, что он просто испугался встретиться с русским. Очень засекреченная фигура. И всегда какие-то отговорки. Ну, да бог с ним! Я рад, что не ошибся в том, что обратился к вам и получил вашу помощь в таком деликатном деле. По-человечески очень вам признателен, Питер.

Николс с трудом сдерживал ухмылку. Если бы этот русский

узнал, как ему пришлось уговаривать представителя Ди-И-Эй разыграть подобный спектакль!

Плахов ничего не заметил и поборол в себе минутное смущение. Признание Питера Николса его хоть и обескуражило поначалу, но теперь уже не удивляло. Он посчитал это неожиданное признание результатом своих собственных трудов. С радостным удовлетворением он уже набрасывал в уме текст телеграммы в Ясенево.

Самоуверенность и самолюбование — не самые сильные черты характера Льва Михайловича Плахова. Они еще сослужат ему плохую службу.

Встреча на вилле Николса шла к завершению. Гость поднялся с места.

— Прошу прошения, Питер, мне пора откланяться. У меня гости из Москвы и я хочу показать им местные достопримечательности. Город они уже видели, а буддийские храмы произвели на них неизгладимое впечатление. Особенно же известный всему свету Храм Изумрудного Будды — крупнейший в стране религиозный памятник и усыпальница таиландских монархов. Вы ведь знаете, туристы — везде и всегда туристы. Им здесь многое нравится. Никогда бы не подумал, что буддийские Храмы и монастыри не только религиозные центры, но играют столь значительную роль в социальной и экономической жизни населения. А монахи — просто уникальное явление в стране. Сегодня вечером я поведу моих гостей в местный театр-варьете. Знаете, тот роскошный современный театр, с большой претензией на парижские «Мулен Руж» и «Лидо». Зрителей привлекают там искусство и казино. Билеты я уже заказал.

Американец проводил Плахова к выходу из сада и у автомашины, стоящей у самых ворот, любезно с ним простился. Сразу после отъезда автомашины Николс быстро вошел в дом, подошел к телефону и набрал номер.

— Вы, Гарри? Добрый день, это Питер Николс. Сегодня вечером вам, похоже, предстоит небольшая работа. Но сначала проверьте, заказывал ли три билета в варьете мистер Плахов из русского посольства…

На другом конце провода — один из хозяев и главный администратор того самого театра-варьете, куда Плахов решил вести своих друзей из Москвы. Николс ждал недолго. Не прошло и минуты, как в трубке снова зазвучал голос администратора.

— Ну, очень хорошо, — проговорил Николс, — русский будет у вас с двумя гостями из России. Вы ведь его запомнили — я вам показывал фотографию. Надо сделать так, как мы договорились. Я думаю, они и сами захотят взглянуть на казино, все же

любопытно. Оно ведь тоже под вашим началом. Не так ли? Только заманите русского и дайте немного выиграть. Ну, а потом пусть действуют законы игры. Понимаете? И не забудьте показать его Сэлли. Думаю, это хороший случай. Он у нас временно одинок — жена уехала в Москву. Удачи и до свиданья.

Театр-варьете, казино

и прочие соблазны

В самом центре Бангкока уютно расположился небольшой театр-варьете, гордо носящий наименование национального театра. На здании театра огромные буквы — «Варьете» и «Казино» — непрерывно мигали яркими огоньками, гасли и снова загорались. Призывные надписи высвечивали имена артистов. И еще, как и везде в городе, вездесущая, крикливая реклама призывала местных жителей и иностранных туристов — главным образом! — «посетить, купить, насладиться дарами жизни, обменять валюту».

В столице Таиланда знают великое множество способов законного изъятия денег. Гораздо больше, пожалуй, чем было известно старинным и многим современным авантюристам.

Театр-варьете, претендуя на международный класс, конечно, должен был давать духовную пищу — на его сцене в лучших национальных традициях танцевали и пели именитые местные артисты. Он не шел, впрочем, ни в какое сравнение со множеством низкопробных дискотек, стриптиз-шоу, ночных кабаре и баров, обычных злачных мест, где заезжим туристам (местных жителей туда не заманить!) демонстрировали обнаженных молоденьких девушек и секс по-таиландски.

В иерархии бангкокских развлечений национальный театр (даже вместе с казино!) был рангом намного выше всех этих злачных мест. Он превосходил многие роскошные кафе и рестораны, такие, например, как «Хой Туан Лао», «У Евы», «Сала Данг», «Сильвер Пальм».

Ночная жизнь в Бангкоке полна соблазнов и приключений. Нет, вас не убьют и не ограбят по-гангстерски, но если вы поддадитесь соблазнам, то лишитесь изрядной суммы. Плахов знал цену этой опасной ночной жизни столицы Таиланда — тайной утехи любителей приключений, и был уверен, что его не поймают на «крючок» зазывалы, охотящиеся за каждым иностранцем, да и сами ночные бабочки. Сексуальный бизнес, — как хорошо известно советскому вице-консулу, развился в Бангкоке благодаря все тем же военнослужащим США, наводнявшим город в шестидесятые-семидесятые годы. Сейчас американских солдат в Бангкоке не встретишь, но «традиция» осталась. Доходным сексуальным бизнесом живут десятки тысяч

жителей многомиллионной столицы страны — женщины и мужчины. А может быть, и гораздо больше. Выбор — на любой вкус.

Но это уже несколько далеко от темы национального театра, хотя по существу он не очень-то отличается от обычного эстрадного театрика. Хозяева театра-варьете не были бы истинными тайцами, если бы не использовали всех выгод той ситуации, когда множество людей собирались в одном месте и проводили там несколько часов. Театральные буфеты, небольшие магазинчики полезных вещей, разносчики соков и фруктов — в счет не шли. А вот для уставших от жары и духоты зрителей игорное казино в смежном с театром помещении — совсем иное дело. И было оно предназначено вовсе не для целей духовной культуры. Хозяева театра, они же владельцы казино, приспособили его, естественно, для извлечения прибыли.

Гарри, тот самый, кому из своей виллы звонил резидент Центрального разведывательного управления, был одним из владельцев театра-варьете, объединенного с казино. Американский разведчик знал о силе и притягательности игорного бизнеса. Он уже давно водил дружбу с главным администратором, которому в свое время помог наладить выгодное дело.

Бангкокский администратор театра-казино, которого когда-то звали Супотом Винчиеном, теперь был склонен забыть свое тайское имя. Сын влиятельного таиландского чиновника, обогатившегося в годы вьетнамской войны, Гарри мыслил и вел себя как настоящий американец. В США, куда в один из университетов его устроили на учебу американцы, он приобрел имя Гарри, к которому настолько привык, что не любил вспоминать, как его звали в детстве. Заодно за свой небольшой рост приобрел у американцев прозвище «Коротышка». И тоже привык к нему.

Гарри был верным и надежным агентом Центрального разведывательного управления. В той мере, впрочем, в какой это соответствовало его собственным представлениям о морали и выгоде. Пока же тайная служба в американской разведке его устраивала во всех отношениях.

В резерве у Питера Николса был еще один мощный рычаг воздействия на советского вице-консула — Сэлли, восхитительная полукровка, внебрачная дочь погибшего во Вьетнаме американского офицера ЦРУ и местной жительницы. С помощью женских чар Сэлли резидент ЦРУ рассчитывал окончательно «покорить» своего противника.

В лексиконе спецслужб Сэлли — «ласточка», агент особого

назначения. Такие агенты — вовсе не изобретение ЦРУ, они стары как мир. Уже в библейских сказаниях описаны красочные подвиги женщин-разведчиц в драматических событиях древности. Смелые, хитрые, коварные амазонки подчиняли мужчин своей красотой и обаянием. Древнегреческой и древнеримской мифологии знакомы женщины-шпионки, тайные агенты бессмертных богов и людей. Если верить великому Гомеру, коварным агентом Одиссея была Прекрасная Елена, убедившая противников греков — троянцев впустить в осажденную неприступную Трою священного коня со спрятанными в его чреве воинами-ахейцами. И дочь римского военачальника корыстолюбивая Тарпея стала агентом врагов Рима — сабинян. Прельстившись щедрым вознаграждением, она открыла ворота города врагам Рима. Не правда ли, сходный с «Илиадой» сюжет? Шпионским ремеслом занимались библейская блудница Раав и древняя куртизанка Далила, погубившая израильского богатыря Самсона.

Термин «ласточка» для обозначения агента-женщины, которая участвует в разработке объекта-мужчины для создания так называемой «любовной ловушки», в Лэнгли использовался редко, но Питеру Николсу он нравился своей нежностью и какой-то наивной непосредственностью.

И вот теперь и коротышка Гарри, и красавица Сэлли включены руководителем резидентуры ЦРУ в Бангкоке в сложную оперативную комбинацию, цель которой — вербовка советского разведчика.

«Однорукие бандиты»
и красавица-полукровка

…Представление на эстрадной сцене театра-варьете закончилось.

«Очень мило, по-своему изящно и красочно, но все же это недалеко от самодеятельности», — думалось Плахову, когда он со своими гостями покидал зал. Часть зрителей устремилась на улицу, другая — направилась в помещение казино. Плахов и его гости были среди последних. Любопытство — не порок. И вот они уже у одного из игральных автоматов. Переливающаяся разноцветными огоньками машина притягивала, словно магнит. Кажется, что здесь, взявшись за рукоятку «однорукого бандита», можно поймать свое счастье. Трое русских не на шутку увлеклись. Они сосредоточены и, похоже, не замечали ничего вокруг. Не заметили они и Гарри, который уже несколько минут наблюдал за ними со стороны. «Коротышка» Гарри не спешил подходить. Он прекрасно знал способность «одноруких бандитов» превращать людей в безвольных игроков. И все же потом он подошел — это обычное внимание хозяина к своим гостям. Поздоровался,

представился, любезно поинтересовался, как идут дела.

— Спектакль моим гостям понравился, — ответил Плахов, удивляясь про себя безукоризненному английскому произношению подошедшего маленького толстяка, — а вот здесь дела идут неважно. Мы уже проиграли два доллара.

Доллары и центы пользуются в казино большими правами, ничуть не меньшими, чем национальная валюта — бат, который в Юго-Восточной Азии имеет репутацию надежных денег.

— Вам просто не везет. И потом, недаром эту машину называют бандитом. Правда, иногда она бывает настоящим Робин Гудом.

И как раз в этот момент, как бы иллюстрируя слова любезного хозяина, у соседнего игрального аппарата веселое оживление — позванивая и искрясь, выдал аппарат из своего чрева монеты.

— Вот видите, что я вам говорил, — улыбнулся Гарри, — но все же я вам не советую долго задерживаться у «однорукихбандитов». Может быть, попытаете счастья за рулеткой?

— Ну, что же, попробовать можно, — женщина оказалась решительнее, и все направились к столу, где уже сидели несколько человек и бешено вертелся запущенный крупье блестящий шарик. Гарри делает, незаметный для окружающих, знак крупье, тот понимающе кивает.

Плахов ставит полученную фишку на «красное». Шарик неистово крутится и, наконец, останавливается на цифре в красном квадрате. Крупье пододвигает к Плахову выигрыш. Довольный, он снова делает ставку и снова — на «красное». И опять шарик, как будто направляемый умелой рукой, замирает у одной из цифр на красном поле. Плахов, охваченный азартом, уверовав в свою удачу, порывается играть дальше, но благоразумные гости уговаривают его прекратить игру — пора уходить, уже поздно.

Между тем в глубине зала казино Гарри о чем-то оживленно разговаривает с красивой молодой женщиной, и она посматривает в сторону русских гостей.

Почти у самых дверей казино Гарри догоняет уходящих, улыбаясь, любезно прощается с ними, приглашает заходить снова. Плахов согласно кивает головой.

«Какой приятный человек, — решает Лев Плахов, выходя со своими гостями на душную улицу, — настоящий представитель своей улыбчивой нации. Пожалуй, действительно черта национального характера тайцев — стараться улыбаться и услужить».

Проводив гостей, «Коротышка» весело ухмыльнулся. Скоро он

позвонит своему боссу прямо на виллу и доложит о результатах вечера. Гарри очень доволен, все намеченное — сделано. Он уверен, что теперь русский придет в казино снова. «Знаете, босс, он очень азартный человек, я умею определять характеры». У агента ЦРУ наметанный глаз, ему не откажешь в острой наблюдательности.

Гарри не ошибся — на следующий же день Плахов снова оказался в казино.

В человеке от рождения заложены разные начала — и хорошие, и плохие. Что перевесит? — ответ дает сама жизнь, мораль, которую ему успеют привить к моменту испытаний, люди, его окружающие, обстоятельства, в которые он угодит. Впрочем, и обстоятельства бывают разными — порой они создаются специально для улавливания нужных душ.

Капкан захлопнулся

За рулеточным столом в казино Плахов был напряжен и мрачен. Лежащая перед ним кучка фишек таяла с каждым новым вращением шарика.

На освободившееся рядом место садится молодая женщина, она сразу же включилась в игру. Поначалу Плахов, увлеченный игрой и подавленный своим невезеньем, ее не замечал. Законы рулетки жестоки, ей, как и русскому дипломату, явно не везло.

Через несколько долгих минут молодая женщина уже немного освоилась за столом и осторожно попыталась завладеть вниманием соседа.

— Похоже, мы с вами товарищи по несчастью, — Плахов уже явно заинтересовался молоденькой симпатичной соседкой. Та была не прочь вступить в разговор.

— Вы правы, взаимное сочувствие нам сейчас необходимо. Судя по акценту, вы не англичанин? И, конечно уж, не местный? — английский язык женщины безупречен, и Плахов это сразу же отмечает.

— Я русский, дипломат из советского посольства. — Плахов видит, что рядом с ним молодая хорошенькая женщина, замечает ее красивое смуглое лицо, серые с поволокой глаза, гладкую, упругую кожу открытых рук. Хотя она сидела за столом и в зале был полумрак — это не скрывало ее стройной фигурки, которая без труда угадывалась в изящном, плотно облегающем платье.

Девушка нисколько не удивилась, что познакомилась с русским дипломатом. Казалось, она привычна к подобным знакомствам.

Плахов, уже наученный опытом общения с иностранцами, трудно воспринимающими русские имена, представляется, как «Лео». В ответ он услышал восхитительный голос:

— Меня зовут Сэлли, я — актриса, танцовщица и немного — певица. Вот выдался свободный вечер, и я случайно заглянула сюда. Тем более это совсем рядом с моим домом.

— Вас, наверное, удивляет наше знакомство в казино, меня же, напротив, воодушевляет. Но, кажется, я должен сойти с дистанции. Наверное, похож на промотавшегося игрока? Но я все же не игрок. Это — игра судьбы. Если вы не против, давайте отметим наше общее невезенье.

Он кивнул в сторону бара. В столпотворении он не заметил коротышку Гарри, который внимательно наблюдал за ним и Сэлли издали. А те уже отошли к бару и продолжили прерванную беседу.

— Я и сам удивляюсь, как я здесь очутился. — Плахов не на шутку увлекся очаровательной собеседницей. — Наверное, случай. Казино — как водоворот, оказаться в нем легко, но выбраться гораздо труднее. Это уже философия. Встреча с вами — тоже случай, но какой-то особенный и, возможно, счастливый. Ну, а игра есть игра.

— Я не очень-то разбираюсь в философии, и мне тоже в чем-то не повезло. Вот мы с вами отмечаем совпадение судеб, и это естественно. Мы родственные души, — Сэлли заразительно и весело засмеялась.

Плахов невольно присоединился к ее смеху. Огорчения отошли на второй план.

— Расскажите о себе побольше. Родственные души должны знать друг друга.

— Я профессиональная актриса, и мне не чуждо тщеславное желание стать известной. Я много училась здесь искусству пения и танца. Национальный балет — это символ нашей страны. В довоенные годы театр и танцы, тесно с ним связанные, катились к закату. Но вот когда война закончилась, правительство решило восстановить и оживить древнее традиционное искусство драмы, музыки и танца. Я училась у преподавателей, которым удалось сохранить секреты мастерства. Училась великому искусству.

Сэлли замолчала и ласково взглянула на Плахова. Тот осторожно коснулся ее руки.

— Я не хочу плохо отзываться о Западе, об Америке. Но люди в моей стране видели от них немало зла. И все же нельзя отрываться от западной цивилизации, невозможно отгораживаться от нее непроницаемой стеной. Нельзя упрямо твердить, что Восток — это Восток, а Запад остается Западом, и они никогда не сойдутся вместе. Наша страна, наш народ должны сберечь свою национальную душу. Мы находим свою надежду в свободе, успокоение — в религии, нас согревает тропическое

солнце. Мы обращаемся к Западу за содействием, но не в поисках счастья. Мы сами можем научить многих других быть счастливыми. Наш великий писатель Сумат Джумсай сожалеет, что кое-кто из тайцев думает только о материальной выгоде, не заботясь о том, чтобы достоянием нации стали лучшие культурные традиции Запада.

Плахов внимательно слушал и думал: «Какая милая девушка! И сколько в ней нежности, изящества и эрудиции. И как увлеченно и интересно она рассказывает».

А Сэлли, словно воодушевленная вниманием собеседника, продолжала:

— Мы ведь очень древняя цивилизация. Может быть, от древних индусов и кхмеров, у таких, как я, и появилась тяга к классической драме и танцу, к героям «Рамаяны» и «Махабхараты». Моя мама — таиландка, когда-то она сама увлекалась танцами. Я воспитывалась в семье, где почти все мужчины были монахами, проводили многие годы в монастырях, носили желтую одежду служителей буддийских храмов и обитателей монастырей, как бы отрешаясь от земной жизни. Это — суровая жизнь аскетов, которым можно есть только в первой половине дня. И, знаете, всю пищу монахи получают в виде подаяний. Ну, а мой отец, — Сэлли сделала паузу, выражение ее лица стало непроницаемым и немного скорбным, — он американец. Но я его совершенно не помню, он умер, когда я была совсем маленькой. Знаете, мне иногда выгодно называться американкой. Интересно, правда? И вот сейчас я делаю карьеру в Национальном театре. Получается?

Похоже, у Сэлли действительно «получается». Плахов охотно соглашается, что талант и артистическое дарование у девушки есть. Он недалек от истины, что Сэлли отлично владеет искусством производить впечатление. Правда, он еще не видел ее на сцене. Но это ничего не значит. Льву Михайловичу кажется, что он чувствует и понимает ее художественную натуру.

Сегодня у нее не рабочий день, объяснила Сэлли, и ей захотелось посмотреть на своих коллег-актеров со стороны. Ну, а в казино она заглянула просто случайно. Решила посмотреть, почему люди так увлекаются. И вот сама немного увлеклась…

Однако Сэлли сказала не всю правду. Ей было что скрывать. Ее слова о матери и семье — правда. И отца-американца она действительно не знала — он бросил ее мать с еще не родившимся ребенком и, возможно, потом лишь иногда вспоминал об очередном приключении в далеких краях. О покойниках не принято говорить плохо — его, как и многих других американцев, настигнет кара вьетнамцев, жестоко

мстивших оккупантам за миллионы погубленных жизней. Говорят, что особенно карали сотрудников Центрального разведывательного управления за тот кровавый след, который они оставляли за собой на земле Вьетнама.

А Сэлли появилась на свет, подросла и стала хорошенькой, стройной девушкой, которую ждала судьба многих таиландок… Ее «опекали» и американцы, наводнявшие Бангкок в те годы, и местные «денежные мешки», жаждавшие женской ласки. Так Сэлли стала любовницей и содержанкой «Коротышки» Гарри. Он устроил ее в свой театр, дав возможность учиться в национальной академии танца и проследив, чтобы она основательно выучила английский язык, столь нужный в Бангкоке для общения с клиентами. Вот так она и вошла в ту группу девушек, которыми руководил «Коротышка» по поручению бангкокской резидентуры Центрального разведывательного управления. Сэлли стала высококлассной «ласточкой» американской разведки. И теперь ей предстояло заняться русским вице-консулом.

Лев Михайлович Плахов, возможно, и не признался бы себе, что очарован прекрасной полукровкой. Он сидел рядом с ней за игорным столом казино, видел и чувствовал ее красоту и обаяние, вдыхал аромат ее дорогих духов. Игра отошла куда-то далеко… У Плахова сильно и часто забилось сердце. Ему уже кажется, что он искренне привязан к молодой женщине, он гонит мысль о том, что она годится ему в дочери. А вдруг Сэлли послана ему судьбой… Но… появляются и другие мысли.

Сэлли словно почувствовала его замешательство и решила пустить в ход все свои чары:

— Вы интересный и приятный человек, и мне с вами легко. Кстати, я живу в гостинице недалеко отсюда. Буду рада как-нибудь пригласить вас к себе в гости. Вы должны увидеть, как в Бангкоке живут профессиональные актрисы.

Как ни странно, этот неотразимый аргумент, так часто привлекавший других мужчин, вызывает у русского дипломата новый прилив настороженности, ведь коммерческий секс, этот старинный способ «отъема денег», уже давно процветает в Бангкоке. Бизнес как бизнес, этим здесь никого не удивишь. Плахову хорошо известно о столичных гетерах, искусно заманивающих доверчивых иностранцев. Зажиточные иностранные туристы — главное достояние Бангкока. 250 тысяч официально зарегистрированных тружениц «сексуального фронта» — основной инструмент, при помощи которого добывается национальное богатство. И они очень изобретательны и ловки, красивы и обаятельны.

Ловкие дельцы полностью приватизировали «жриц любви»,

свободной торговли любовью уже нет.

Сэлли почувствовала свою оплошность. Вероятно, ей не следовало так торопиться. Русский должен был «созреть». Она заметила тревожные искорки в его взгляде.

А советский вице-консул уже почти успокоился. Нет, Сэлли не из категории «ночных бабочек», — решает он и гонит от себя подозрения о связи красивой танцовщицы с Сантибаном и коварным ЦРУ. Разве придет в такой вечер в голову мысль о том, что Сэлли может быть шпионкой? Невозможно заподозрить в этом прелестную и хрупкую девушку! Вот что значит потерять голову! Плахову кажется, нет — он просто уверен, что и сам нравится молодой красавице. Мужчины, перешагнувшие порог сорокалетия, всегда так тщеславны. Особенно когда судьба сталкивает их с обворожительными созданиями!

— Сегодня, к сожалению, мне уже пора идти. Но завтра вечером мы снова сможем увидеться. Здесь же, договорились?

— Завтра у меня два концерта — дневной и вечерний, но я постараюсь освободиться пораньше. Может быть, вновь попытаем счастья здесь. А сейчас я, пожалуй, еще немножечко рискну.

«Коротышка» Гарри посмотрел вслед уходящему русскому и, когда за ним закрылась дверь казино, подошел к Сэлли.

Не так уж сложно представить себе разговор работодателя со своим подчиненным, сутенера с одной из своих содержанок. Независимо от того, где он может происходить — на Западе или на Востоке. Конечно, в Бангкоке свои особенности, и Сэлли не заурядная девица легкого поведения, которой можно отдать приказ насчет очередного клиента. Красавица Сэлли — агент специального назначения. И с немалыми заслугами перед Центральным разведывательным управлением. Нет, Сэлли не великая танцовщица Мата Хари из далекого уже времени Первой мировой войны. Своей яркой красотой и изяществом соблазняла она французских офицеров и, позволяя им овладевать собой, овладевала военными тайнами противника.

Может быть, она похожа на героиню ветхозаветного шпионажа Далилу? Но, скорее всего, не тем, что лишит русского вице-консула, как легендарного Самсона, могучей силы, срезав его пышную шевелюру. Ей предстоит совершить другое — опутать Плахова любовными сетями, чтобы сделать его легкой добычей американской разведки.

Теперь она слушала неторопливые наставления Гарри. А назавтра они встретятся втроем — Сэлли, Гарри и Питер Николс, и на этой встрече будут расставлены все точки над «i».

…Вечерний город в ярком блеске огней. Снова зал казино, Плахов за столом рулетки. Он напряженно следит за отчаянно

вертящимся шариком. Под лопаткой крупье исчезают разноцветные фишки. У Плахова их осталось уже совсем мало, и вот уходит к крупье последняя… Советский дипломат тяжело поднялся — в этот момент к нему и подошла Сэлли. «Как вовремя она появилась», — обрадовался Плахов, и они вдвоем направились к выходу. Вдалеке замаячила неказистая фигура Гарри. Проводив уходящую пару долгим взглядом, он проходит в кабинет.

— Босс, кажется, все в порядке. Они только что ушли. Наверное, к Сэлли в гостиницу… Знаете, Питер, он снова проиграл крупную сумму, возможно, несколько тысяч долларов. Где только он берет такие деньги?…Иногда мы даем ему немного выиграть…Хорошо, я буду держать ситуацию под контролем. Если она продолжится в том же духе, то Сэлли скоро придется исчезнуть?

«Коротышка» Гарри расплылся в улыбке, слушая ответ Питера Николса. Шеф доволен, доволен и сам Гарри. Он сделал то, что ему было поручено, и теперь может заняться другими делами. У него их немало — и собственных, и тех, что доверяет ему американский друг. Очень скоро он узнает, удалось ли Сэлли завлечь русского дипломата в ту ловушку, которую ему подстроили. Впрочем, у «Коротышки» нет сомнений, что Сэлли выполнит свою миссию со свойственными ей изяществом и блеском. Он знает своих людей и лучшую из своих сотрудниц.

Прошло несколько дней. Для влюбленного время летит удивительно быстро. Сэлли и Плахов в гостинице «Эраван». Это один из самых роскошных отелей города. Они поднялись на лифте и идут по коридору. Вице-консул озирается по сторонам. Вот и желанная дверь номера. Они заходят, и дверь за ними медленно закрывается.

Глава четвертая

Западня
Шантаж

Плахов сидел в своем кабинете в здании посольства на Сатон-роуд и, обхватив голову руками, отрешенно и тупо смотрел в никуда. На письменном столе лежало вскрытое письмо и фотографии. Их много. Письмо оказалось утром в почтовом ящике на вилле Плахова. Кто-то постарался, чтобы оно попало к адресату до его ухода на работу. Никаких почтовых знаков на конверте нет. Значит, через почтовое ведомство письмо не проходило и было специально подброшено прямо на виллу.

Плахов вскрыл объемистый конверт уже в своем кабинете. Поначалу он подумал, что это очередная пачка рекламных буклетов, и автоматически сунул пакет в карман. Уже в посольстве он вспомнил о нем и теперь был бесконечно рад, что распечатал письмо, когда остался в кабинете совсем один. Увидев содержимое, он закрыл дверь на ключ, обезопасив себя от посетителей.

На больших глянцевых фотографиях — он и Сэлли. Вот они в казино, сидят за игральным столом, и перед Плаховым — фишки. Вот — за стойкой бара, нежно улыбающиеся друг другу. А на этих — они сидят в гостинице, потом — в ее номере. Вот еще снимки — они сидят на низком диване в ярко освещенной комнате и в объятиях друг друга в полумраке спальни. Кто-то очень постарался: Плахов и Сэлли прекрасно узнаваемы, их позы не оставляют никаких сомнений…

Советский вице-консул очнулся от оцепенения, взял конверт и стал рассматривать его. Из него выпала коротенькая записка. Она напечатана на пишущей машинке английским шрифтом. Без подписи. Обычное подметное письмо, сработанное в духе нашего времени. Только судя по всему, содержание его еще не дошло до тех, кому предстоит вершить судьбу жертвы. Окончательно и бесповоротно.

А сама жертва шантажа снова и снова глубоко задумывается. Потом, видимо решив что-то предпринять, Плахов порывисто вскакивает, забирает со стола фотографии, записку и конверт и устремляется к выходу из кабинета.

В вечернее время, когда немного спадает жара, дипломатический клуб Бангкока, как всегда, полон. Советский вице-консул входит и лихорадочно ищет глазами того, кто ему так нужен. Вот он — за стойкой бара. Питер Николс один. Плахов

подходит к американцу, и они обмениваются рукопожатием.

— Я звонил вам в посольство, — произнес русский, — и мне сказали, что вечером вы будете в дипломатическом клубе. Происходят драматические события, не совсем мне понятные, и мне потребуется ваша помощь.

Резидент Центрального разведывательного управления внимательно, не перебивая выслушал Плахова.

— Буду с вами откровенен. Я, видимо, был несколько неосторожен и теперь приходится расплачиваться за свой порыв. Меня шантажируют и требуют денег — десять тысяч долларов. Иначе угрожают направить фотографии послу и в Москву.

Плахов достал и показал Николсу записку и некоторые фотографии. Он умышленно припрятал кое-какие снимки — американцу незачем видеть интимные сцены.

— Неприятная история, — проговорил Питер Николс, — а что, эту девицу тоже шантажируют?

— Не знаю. Она таинственно исчезла. Я только что проверял в гостинице, где она жила. Мне сказали, что она выписалась несколько дней назад. Пока не знаю, что и подумать — адреса своей матери в деревне она не оставила. Не хочется верить, что она была заодно с теми, кто затеял этот шантаж.

Николс молчал в ожидании, что еще скажет русский. Ему почти жаль этого парня, который стоял перед ним в растерянности и выглядел таким несчастным.

— Понимаете, Питер, мне кажется, что действует наркомафия, которой мы с вами наступили на хвост. Хотят взять реванш за мое участие в разгроме тех групп контрабандистов, что пытались проникнуть в Советский Союз через нашу южную границу. У меня пока просто нет другого объяснения. Хотя, честно говоря, я не понимаю, как они могли узнать обо мне?

Николс в душе был рад такому объяснению своего русского собеседника. Он мог ожидать иной версии и с тревогой подумывал, что ему придется делать, если русскому вдруг вздумается обвинить в случившемся не «Триаду», а, скажем, кого-то другого. Он, конечно, нашел бы выход из положения. Возможно, пришлось бы прибегнуть к прямому давлению. Но то, что Плахов, кажется, верил в свое собственное объяснение событий, его вполне устраивало.

— Да, Лео, ситуация тяжелая, крайне тяжелая. Мне кажется, здесь не место об этом говорить. Давайте увидимся завтра, но не у меня и не у вас. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Пожалуй, лучше всего встретиться в гостинице. Гостиницу «Принсес» на Нью-роуд знаете? У меня там снят номер, буду вас ждать. Только будьте осторожны и внимательны. Пожалуйста, проверьте, нет ли

наблюдения. «Триада» — это коварные и опасные люди, надо поберечься.

Питер Николс, конечно же, думал не о «Триаде» и даже не о Сантибане. Будущего агента необходимо приучать к особой конспирации. Если удастся задуманная конспирация…

— Конечно, Питер. Вы понимаете, как трудно бороться с шантажом. У меня нет такой огромной суммы, которую они требуют. Да если бы и были деньги… Вы моя последняя надежда. Иначе я просто погиб.

Русский вице-консул был напуган и с трудом скрывал свою растерянность.

Гостиница «Принсес»

«Принсес» («Принцесса») — один из крупнейших и самых дорогих отелей города. Советский вице-консул бывал в этой комфортабельной гостинице, устраивал редких приезжих из своей далекой страны. Тех, кого приглашали на проходящие в столице Таиланда международные конференции и съезды и кому не надо было платить за номер из своего кошелька. Очень накладно жить в таком комфорте за свой счет!

В реконструированном виде гостиница «Принсес», как и многие другие отели Бангкока, — типичное детище вьетнамской войны и строительного бума, охватившего страну в это время. Шикарные апартаменты, сервис высшего класса, приятная прохлада, навеваемая вентиляторами и кондиционерами, привлекают богатых гостей самого высокого ранга.

Резидент ЦРУ принимал в этом номере гостиницы «Принсес» своих агентов и друзей, занимающих солидное положение в местном обществе, или высокопоставленных иностранных дипломатов. Их никто не станет спрашивать, к кому они направляются. Удобно и конспиративно для разведки. Номер использовался и для других целей. С расходами на такие столь нужные и деликатные дела в Лэнгли не стеснялись.

Улица Нью-роуд, где находился отель, — одна из оживленных артерий города. Вместе с прилегающими улочками и переулками, вместе с китайским кварталом Сампенг она образует огромный торговый центр столицы. В районе сотни магазинов и лавок, принадлежащих торговцам разных национальностей китайцам, индусам, европейцам и, конечно, самим тайцам. Они жестоко конкурируют друг с другом, отчаянно борются за покупателей, зазывая их к себе всеми способами, как это умеют делать на Востоке.

С раннего утра и до поздней ночи на Нью-роуд, в Сампенге, на Ориентал-лейн многолюдно. Покупатели и просто зеваки рассматривают яркие и нарядные витрины, лотки с товарами,

ряды ремесленников, тут же продающих свои изделия. И совсем уж непонятно, как в этом круговороте людей могут передвигаться автомобили и велосипедисты.

Представив всю эту картину, Плахов решил для себя, что будет крайне трудно рассчитывать на хорошую проверку в том районе. На Раджадамнен-авеню проверяться сложно. Самая современная и широкая улица столицы спроектирована и построена по подобию Елисейских полей Парижа. На одном конце ее — Большой дворец и крупнейший в Бангкоке монастырь-пагода — Храм Изумрудного Будды, на другом — парламент. Множество зданий министерств и других правительственных учреждений. Здесь всегда слишком много иностранных туристов, которых притягивают главные достопримечательности Бангкока — Храм Изумрудного Будды и Королевский дворец.

Собственно, это уже история. Большой дворец когда-то служил резиденцией таиландских монархов. Теперь король и его семья с прислугой и охраной переселились во дворец Чатталад. Дворец — звучит громко, это скорее уютная вилла, где созданы все удобства для жизни боготворимых и обожаемых особ. Ну, а Большой дворец стал объектом интереса туристов, как великолепный памятник восточной культуры, изумляющий своей архитектурой и роскошью.

Лев Плахов хорошо знал этот район города, находившийся под особым контролем полиции. Появляться здесь на автомашине с посольским номером было неразумно и просто небезопасно Для обстоятельной проверки следовало выбрать другой маршрут. Вице-консул так и поступит.

Плахов — профессионал, и он очень серьезно отнесся к предупреждению резидента ЦРУ. Он, правда, и сам, не меньше Николса, заинтересован в том, чтобы не притащить на встречу «хвоста». И надо было не только избавиться от возможной слежки Сантибана, но и не попасть под случайное наблюдение «своих», после чего пришлось бы объясняться, изобретать какие-то оправдания. Человек отнюдь не храброго десятка, Плахов уже внутренне страшился таких ситуаций.

Почти часовое кружение по тихим улочкам города, примененные приемы проверки убедили вице-консула, что наблюдения за ним нет и все его страхи напрасны. Плахов оставил автомашину в полутора километрах от гостиницы «Принсес» и оставшийся путь проделал пешком. В гостиницу он пришел в назначенное время. При всех обстоятельствах он привык быть пунктуальным.

…Лев Михайлович Плахов надолго запомнил этот роскошный номер в гостинице. Он постучал и, когда ему ответили, быстро

вошел в дверь, стараясь сделать это незаметно. Николс, не в меньшей степени привыкший к пунктуальности, уже ждал гостя.

Затянувшаяся встреча резидента Центрального разведывательного управления и советского майора напоминала беседу не двух противников, а старых коллег, озабоченных поисками решения нелегкой задачи. Русский вице-консул был взволнован и напряжен. Намного больше, чем американец. Он чувствовал, что отдает себя в руки собеседника. Каким бы ни был исход неприятного разговора.

— Питер, вы понимаете, я поставлен в исключительно сложное положение. Если говорить прямо, я просто не вижу выхода. Не буду скрывать: меня смущает и мучает многое. Единственная надежда — на вас.

Питер Николс медленно ходил по комнате. Он был сосредоточен и не позволял себе расслабляться. Даже видя своего противника в такой растерянности.

— Друг мой, — Николс изобразил озабоченность, — из любой ситуации должен быть выход. Важно только не ошибиться в выборе лучшего варианта. Мы с вами этим и занимаемся. Надеюсь, вы мне тоже поможете не сделать ошибки.

Николс не мучился поиском выхода из положения. В Лэнгли уже одобрили его план. Он — уже в действии и, похоже, сулит полный успех.

— Понимаете, Питер, — сказал Плахов в конце беседы, — я все больше склоняюсь к мысли о том, что «Триада» ставит целью отыграться на мне за свои неудачи в Советском Союзе. Вчера я получил сообщение из Москвы, что наши пограничники перехватили еще одну большую группу контрабандистов. Помогла ваша информация.

— Борьба с наркобизнесом — проблема не из простых. Я рад, что мы с вами сотрудничаем в этой области. В Вашингтоне одобрительно относятся к такому взаимодействию и рассчитывают на его расширение. Паутину недоверия следует разрывать, пора перестать считать друг друга непримиримыми соперниками, — Николс теперь мог позволить себе пофилософствовать. Ему доставляло явное удовольствие заниматься вопросами морали.

— Мне трудно не согласиться с вами, Питер. Это разумно. Война идеологий не может не причинять вреда. Но ведь в данном случае это уже не идеология, это чистый шантаж, действия преступников, заинтересованных в наживе. Согласиться с их условиями? Даже если и была бы возможность откупиться… Могут последовать другие требования. Никогда не знаешь, откуда ждать нового удара.

— Лео, я еще точно не знаю, от кого конкретно исходит угроза. Впрочем, я начинаю догадываться и обязательно проверю это предположение своим источником. Но мне необходимо ваше доверие и согласие на использование кое-каких рычагов. Может быть, придется пойти на некоторые материальные условия…

— Но у меня нет такой суммы…

— Деньги, конечно, проблема, — перебил Николс, — но не главная.

— Я полагаюсь на вас, Питер. У меня ведь нет иного выхода?!

— Мой дорогой друг, из любого положения всегда найдется выход. — Голос Николса звучал почти патетически.

Бойтесь данайцев, дары приносящих. В Лэнгли у Питера Николса репутация опытного разведчика-вербовщика, обладающего мертвой хваткой.

Плахов вышел из вестибюля гостиницы «Принсес», настороженным взглядом окинул все вокруг. На улицах по-прежнему многолюдно, и трудно понять, обращают ли на тебя особое внимание в этом круговороте людей, увидеть тех, кого интересует только твоя особа. Но у Льва Плахова было немало своих приемов проверки — пустив их в ход, он успокоился, не заметив ничего необычного.

На Нью-роуд, по которой медленно шел советский вице-консул, царит буйство неоновых огней. Как, впрочем, и на других улицах и площадях Бангкока. Ослепительно сияют рекламные щиты и вывески богатых американских автомобильных корпораций, всего того, что питает автомобильный бизнес. Призывно переливаются огни компаний по производству электротоваров, предметов бытовой техники, химии и парфюмерии. И, конечно, фирм и компаний — производителей продовольственных товаров и напитков. Подавляет воображение реклама могущественной «Пан-Американ», посылающей свои «боинги» в самые отдаленные уголки мира.

Лев Михайлович Плахов привык к ярко освещенному городу. Но сегодня у него было особенное настроение — настроение беспомощной жертвы, оказавшейся во власти сил, способных сломать твою судьбу.

Отсюда — другое отношение к тому, что он видит вокруг. Он чувствует, как медленно и неотвратимо сжимается охватившая его петля…

Гость из Вашингтона

Конец лета в Бангкоке выдался, как всегда, таким же удушливым, жарким и влажным, как и его середина. Над столицей висел толстый слой смога, который не пропускал прямые солнечные лучи, превращая город в парилку. Мало

спасала и близость океана.

И все же это еще не сезон противных муссонных дождей, который создает угрозу настоящей катастрофы. Наводнения, главное в этой разгулявшейся стихии, правда, почти не затрагивают Бангкок, но они заливают многие провинции и приносят стране неисчислимые беды, унося человеческие жизни и лишая Таиланд заслуженного статуса первого в мире экспортера риса.

Наводнения, вызванные природными катаклизмами, приносят с собой немало и других неприятных сюрпризов. С крестьянских ферм, где разводят крокодилов, пользуясь подъемом воды, убегали десятки животных, не желающих становиться сырьем для искусных поделок. Эти прожорливые рептилии с успехом переплывали заграждения в вольерах и, оказавшись на воле, начинали охоту на свои жертвы.

Сегодня жертвой охоты стал вице-консул советского посольства, но не реликтовых пресмыкающихся — беглецов из вольеров. За ним охотятся другие двуногие хищники, отличающиеся жестоким нравом и свирепыми повадками. Ему не избежать печального конца. У этих охотников свои приемы расправы с жертвами. Свои инструменты, своя изощренная технология. Ждать пощады не приходится.

…В духоте лета Лев Плахов, подавленный драматическими событиями, ждал очередной встречи с резидентом американской разведки. Она была назначена в другом отеле города — в роскошном и дорогом «Ориентале», уютно расположившемся на Ориентал-лейн, близ самой реки Менам Чао Прайя.

Гостиница «Ориенталь» — место остановки знатных и богатых гостей города. В туристических буклетах о ней пишут с неизменным почтением. Зеркало процветающей и вечно улыбающейся страны!

Из окон отеля открывается восхитительный вид на город, полный восточного очарования, и на реку со снующими корабликами и лодками. Постояльцам гостиницы обязательно напомнят о том, что в ней в свое время останавливались такие знаменитости, как Сомерсет Моэм и Джон Стейнбек, искавшие на далеком Востоке новые сюжеты для своих творений или отдохновения от назойливого внимания Запада.

Старейшая гостиница столицы теперь, как и многие другие отели города, полностью реконструирована. К ее прежнему зданию пристроен девятиэтажный современный корпус. Именно здесь советскому дипломату и предстояло новое свидание с американцем.

Ожидание превратилось для Плахова в мучительную пытку

временем и какой-то надеждой. Обуреваемый глухими сомнениями, он ждал решения своей судьбы. Он уже начинал кое-что понимать. Версия с участием в его деле «Триады» уже не кажется ему однозначной. Оцепенение первых моментов уступало место рождавшимся в голове догадкам и новым предположениям.

Логический анализ, беспрерывно совершаемый в воспаленном сознании вице-консула, приводил его к невеселым выводам. «Во-первых, — думал Лев Плахов, — вся история с Сэлли явно не в манере наркодельцов. Они действуют менее тонко, но жестоко. Им не нужна компрометация, они просто физически уничтожают тех, кто окажется у них на пути. Во-вторых, — и это главное, они, наверное, не потребовали бы денег. Ведь ожидаемые прибыли не идут ни в какое сравнение с той смехотворной суммой, которая названа в записке». «Скорее всего, — вертелось в голове у Плахова, — это комбинация американской разведки. Да, это ее методы, ее почерк. Да и Сэлли, казавшаяся такой искренней и наивной девушкой, наверняка как-то связана с американцами. Она, конечно же, агент ЦРУ и действовала по заданию, коварно и расчетливо. Как я мог так попасться! Так опростоволоситься! Я, считающий себя опытным профессионалом!»

Но у вице-консула нет никаких доказательств. Впрочем, если бы они и были! Разве можно выбраться из глубокого омута, в котором он захлебывается и тонет. Плахов отчетливо представляет себе тот бурный водоворот, который его медленно затягивает. Попал в подстроенную западню по собственной вине и собственной глупости. «В любом случае, — прикидывал свои шансы Плахов, выход один: пока придется соглашаться с предложенной ЦРУ помощью и делать вид, что действует «Триада». А там посмотрим.

Советский дипломат был слишком самоуверен и переоценивал свои способности, надеясь переиграть Центральное разведывательное управление. Скоро он поймет, что это ему вряд ли удастся. Весовые категории окажутся очень уж разными.

Ну, а пока, соблюдая меры предосторожности, рекомендованные ему Питером Николсом, он добрался до гостиницы «Ориенталь» и нашел нужный номер, где его уже ждали двое. Один из них — Питер Николс, лица второго, сидящего в углу комнаты в кресле у торшера, не было видно. Помещение освещено слабо — это только свет напольной лампы.

Николс шагнул навстречу гостю.

— Лео, разрешите представить моего друга из Вашингтона. Он много сделал для успеха вашего дела.

Второй американец поднимается с кресла. Широко улыбаясь,

он подходит к Николсу и Плахову.

— Здравствуйте, меня зовут Джеймс Вулрич. Я рад с вами познакомиться. Я, как вы понимаете, из того же ведомства, что и Питер, и в курсе вашей истории.

Русский гость явно не ожидал присутствия на встрече второго американца. Он попытался припомнить, приходилось ли когда-нибудь слышать в Центре названную фамилию. Но так и не найдя ответа, Плахов осторожно присел за небольшой столик у торшера. Он бросает взгляд на Джеймса Вулрича и тут внезапно вспоминает: начальник Советского отдела Оперативного управления ЦРУ, его фотографию он как-то видел в Ясеневе, в альбоме фотографий руководителей американской разведки.

Николс принялся хлопотать у небольшого столика у торшера. На столике прохладительные напитки, тарелки с треугольными сэндвичами с сыром и ветчиной, орешки, экзотические таиландские фрукты в вазе. Американец достал из холодильника еще несколько бутылок и поставил их на столик. Но к трапезе никто не приступает. Тягостное молчание нарушает Джеймс Вулрич.

— Не скрою, господин Плахов, ваше дело оказалось очень нелегким и потребовало больших усилий не только от нас, но и в целом от Вашингтона. Однако все хорошо, что хорошо кончается. Не так ли? А вот и результат наших трудов — Вулрич достает из атташе-кейса пачку фотографий и несколько кассет с пленкой.

— Они прислали вам не все — вот фотоснимки, которые уже были приготовлены для отправки в Москву и в адрес вашего посла. Ну, а главное оригинал. Вот эти злополучные пленки.

Начальника Советского отдела не напрасно называют «Волком». Хищник никогда не упустит жертву, которую преследует. В борьбе с коммунистами все средства хороши.

Плахов смотрел на фотографии и кассеты, как кролик на удава. Он прекрасно понимал, что тот, кто изготовил эту «продукцию», оставил у себя другие снимки, которые будут использованы для шантажа. Он, кажется, впервые был не прочь, чтобы они оказались у тех, с кем можно договориться. Но своих тайных мыслей, своего желания Лев Плахов американцам не раскрыл.

— Вы уверены, что они отдали все?

— Конечно нет. — Джеймс Вулрич угадывает причину беспокойства русского. — Но я уверен, что пока мы с вами будем дружить, никто не решится дать ход компрометирующим вас материалам.

«Вот и ответ на мои подозрения!» — думает Плахов. Вслух он произносит с большим напряжением слова, которые, наверное,

уже давно ждут от него американцы:

— Ну, что же, этого следовало ожидать. Надо, как говорится, платить за разбитые горшки. Мне, как доктору Фаусту, очевидно, придется продать свою душу дьяволу.

«Как нелепо идти в услужение к тем, с кем только недавно сражался в тайных схватках и кого хотел победить, — русский вице-консул был мрачен и не смотрел на своих собеседников, — это унижение, плата за самоуверенность, за недостаток воли». Запоздало корит себя Плахов, понимая, что ему уже не вырваться из ловушки, в которую загнал себя сам.

— Ну, зачем же так мрачно? Впрочем, это уже деловой разговор, — в голосе Джеймса Вулрича зазвучали металлические нотки, — мы вложили в вас солидный капитал. Нам действительно пришлось потратить немало средств. Но денег вы нам не должны. Мы обратимся к вам за услугами иного рода, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Нам гораздо важнее ваша дружба и сотрудничество. Мистер Николс обо всем этом с вами договорится. Нет, нам не понадобятся какие-то формальные расписки, мы полагаемся на ваше слово. Вы ведь настоящий джентльмен, мистер Плахов. Не так ли?

Плахов молчит, он почти не слышит, что ему говорит Вулрич.

Тот заметил это и повторил свой вопрос:

— Когда заканчивается срок Вашей командировки? Когда Вы намерены быть в Москве?

Только теперь Плахов уловил существо обращенного к нему вопроса.

— Долго здесь в таком климате нас не держат. Так что командировка завершится через 7–8 месяцев. Я вернусь пароходом, а жена отправится самолетом — она не переносит морской качки.

— Мы встретимся с Вами здесь же ровно через неделю. Условились? произнес Николс, вступая в разговор. — Вам следует принять еще большие меры предосторожности. А пока посмотрите вот эти списки — персонал вашего посольства в Бангкоке. Пожалуйста, отметьте тех, кто относится к Комитету государственной безопасности и к Главному разведывательному управлению Генштаба министерства обороны СССР. Да, еще кое-что. Пожалуйста, не скрывайте от нас, если у вас есть долги и потребуется наша денежная помощь. Я понимаю, это щепетильный вопрос, но бывают разные обстоятельства. Сэлли больше не ищите — если нужно будет, мы займемся этим сами.

Николс улыбнулся Плахову своей обворожительной улыбкой, которая, он был уверен, так нравилась собеседникам, и мужчинам, и женщинам. Но на русского приветливость Питера

Николса уже не подействовала. Он понимал, чего ждут от него американцы, и ему стало ясно, в какую глубокую яму он угодил.

— Ну, хватит заниматься делами, — вступил в разговор Джеймс Вулрич, пора отметить начало нашего сотрудничества.

Тягостное свидание в роскошном номере гостиницы «Ориенталь» продолжалось. Участники этой драматической встречи — русский и два американца — были заняты своими планами и думами…

Сертификат о рождении

Вернувшись в Вашингтон самолетом «Пан-Американ», Джеймс Вулрич дал себе совсем немного времени на отдых после утомительного перелета и направился в Лэнгли. Ему не терпелось побыстрее доложить об успехе проведенной вербовки советского разведчика руководству ЦРУ и, конечно, самому директору Джону Кейси. Вулрич знал: директор, почти целиком поглощенный советскими делами, любит острые, рискованные операции. Особенно когда они завершаются удачей.

«Волк»-Вулрич не ошибся: Кейси принял его лично в своем служебном кабинете на седьмом этаже здания в Лэнгли. Он не скрывал удовольствия любой успех в тайной войне с Советским Союзом его радует. Вот и на этот раз директор ЦРУ своим шепелявым голосом дотошно расспрашивал начальника Советского отдела о подробностях триумфально завершающегося дела. Кейси перескакивал с одной темы разговора на другую, но Вулрич чувствовал, что шеф доволен.

Соединенные Штаты при всех обстоятельствах должны атаковать главного противника. Директору ЦРУ нет дела до того, что Советский Союз, озабоченный своей собственной безопасностью, обязан защищаться. Ему нужно знать, что замышляет Москва и в особенности — что она планирует делать против его ведомства. Уильям Кейси не был сентиментальным. Только Вашингтону позволено заботиться о своих интересах. Такой одержимостью можно гордиться, и Кейси внушал ее всем своим подчиненным. И небезуспешно.

Возвратившись в свой кабинет, Джеймс Вулрич продиктовал Кристине текст телеграммы резиденту ЦРУ в Бангкок:

«Директор поздравляет вас с успешно проведенной акцией. Он доложил о вербовке сотрудника КГБ президенту, и президент благодарит вас за отличную работу. Вы награждаетесь медалью «За заслуги». Приобретение источника в русской разведывательной службе — одно из наших высших достижений, оно заслуживает особой похвалы. Примененная тактика вербовки сильного противника будет отмечена в истории оперативной деятельности нашей разведки. Полученная от агента информация

признана весьма ценной. В дальнейшем он будет проходить под именем «Пилигрим». Сейчас важно получить от агента по возможности все, что ему известно о деятельности русских против Соединенных Штатов. Имейте в виду, что он может попытаться уклониться от активного сотрудничества с нами и не всегда будет достаточно откровенен».

Вулрич делает паузу, смотрит в окно. Затем продолжает диктовать:

«До отъезда «Пилигрима» в Москву следует максимально укрепить с ним отношения доверительности. Сообщите, что мы будем выплачивать ему гонорар, соответствующий его вкладу в наше дело, и кроме того, откроем на его имя специальный счет в одном из банков в Соединенных Штатах. Он сможет получить свои деньги, как только приедет в нашу страну, но не торопите его с отъездом. Весьма необходимо, чтобы он поработал на нас, по крайней мере, несколько лет в центральном аппарате Первого главного управления в Ясенево».

…В своем кабинете в посольстве на Вайрлес-роуд Питер Николс дочитывал уже давно принесенную сотрудником резидентуры расшифрованную телеграмму начальника Советского отдела:

«…Сейчас самое главное — договориться с «Пилигримом» о работе с нашей московской резидентурой. Обратите внимание на его психологическое состояние. Используйте то обстоятельство, что «Пилигрим» слабоволен, жаден, трусоват и поддается давлению. Заверьте агента в полной безопасности связи с нами в Москве. Мы будем применять на первом этапе систему тайников и радиосвязь, а также письма с тайнописью, которые он должен будет направлять на подставные адреса в Европе и в Соединенных Штатах. Я посылаю вам план связи в Москве. Ознакомьте с ним «Пилигрима». Необходимо обучить его некоторым приемам работы с тайнописью и шифрами. Миниатюрную копию плана мы надежно укрыли в потайном отсеке футляра для очков, который передайте агенту. О месте для тайника, которое подберет московская резидентура, мы сообщим «Пилигриму» по радио…»

Николс задумался о чем-то и снова продолжил чтение телеграммы:

«Отдельно поздравляю вас с новым назначением. Буду рад видеть вас своим заместителем в Вашингтоне. Рассчитываю на ваш опыт работы по советской разведке…»

Питер Николс отложил в сторону телеграмму Вулрича и довольно улыбнулся. Прибывшее из Лэнгли известие радовало, возбуждало азартность его натуры. Всегда приятно выслушать похвалу начальства. Тем более получить лестное назначение, о

котором давно мечтал.

Резидент Центрального разведывательного управления в Бангкоке знал, что его продвижение по службе зависит от многих обстоятельств: от числа и характера разведывательных донесений, которые он направит в Лэнгли, от количества и качества завербованных агентов. И, конечно, нужен сильный покровитель. Вербовка советского разведчика — огромная удача для него. Николс недаром слыл счастливчиком: ему везло на обстоятельства, везло на патронов.

Рождение «крота» состоялось. Необходимый сертификат оформлен. Новорожденный прошел обряд крещения. Теперь предстоял сложный процесс подготовки завербованного агента к работе в тылу грозного главного противника.

Резидентура в Бангкоке — в водовороте событий. Привычная суета сменилась кипучей работой. Сплошным потоком летят в Лэнгли реляции и предложения, в ответ приходят телеграммы и письма, приезжают специалисты-инструктора по многообразным аспектам оперативного ремесла. «Пилигрима» необходимо обучить всему тому, что должно обеспечить бесперебойную и эффективную связь агента со штаб-квартирой ЦРУ через московскую резидентуру американской разведки.

Страхи и сомнения

Морской пассажирский порт Бангкока находится в 35 километрах от Сиамского залива, из которого дальнейший путь ведет на просторы Тихого и Индийского океанов. Нижнее течение реки Менам Чао Прайя, некогда непригодное для судоходства, теперь расчищено от ила. Бангкокский порт принимает большие морские суда — торговые и пассажирские.

В день отплытия из Бангкока вице-консула советского посольства у одного из пирсов порта возвышался белый красавец — теплоход «Ярослав Мудрый». Деловито работала команда корабля, по трапу поднимались пассажиры.

Плахов стоял на верхней палубе. В Таиланде нет строгих пограничных и таможенных правил для дипломатов. Все формальности — позади, объемистый багаж погружен в трюм. Планов смотрел на город. Он привык к Бангкоку, ему было трудно с ним расставаться. Но прощание неизбежно, командировка в далекую страну завершилась, его ждали на Родине. Дипломат направился в свою уютную каюту. В ней он проведет долгие дни морского путешествия.

Питер Николс из вестибюля порта наблюдал за отплытием теплохода. Вот он уже отошел от пирса, влекомый мощными буксирами, и медленно плывет по широкой реке. Волны, рожденные «Ярославом Мудрым», ударяются в пирс и

откатываются назад. Николс пошел к своей автомашине, припаркованной неподалеку. Он возвращался в посольство — нужно дать телеграмму в Лэнгли об отъезде «Пилигрима».

А Лев Плахов уже в каюте. Его ждут долгие дни тяжелых раздумий о пережитом и о грядущем. В каюте он достал из кармана футляр для очков, вынул очки и внимательно, с каким-то испугом начал разглядывать футляр. Вновь задумался…

Плаховым уже многие дни безотчетно владели два чувства — какой-то холодящий страх и неукротимое стремление к наживе. Страх перед разоблачением его контакта с американской разведкой леденил, отталкивая все другие думы. Он еще со времени учебы в разведывательной школе в Москве знал о силе советской контрразведки. В Ясеневе, когда он уже работал в Первом Главном управлении КГБ, ему приходилось знакомиться с документами о провалах агентов Центрального разведывательного управления и других иностранных разведок. Плахов был осведомлен об эффективности Второго Главного управления, которое занимается посольскими резидентурами разведок противника и раскрыло и обезвредило немало операций спецслужб противника в Советском Союзе. Все эти картины проносились сейчас перед ним, и он думал, что теперь ему самому придется выступать в совершенно реальной роли разыскиваемого шпиона. Он отгонял эту мысль, как водитель, который убежден, что аварии с ним никогда не произойдет. С кем угодно, — но только не с ним! Ведь он всегда следует правилам дорожного движения! Кошмарная мысль о собственном провале появилась и исчезла. Уступая, впрочем, место не осознаваемому до конца чувству опасности. Страх — плохой советчик. От него хочется избавиться, если возможно — подавить. Но он почти никогда не подсказывает верных решений.

И тогда вступает в свои права алчная страсть к обогащению, дремавшая в тайниках души и теперь проснувшаяся как альтернатива страху, боязни разоблачения. Он утешал себя тем, что постарается глубоко не втягиваться в контакт с американцами, будет избегать передавать ЦРУ важную информацию. Он старался не думать о том, что уже связал себя с американской разведкой, раскрыл ЦРУ данные, которые представляют государственную и служебную тайну. «Да, решено, — думал Плахов, — я буду сообщать американцам кое-что, но не самое существенное, не ту информацию, которая может нанести ущерб стране и моей разведывательной службе. Пока не найду способа избавиться от своей зависимости от ЦРУ».

Правда, Плахов еще не знал, как это можно сделать. «В конце концов я все же обязан американцам — они вытащили меня из

большой беды. Пусть вся история с Сэлли — оперативная комбинация ЦРУ, но ведь американцы заплатили за мои проигрыши в казино». Да, он продал душу дьяволу, но этот «дьявол» обещал осыпать его золотым дождем!

Теперь он вспоминал о том, как пытался уклониться от связи с московской резидентурой Центрального разведывательного управления. Он действительно боится этого. Пусть подождут его следующей заграничной командировки! Но Питер Николс нажимал и уговаривал, ссылаясь на опыт ЦРУ и на умение резидентуры в Москве обеспечить надежные и безопасные условия контактов. Уговорил! Впрочем, Плахов уже давно понял, что бессилен противостоять той таинственной злой силе, которая неожиданно и бесцеремонно вторглась в его жизнь. Он понял и другое: отказаться от связи с американцами в Москве не удастся. Утешить может лишь то, что речь идет о радио и тайниках, о способах связи, не требующих личных встреч, крайне опасных в условиях Москвы. «Я начну работать, а потом просто уйду в тень под каким-нибудь предлогом».

Плахов отвлекся от раздумий. Достал бутылку коньяка и налил полный стакан. Выпив, скоро погрузился в тяжелое дурманящее забытье.

Теплоход «Ярослав Мудрый» шел по широкой реке, приближаясь к Сиамскому заливу и готовясь к встрече с океаном. В спокойное разливное течение русских народных мотивов, исполняемых радиоцентром теплохода, ворвалась вдруг песня Владимира Высоцкого:

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони.
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони.
Хоть немножко, но продлите путь к последнему приюту.
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее.
Умоляю вас вскачь не лететь.
Но что-то кони мне попались привередливые,
Коль дожить не успел, так успеть бы допеть.
Я коней напою, я куплет допою.
Хоть немного еще постою на краю.

Тревожная, взрывная песня знаменитого барда пронеслась над водой и затихла, когда «Ярослав Мудрый» вошел в Сиамский залив, откуда открывалась дорога в океан. Теплоход шел в Одессу, с каждым днем приближая «Пилигрима» к родным берегам. И — к неизвестности.

Глава пятая

Москва.
Лето и осень 1986 года
Стрела летит в цель

Москва 1986 года — это, конечно, не сегодняшняя столица России с роскошными зданиями банков и офисов частных коммерческих компаний, богатыми магазинами, ресторанами, казино и гостиницами. Еще нет сотен тысяч иностранных автомашин и миллионных толп вечно спешащих куда-то москвичей и приезжих, давно ставших постояльцами столицы.

Но Москва восьмидесятых отчаянно пробивала себе окно в Европу, самонадеянно замахивалась на то, чтобы слыть третьим Римом. Кое-где ей раскрывали объятия, она уже научилась заманивать новых друзей, хоть и не была еще так криминальна, как в последующие годы. Впрочем, и тогда сюда стекались люди самых пестрых судеб и невероятных характеров. Ибо жить в других местах большой страны им казалось неполноценным занятием.

Ну, а у иностранцев разочарований было гораздо меньше, у них была своя судьба. Дипломатам и вовсе приходилось смиряться и надеяться. Правда, им было совсем не трудно это делать, так как жизнь у них протекала в собственном узком мирке, чаще всего — в пределах Садового кольца.

Здания иностранных посольств в столице во все времена отличались своей импозантностью, броской архитектурой. Они были чуждыми вкраплениями в суматошную жизнь огромного города, обрекавшего обитателей на всегдашние неудобства, но зато компенсировавшего их обильными материальными благами, вполне достаточными для того, чтобы не роптать на временные беды.

Здание американского посольства, дающее приют московской резидентуре Центрального разведывательного управления, расположилось на улице Чайковского, на Садовом кольце столицы. На флагштоке массивного здания государственный флаг Соединенных Штатов — символ мощи и величия супердержавы. Денно и нощно посольство бдительно охраняют морские пехотинцы из элитарного подразделения вооруженных сил США. Это настоящая крепость, защищенная крепкими стенами и безжалостной военной силой от непрошеных гостей.

Всем посетителям посольства оставлен доступ в здание через специальный проход в западном крыле. Бравые охранники —

морские пехотинцы не пропустят злоумышленников, они надежно «профильтруют» всех входящих в узкие двери двух тамбуров, оборудованных металлоискателями. А если кто-нибудь поведет себя агрессивно, пустят в ход оружие. Они у себя дома, на своей территории.

Охраняет дипломатическое представительство далекой Америки и московская милиция, ее сотрудники тоже всегда на посту.

В рабочие дни у здания посольства многолюдно. Утром подъезжают и паркуются вдоль тротуаров лимузины американских дипломатов. Вечером автомашины аккуратно развозят служащих представительства по домам в разные концы Москвы. Приливы и отливы у посольства не затухают и в дневные часы. Да и визитеров, которым требуется побывать на улице Чайковского, достаточно. Разве что глубокой ночью внушительный дом посольства отдыхает от суеты.

И этот день уходящего лета 1986 года ничем не выделялся среди других.

На двери кабинета руководителя посольской резидентуры висит табличка: «Советник по региональным вопросам». Это — должность прикрытия резидента ЦРУ, которая ему предоставлена Государственным департаментом по указанию президента Соединенных Штатов.

Резидент Центрального разведывательного управления — в посольстве фигура очень влиятельная. Он старший оперативный начальник для всех разведывательных подразделений Вашингтона, которые пользуются «крышей» в американском посольстве — военные, служба радиоэлектронной разведки, секция безопасности. С ним считается глава представительства. Он, конечно, не вникает в оперативные дела резидентуры. «Грязная работа», — полагают многие американские послы. Впрочем, они почти всегда внешне весьма лояльны к разведке. А некоторые — и очень услужливы. Надо поддерживать с ЦРУ корректные отношения. От него зависит многое. Резидентура американской разведки имеет в Соединенных Штатах могущественных покровителей и свой канал связи с Вашингтоном.

Совсем недавно в особняк посла, так называемый Спасо-Хауз, недалеко от здания посольства на улице Чайковского, тайно проник русский военный, служивший до своего увольнения в ракетных войсках. Он был одержим идеей заработать на продаже американцам известных ему военных секретов. Помощник посла, проживавший в Спасо-Хаузе, с согласия своего шефа быстро вызвал в особняк тогдашнего резидента ЦРУ, и они вдвоем

договорились с русским. Ну, а потом помощник посла, незаметно от русской контрразведки, вывез русского парня из особняка. Русским вскоре удалось поймать нового агента ЦРУ, но они — надо отдать должное их благородству — не стали поднимать шум насчет роли посла в этом шпионском деле.

Нынешний посол был весьма расположен к руководителю московской резидентуры ЦРУ Эрику Хонтауэру и очень лоялен к деятельности посольской резидентуры. Всем сотрудникам посольства он велел оказывать всемерную помощь резидентуре — и тогда, когда им случалось знакомиться с кем-либо из русских, кто мог заинтересовать разведку, и тогда, когда к ним попадала информация, которая могла пригодиться Лэнгли. Посол разрешал Эрику Хонтауэру использовать для своих целей помещения представительства. Например, когда необходимо было принять кого-то, кто был ценен для Центрального разведывательного управления. Или устроить так, чтобы в нужный день и час в одном из окон посольства зажегся свет, который должен был служить условным сигналом для агента, проходившего или проезжавшего по улице Чайковского. Сигналом к тому, чтобы выйти на личную встречу с разведчиком или изъять тайник, заложенный резидентурой.

Эрик Хонтауэр — высокий, грузный мужчина с загорелым, обветренным лицом. Ему 45 лет. Весь его вид выражает уверенность в себе, силу и решительность. Он находился в Москве уже почти два года. В Советский Союз, где требуется особенно высокая разведывательная квалификация, он прибыл, имея большой опыт работы в зарубежных резидентурах ЦРУ и в центральном аппарате. Послужной список Эрика Хонтауэра охватывал Ближний Восток и Латинскую Америку, Западный Берлин и скандинавские страны. И везде, даже там, где доводилось возглавлять резидентуры, он лично участвовал в разведывательных операциях — проводил встречи с агентами, закладывал тайники, осуществлял сеансы радиосвязи с источниками, отправлял письма в адреса нужных лиц. У него накопился солидный опыт работы по советским учреждениям за границей и в США. В его оперативном архиве — вербовки русских, опросы перебежчиков, общение с предателями. И в Москве он не придерживался кабинетного стиля.

Эрик Хонтауэр слыл философом. Может быть, даже больше, чем этого требовала работа в таком ведомстве, как Центральное разведывательное управление. Он знал цену себе, своим способностям. «Каждый человек король, — поется в популярной американской песенке, — никто не должен остаться без доли. Богатства хватит на всех». Эта нехитрая, известная каждому

белому жителю Соединенных Штатов песня олицетворяет крайний индивидуализм американца, его мечту обрести свою долю богатства.

Хентауэр был как раз из этой породы, которую в изобилии взращивает Америка. Он просто не мог не преуспеть в Советском Союзе. Иначе это остановило бы его так удачно складывающуюся карьеру. Он и не думал искать применения своим талантам где-то в другом месте, где тоже ценят людей хватких и энергичных, не обремененных чрезмерно интеллигентской философией. Работа в разведке — это всегда обретение трезвого прагматизма. Резидент ЦРУ верит в свою звезду. Москва для него — трамплин к очередному прыжку в его карьере.

Хонтауэр знал, что Советский Союз — основной объект внимания спецслужб его страны. Знал и то, что хотя возглавляемая им московская резидентура является далеко не самым многочисленным и крупным подразделением разведки, ей обоснованно принадлежит важная роль в конфронтации с Советским Союзом. Недаром в Лэнгли, в Оперативном управлении и в Советском отделе ее называют «святая святых» американской разведки. Это не только признание занимаемого ею ведущего места в деятельности против «главного противника», но и стремление подчеркнуть необходимость особого засекречивания всего того, чем она занимается.

А занималась московская резидентура делами, которые действительно нуждались в строгой конспирации, — операциями по связи с агентами ЦРУ, завербованными в Москве и вне Советского Союза, а также специальными техническими акциями, когда использовались так называемые АУТРы автоматические устройства технической разведки. АУТРы были гордостью американских инженеров и специалистов, величайшей ценностью Лэнгли, и все же не они составляли настоящую силу Центрального разведывательного управления. Этой силой, способной добывать самую ценную и нужную для разведки информацию, были агенты — и те, кто добровольно предлагал свои шпионские услуги, и те, кого удавалось склонить к сотрудничеству и кто был согласен работать с ЦРУ на территории СССР.

Эрик Хонтауэр был ярым сторонником агентурной работы. Агенты должны кормить разведку! Он помнил слова директора Центрального разведывательного управления:

«Основные усилия ЦРУ должны направляться на качественное и продуктивное использование существующей на территории Советского Союза американской агентурной сети, на ее наращивание. Агентура является критически важной даже в

эпоху разведывательных спутников и других технических средств разведки. Мы очень заинтересованы в получении разведывательной информации, которая становится бесценной, когда речь идет о проникновении в планы и замыслы противника». Так говорил директор на одном совещании в Лэнгли, и Хонтауэр слушал его с особым вниманием. И вот теперь резидент ЦРУ в Москве старательно проводил идеи руководства Лэнгли в жизнь. За это и ценят Эрика Хонтауэра в Вашингтоне — за его напористость, хватку, за бурную инициативу смелого и отважного разведчика.

Да и сам Эрик Хонтауэр был преисполнен честолюбивых замыслов. Под его руководством московская резидентура стала организатором смелых разведывательных операций в Советском Союзе. Идеи и предложения рождались в его голове одно за другим. Не важно, что решения принимаются в Лэнгли, где готовятся директивы по важнейшим вопросам. Эрику Хонтауэру был известен стиль работы Вашингтона. За долгие годы службы он научился влиять на положение дел, знал, что когда возникают проблемы согласования и получения инструкций, на это требуются считанные часы. Связь действует бесперебойно! Хонтауэр знал решительную натуру своего непосредственного начальника «Волка» Вулрича и надеялся на то, что новый директор ЦРУ всегда поддержит московскую резидентуру. Отваги, инициативы и настойчивости Эрику Хонтауэру не занимать!

…Руководитель московской резидентуры медленно ходил по своему кабинету и, размеренно жестикулируя, вел неторопливый разговор со своим собеседником. Иногда он умолкал и подходил к столу, на котором что-то записывал на небольших листочках, показывая их тому, кто его внимательно слушал. А собеседник стоял в углу кабинета — это был молодой человек лет тридцати, атлетического телосложения и весьма приятной внешности. На его холеном лице — выражение самодовольства и самоуверенности. Молодой человек — специальный сотрудник московской резидентуры — разведчик «глубокого прикрытая» Арнольд Бронсон. В посольстве стараниями ЦРУ он числился атташе отдела личного состава. В Советский Союз Бронсон приехал несколько месяцев тому назад.

— Русские угрожают Соединенным Штатам. Они стремятся уничтожить нашу свободу. Мы должны сделать все, чтобы этого не произошло. Советы — наш враг. Его надо разбить, иначе он разобьет и уничтожит нас. — Эрик Хонтауэр не заметил, как перешел на тон и манеру лектора, которому дорого внимание аудитории. Но Бронсон, казалось, не обращал внимания на

высокопарное красноречие шефа. Работники кадрового аппарата ЦРУ, принимая его на работу в разведку, отмечали в молодом и симпатичном американце немало привлекательных качеств. Они быстро подметили его энергию и активность, стремление не размышлять, а действовать. Мимо их внимания не прошло и то, что Бронсон умел терпеливо слушать, что ему говорят начальники. Он твердо усвоил заповедь: не перечить руководству, выполнять то, что от него требуют, и тогда можно добиться успеха.

«Глубокие прикрытия» для разведчиков, направляемых на дипломатические должности в посольствах, — остроумное изобретение руководства Лэнгли. Арнольд Бронсон очень дорожил этим назначением. Дорожил своим новым разведчиком-агентуристом и сам Эрик Хонтауэр.

В отличие от других сотрудников резидентуры разведчиков «глубокого прикрытия» еще более тщательно зашифровывают и «прячут» среди дипломатов. Их пристраивают на специальные курсы Государственного департамента, где они проходят науку дипломатической службы в широком кругу других американских дипломатов. Те считают их «своими». Это важно, так как кое-кто из слушателей курсов А-100 оказывается в тех же представительствах, куда ЦРУ посылает разведчиков «глубокого прикрытия». Им, как правило, запрещается посещать помещения резидентуры, не рекомендуется общаться с другими разведчиками. Они должны строго выдерживать режим работы по прикрытию. Разведчикам «глубокого прикрытия» поручаются наиболее важные операции.

Вот таким и был Арнольд Бронсон, которого принимал в своем посольском кабинете советник по региональным вопросам.

Эрик Хонтауэр в целом спокоен — его кабинет надежно защищен от подслушивания и регулярно проверялся специалистами Лэнгли. Тем не менее ключевые фразы разговора, которые могут дать представление о существе дела, собеседники не произносили, а писали на листках бумаги, которые потом Эрик Хонтауэр сожжет в стоящей на столе железной пепельнице. Весь разговор поэтому носил какой-то фантастический характер, понятный только им одним.

— Вы, конечно, уже освоились в Москве, Арнольд? И, наверное, уже многое успели посмотреть. Как вы заметили, мы вас особенно не загружали поручениями. Считайте, что для вас это были тренировка и легкая разминка. А вот теперь вас ожидает настоящая работа.

— Я готов, сэр.

Бронсона переполняла гордость от поручения шефа. Он как-

то весь напрягся, но старался скрыть охватившее его радостное возбуждение. А Эрик Хонтауэр продолжал ходить по своему небольшому кабинету, изредка заглядывая в лежащие на столе листки с записями, которые появились после очередной телеграммы Лэнгли.

— Знаете, Арнольд, мы с вами солдаты тайного фронта. — Голос резидента звучал все глуше и глуше. — Советы своими действиями закрыли нам дверь в свое общество. Как преодолеть поставленные советскими властями барьеры? Как обойти внушительные заслоны русской контрразведки? Конечно, можно полагаться на технические средства. Соединенные Штаты это делают, и довольно успешно. Но разведывательные спутники, например, не дают нам доступа к тайнам Кремля, к секретам КГБ. Поэтому агенты — наше главное оружие.

Хонтауэр недовольно отреагировал на резко прозвучавший телефонный звонок, взял трубку, проронил несколько слов и снова повернулся к Бронсону.

— Вы отлично знаете, как трудно вербовать агентов в Советском Союзе. Мы стараемся не упускать ни одного шанса, когда к нам обращаются доброжелатели. Их немного, но среди них попадаются очень ценные источники. Ну, а что касается агентов, которых Лэнгли приобретает за пределами СССР, то это требует особого внимания резидентуры. Ведь нам приходится со многими из них работать. Резидентура в Москве — как натянутая тетива лука стрелка, хорошо видящего цель. И свою стрелу он выпускает в нужное время и в нужном направлении. Сейчас как раз и настало такое время, и вы будете этим лучником. Уверен, вы не промахнетесь. Лэнгли тоже на это надеется.

После этого шеф московской резидентуры перешел от теории к практике. Он не говорил о совсем уж деликатных вещах. Он писал то, что хочет сообщить собеседнику, на листках бумаги. Его молодой коллега отвечал шефу в столь же конспиративной форме.

— Резидентуре предстоит заняться очень ответственным делом. Вам поручается одна важная операция — закладка тайника для завербованного в Таиланде агента нашей службы. Вашингтон придает исключительное значение этому человеку. Он работник специального контрразведывательного подразделения русской разведки. Думаю, Вам не надо подробно объяснять важность дела. Для ЦРУ в целом, для резидентуры в Москве этот человек сущий клад, драгоценность из драгоценностей. На первом месте, конечно, информация о проникновении КГБ в правительственные учреждения Соединенных Штатов, прежде всего к нам, в Лэнгли. Русские этим, как вам известно, активно

занимаются. Ну, и многое другое, что мы вправе ожидать от агента такого калибра, в том числе операции русских здесь, в Москве, против посольства. Полагаю, что агент может быть полезен нам во многом. Я доверяю эту миссию вам, имея в виду, что вам уже приходилось участвовать в подобных операциях, хотя и не в Москве. А главное потому, что вы один из немногих офицеров резидентуры, кто неизвестен русской контрразведке.

— Благодарю за доверие, сэр, я очень его ценю. Уверен, что русские не подозревают меня. У меня ведь особый статус, и я строго выполняю все атрибуты дипломата посольства. Система маскировки, которую мне определили, действует успешно.

— Вы ведь понимаете, Арнольд, нам очень трудно долго сохранять инкогнито в стране с такими жесткими условиями работы. Вы — другое дело. Вы не принимаете участия в очень рискованных операциях. Это не упрек, это целесообразность.

— Сэр, слежки контрразведки я за собой не замечал. Я убежден: ее нет. А в посольстве меня действительно принимают за сотрудника госдепартамента.

— «Пилигрим», наш новый агент, — продолжил разговор, перемежая его записками, руководитель московской резидентуры, — имеет все инструкции по связи. Но кое-что резидентуре следует доделать и доработать. Сейчас речь не идет о личных встречах с агентом, которые резидентуре предстоят в недалеком будущем. Наши действия пока касаются тайниковых операций. Они спланированы для «Пилигрима» в Лэнгли, и нам необходимо их проводить. Конкретно сейчас надо подобрать место для тайника, который мы должны заложить уже в самое ближайшее время. В Вашингтоне считают, и я с этим вполне согласен, что это должен быть тайник, который может находиться на месте несколько дней, может быть, даже две-три недели. У нас уже подобрано несколько мест, но я хочу оставить их в резерве для других целей. Кроме того, если говорить прямо, они не кажутся мне подходящими для «Пилигрима». Координаты тайника, который вы подберете и подготовите, штаб-квартира сообщит «Пилигриму» по радио. Но ваша задача — не только сами координаты, но и подготовка указаний агенту, каким путем до него добираться.

Вот здесь, — Эрик Хонтауэр достал из сейфа крупномасштабные фотографии, — снимки районов Москвы, сделанные нашей космической службой фоторазведки. Все это окраинные районы города. Вы знаете наш подход к подбору мест встреч и тайниковых операций. Займитесь этим. Необходимо сделать несколько фотографий на месте и подготовить схему. Вам понятно, Арнольд?

Бронсон кивнул, и они оба склонились над картами и фотоснимками.

«Дистанция огромного размера!» — громогласно заявлял, говоря о российской столице, персонаж «Горя от ума» А.С. Грибоедова. Полковник Скалозуб был абсолютно прав: даже в те далекие от нас времена начала XIX века столица Российской империи занимала внушительную площадь, превосходя по территории крупнейшие европейские центры. Не говоря уж о городах Северо-Американских Соединенных Штатов, еще не раздувшихся от последующего экономического бума и нахлынувших эмигрантов.

Современная Москва вышла далеко за пределы Садового кольца. Она расширилась в городских границах, поглотила близлежащие села и деревушки и вот уже вырывается из оков Кольцевой автомобильной дороги.

Для Центрального разведывательного управления Москва в восьмидесятые годы — это практически весь Советский Союз. Москва — центр оперативной деятельности американской разведки. Здесь — главные источники разведывательной информации американцев, здесь — агенты влияния, с помощью которых спецслужбы США пытаются воздействовать на Советский Союз в разных областях, сюда вливаются коммуникации со всей страны, которые Центральное разведывательное управление и Агентство национальной безопасности стремятся тайно «оседлать», чтобы выуживать драгоценные секреты «главного противника», сюда, в особо важные для себя учреждения, ЦРУ внедряет своих «кротов».

Здесь, в здании американского посольства на улице Чайковского, сильнейший в Восточной Европе разведывательный центр спецслужб США, одна из крупнейших во всем регионе так называемая посольская резидентура Лэнгли.

Москва важна для Вашингтона вовсе не потому, что территория страны сжата для иностранных дипломатов, а поездки иностранцев в разрешенные районы обставлены жесткими ограничениями властей. Москва — административный центр огромного государства, нависающего своей мощью на другую супердержаву мира. Москва — сердце страны, и Вашингтон должен чувствовать его биение.

На огромной территории города можно в конце концов избавиться от назойливого внимания КГБ. Для этого существует немало способов и хитрых трюков. Разведчики резидентуры с удовольствием пользуются всеми приемами, которым их обучают в школе ЦРУ. И очень довольны, когда хитрости им удаются.

Но не все районы Москвы удобны и равнозначны для

разведывательных операций, которые приходится осуществлять посольской резидентуре. Центральная часть города, территория внутри Садового кольца американскую разведку не интересует. Для того чтобы любоваться расположенными там достопримечательностями, нет ни желания, ни времени, да и для профессиональной работы — просто опасно. Как опасно подбирать места для операций в промышленных зонах, вблизи от официальных учреждений, у военных объектов, отделений милиции. Предмет внимания американцев поэтому парковые и лесопарковые зоны, малолюдные улицы и скверы на окраинах города, так называемые «спальные районы» столицы.

Философия и стратегия разведывательной работы! Не каждому дается эта нелегкая наука, не каждый овладевает ее таинственными законами. Арнольд Бронсон из тех, кому они подчиняются. Так, по крайней мере, считает он сам. Блажен, кто верует!

Разведчик «глубокого прикрытия»

В Советском отделе Оперативного Директората Арнольд Бронсон считался восходящей звездой ЦРУ. Шеф Советского отдела давно взял на заметку этого энергичного молодого человека с приятными манерами. Честолюбие и авантюризм, в меру присущие Бронсону, «Волк» Вулрич считал подходящими качествами для сотрудника разведывательной службы, особенно для работы в Советском Союзе.

Именно начальнику Советского отдела Арнольд Бронсон был обязан назначением в московскую резидентуру. «Или грудь в крестах, или голова в кустах» — эта русская поговорка здесь вполне уместна», — полагал Джеймс Вулрич. А уж он, как никто другой, знает силу русской контрразведки, но знает и дивиденды, которые сулят успехи в московской резидентуре.

Эрику Хонтауэру Арнольд Бронсон тоже понравился, и не только потому, что он любимец шефа Советского отдела. Резиденту ЦРУ этот обаятельный молодой разведчик импонировал своим недюжинным интеллектом, влюбленностью в избранную профессию, умением подчиняться и отсутствием склонности к философским раздумьям. Эрик Хонтауэр с большим желанием принял Бронсона в свою команду, полагаясь и на лестную характеристику Вулрича, и на свои собственные наблюдения.

В подчинении у резидента Центрального разведывательного управления в Москве люди разных характеров и разных судеб — смелые и дерзкие, решительные и слабовольные, трудолюбивые и с ленцой, крепкие семьянины и любители поволочиться за женской юбкой, трезвенники и приверженцы «зеленого змия».

Почти все они — выходцы из того «среднего класса», который поставляет кадры в разведку, многие прошли армейскую школу. Подавляющее большинство — хорошие службисты, дорожат своей карьерой в ЦРУ, воспитаны в духе здорового консерватизма, а главное — нацелены на жесткую конфронтацию с Советским Союзом. Они верят в божественную миссию Америки взять на себя руководство миром, верят, что их страна — гарант свободы. Русский для них это всегда враг, а СССР — империя зла, таящая постоянную опасность. Вот и Арнольд Бронсон принадлежал к тому поколению американцев, которое не ведало войны «горячей», но зато полностью окунулось в войну «холодную».

Служба в Центральном разведывательном управлении еще не утратила для Арнольда Бронсона своего романтического облика, который присущ молодым разведчикам, и не приобрела цинизма старых служак, понаторевших в делах разведки. «Работая в ЦРУ, вы можете совершать великие дела» — этот девиз, который Бронсон впервые услышал еще в университете и который подтолкнул его к поступлению в ЦРУ, он отнюдь не считал просто рекламным трюком вербовщиков из Управления кадров Лэнгли. К тому же в Арнольде Бронсоне был силен патриотический дух — он считал себя настоящим американцем — в Соединенных Штатах жило несколько поколений его предков. Ко всему прочему, Бронсон не был лишен меркантильного тщеславия — его привлекало крупное вознаграждение за успешно проведенные разведывательные операции. Тем более в такой стране с жестким контрразведывательным режимом, как Советский Союз.

И вот теперь он радовался ответственному поручению резидента и серьезно готовился к новой работе, предвидя в ней свою судьбу, свою будущую славу и дождь наград и поощрений, который на него прольется.

Улица Академика Павлова

В субботу рабочий день в американском посольстве заканчивался раньше обычного. Уже после полудня служащие представительства начинали группами покидать здание на улице Чайковского. С одной из таких групп вышел Бронсон. Он направился к своей автомашине, припаркованной у фасада здания в длинном ряду других посольских автомашин.

«Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения» — это выражение известно всем читателям романа Ильфа и Петрова. О нем знают те, кто испытал удобства этого вида транспорта. Американец вряд ли читал роман «Золотой теленок», тем не менее ценил значение автомобиля как одного из способов проверки разведчиков. Конечно, в условиях Москвы автомобиль

не может рассматриваться как защита от всех бед и сюрпризов, которые может преподнести контрразведка, но Арнольд Бронсон был уверен в своих способностях выявить слежку, если она за ним ведется.

Бронсон ехал уже почти два часа, и ничего подозрительного не замечал, никакого наблюдения. Но у него ответственная задача, он должен быть полностью уверен в отсутствии слежки. А для этого нужно применить все свое умение, все знания, полученные перед выездом в Москву, все приемы, которым его обучили.

…Автомашина Бронсона двигалась по улицам столицы. Она то замедляла ход, то убыстряла движение. На одной из окраинных и довольно пустынных улиц американец остановился. Все спокойно, никто за ним не следовал. Да и автомашин не было вообще. Вокруг — ни души. Арнольд Бронсон окончательно успокоился. Не выходя из машины, разведчик достал из кармана пиджака миниатюрный фотоаппарат. С «Миноксом», зажатым в руке, он вышел и осмотрелся. В 100–120 метрах от машины проходит линия высоковольтных электропередач. Это — ЛЭП, каких множество в городе.

У одной из опор ЛЭП, находящейся в глубине покрытого неухоженным кустарником пустыря, американец остановился. Он наводит фотоаппарат и делает несколько снимков. Еще раз внимательно посмотрев на опору ЛЭП, возвращается к автомашине. Уже сидя в салоне, Арнольд Бронсон сделал еще один снимок — одного из домов. На нем табличка с надписью: «Улица академика Павлова» и номер дома. Американец прочитал название улицы и сделал какие-то пометки в своей записной книжке. Автомашина разведчика тронулась с места и начала набирать скорость. Уже наступили сумерки, темнота сгущалась.

Бронсон подъехал к жилому дому, где находилась его квартира. Это дом сотрудников дипломатического корпуса. Многие сотрудники американского посольства живут в таких домах в городских районах. Разведчиков-агентуристов резидентуры специально размещают подальше от посольства, где меньше внимания со стороны советской контрразведки. Кроме того, их расселяют в 7–8 местах города, что позволяет «растащить» силы наружного наблюдения контрразведки. В Лэнгли все продумали, все подчинили целям разведывательной работы.

Дом, где жил Арнольд Бронсон, находился в самой глубине двора. Стемнело, и только подъезд дома был освещен. Почти в полной темноте Арнольд Бронсон припарковал машину и выключил свет фар. Он направился к подъезду и вошел в дом. И

не заметил, как в салоне автомашины у него из кармана пиджака выпал фотоаппарат «Минокс» и остался на сиденье.

Через несколько минут к автомашине американца подошел мужчина. Светя фонариком, он заглянул внутрь салона и заметил «Минокс». Он быстро погасил фонарик и поспешил к телефонной будке.

Любопытная находка

Новое здание Комитета государственной безопасности на улице Дзержинского в этот субботний вечер было ярко освещено. Горел свет в окнах многих помещений восьмиэтажного дома. Не пустовал кабинет и начальника отдела контрразведки по американским спецслужбам, получившим «крышу» в посольстве Соединенных Штатов на улице Чайковского.

Из окон кабинета начальника отдела контрразведки открывался широкий вид на площадь имени Дзержинского. В самом центре площади возвышался величественный памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому — организатору органов государственной безопасности Советской республики. Молодое государство, находясь в кольце огненных фронтов, должно было защищаться.

Сегодня, конечно, нет военных фронтов, но действует тайный фронт борьбы со спецслужбами противника, и приходится отбиваться от новых крестоносцев.

Начальник отдела Сергей Александрович Краснов, седоватый, среднего роста мужчина, сидя за своим столом, разговаривал по телефону. Над столом большой портрет Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. В кабинете еще один стол — для оперативных совещаний в отделе. На стене — подробная карта Москвы.

К большому столу начальника Американского отдела примыкает небольшой столик. За ним сидел Алексей Владимирович Климов, руководитель одного из подразделений отдела, которое занимается контролем за деятельностью посольской резидентуры ЦРУ. Он обратился к начальнику отдела, когда тот закончил телефонный разговор.

— Сергей Александрович, я уже вам докладывал, мы сейчас внимательно следим за некоторыми американскими дипломатами, которые могут быть разведчиками-агентуристами. Особенно за теми, кого подозреваем как разведчиков «глубокого прикрытия». Среди них есть несколько человек, кто совсем недавно прибыл на работу в посольство. Мы выделили двух. Один из них — Арнольд Бронсон. Молодой, симпатичный парень, мы дали ему имя «Нарцисс». Не правда ли, подходящий псевдоним для такого красавца?

Климов достал из папки несколько фотографий. Краснов

внимательно рассматривает их и возвращает.

— В самом деле, красивое лицо и, действительно, соответствует псевдониму.

— Правда, до сих пор у нас не было весомых фактов того, что он из разведки. Пока он не дал нам никакого повода усомниться в том, что он работник госдепартамента. Пару раз мы видели его с руководителем резидентуры Эриком Хонтауэром. Но тот, знаете, общается со всеми дипломатами посольства. Положено по протоколу. Хонтауэр своих контактов и не скрывает. Но вот в помещениях резидентуры «Нарцисс» не появлялся. А сегодня с полудня до позднего вечера куда-то ездил, дома не появлялся. Конечно, он мог быть в гостях. И все же нам, возможно, немного повезло. Когда он вернулся к себе домой, мы нашли в его автомашине миниатюрный фотоаппарат. — Климов извлек из папки «Минокс».

— Надеюсь, вы проделали это достаточно аккуратно? «Повезло», — сказали вы. Везет тому, кто удачу ищет. Но я вижу, вы не закончили, и по вашему виду заметно, что самое любопытное еще впереди.

— Вы правы, возможно, мы и нашли удачу. Полагаю, что «Нарцисс» оставил фотоаппарат в машине случайно. Скорее всего, он просто выпал у него, когда американец выходил из машины. И, похоже, до сих пор хозяин пропажи не хватился. Может быть, он считает, что «Минокс» преспокойно лежит у него в пиджаке, и обнаружит потерю, когда снова наденет пиджак. Не найдя его там, он несомненно начнет искать «Минокс» в других местах, в том числе в автомашине. Но пока он из дома не выходил. Однако это еще не все, Сергей Александрович. Мы проявили пленку «Минокса» — на ней четыре кадра. Все снимки сделаны, видимо, на одном месте. На трех из них — опора линии электропередачи. Уверен, ее нетрудно будет найти, так как на четвертом снимке дом с табличкой названия улицы — академика Павлова. Это окраина Москвы. — Климов подошел к карте и показал то место, которое так заинтересовало американца.

— Интересная находка. Ну, и какие же выводы вы делаете?

— Теперь я уверен, скажем, почти уверен, что Арнольд Бронсон «Нарцисс» — разведчик ЦРУ и тщательно законспирирован в посольстве. Резидентура с его участием, вероятно, подбирает места для проведения операций. Скорее всего, то, что фотографировал «Нарцисс», предназначено для будущих тайников. Не будут же американцы проводить личные встречи с агентами в таком неприглядном месте, как этот густой кустарник!

— Пожалуй, вы правы. Этот парень требует особого

внимания. Необходимо создать систему очень конспиративного наблюдения. Но этого мало. Надо максимально использовать счастливый шанс, который нам предоставляется. «Минокс» необходимо так же незаметно, как его взяли, быстро вернуть хозяину. Причем сделать так, чтобы он не заметил, что фотоаппарат побывал у нас. Понятно, что следует вставить новую пленку, непроявленную, с теми же сюжетами, что на той, что остается у нас. Трудно? Я понимаю, но специалисты помогут. Конечно, есть риск, что Бронсон начнет искать ее в автомашине раньше, чем вы ее туда вернете. Но надо рискнуть.

— Я вас понял, Сергей Александрович, постараемся справиться с этой сложной задачей. Завтра воскресенье, и «Нарцисс», вероятно, в посольство не поедет. И к машине может выйти не слишком рано.

— Ну, что ж, мобилизуйте всех, кто будет необходим. Район улицы академика Павлова должен быть под очень хорошим и скрытым контролем. Думаю, в этом случае не будет необходимости в плотном наблюдении за самим «Нарциссом». Он сам придет к нам. Впрочем, вы, конечно, не забывайте и о других разведчиках-агентуристах резидентуры. Вы ведь знаете, американцы сейчас резко усиливают свою деятельность против нас по всем линиям. Похоже, в Соединенных Штатах с воцарением нового президента и назначением Рейганом в Центральное разведывательное управление Уильяма Кейси к власти пришли «ястребы», еще более свирепые, чем в прежние годы. Что касается Кейси, то в команде Рейгана, собранной из «ястребов», он, пожалуй, — суперястреб. В противоборстве с Советским Союзом Рональд Рейган дал полную свободу действий своему выдвиженцу — он уверен в его патологической ненависти к нашей стране и бульдожьей хватке. Как говорят сами американцы, «с ЦРУ сняли намордник и спустили с цепи».

Сергей Александрович Краснов не любил длинных речей, но это эмоциональное выступление показалось ему уместным.

…В воскресенье Арнольд Бронсон вышел из дома позднее обычного. Он явно был чем-то встревожен и выглядел для зоркого наблюдателя как человек, потерявший важную для себя вещь. Вот он направился к своей машине, поминутно осматриваясь по сторонам, словно высматривая что-то по дороге. У машины он останавливается, разглядывая внимательно место стоянки, даже бросая взгляд под днище автомашины. Затем открыл дверцу со стороны водителя и посмотрел внутрь. Его встревоженный взор скользнул по салону. И вдруг он заметил на полу у сиденья свой фотоаппарат. Лицо американца расплылось в счастливой улыбке, он уже не скрывал восторга. И быстро положил найденный

«Минокс» во внутренний карман пиджака.

Воскресный день выдался солнечным и ясным. Под стать значительно улучшившемуся настроению разведчика «главного прикрытия». Понятно, что оно и не могло теперь быть иным.

Арнольд Бронсон в это воскресенье просто отдыхал. Он был свободен от дальних странствий по городу, способных утомить менее энергичных людей, не подчиненных идее. И на улицу Чайковского ему идти не требовалось. Блуждание по зданию посольства в выходной день — это лишняя расконспирация для таких, как Бронсон. Можно немного расслабиться и подготовиться к предстоящим баталиям. Можно заняться самим собой. Ну, а потом снова устремиться за синей птицей удачи. В Москве поймать ее очень нелегко, нужно очень постараться.

Но старается и соперник, стремясь не уступать сильному, такому самоуверенному противнику. В контрразведке на улице Дзержинского знают: с ним можно сражаться и можно побеждать. Можно заставить его ошибаться. Или незаметно воспользоваться допущенной им ошибкой. Как в этот раз.

Разведку и контрразведку, конечно же, невозможно ставить в одинаковое положение. На стороне разведки — всегда фактор внезапности. Внезапности для тех, кто держит оборону. Разведка сама определяет, каким оружием будет действовать, кто будет им владеть и в какое время нанесет разящий удар. Московская резидентура Центрального разведывательного управления умеет пользоваться этими преимуществами. У контрразведки нет таких выгод — у нее сто дорог, которыми можно идти. В отличие от охотника, у которого она всегда только одна. Она — обороняющаяся сторона и вынуждена иметь дело со многими неизвестными. Но ее преимущество в том, что она у себя дома, а дома, как известно, и «стены помогают».

И все же усилия разведки и контрразведки часто идут рядом и в одном направлении. Вот и на этот раз — они встретятся в одной точке. На улице Академика Павлова.

Великое дело — удача! Она не часто посещает тех, кто ее добивается. Но и не отворачивается от тех, кто умеет идти ей навстречу.

Глава шестая

«Пилигрим» в Москве
«Ярослав Мудрый» направляется в Одессу

В июне 1986 года Лев Михайлович Плахов возвращался на Родину из долгосрочной заграничной командировки. Возвращался в одноместной каюте первого класса суперсовременного теплохода. В Одессе, куда после почти двухнедельного «хождения» по двум океанам прибывал теплоход «Ярослав Мудрый», его ожидала жена, приехавшая из Москвы встретить мужа. У него был громоздкий багаж, аккуратно упакованный в тяжелые ящики в далеком Бангкоке. Дочь-старшеклассница, обремененная школьными экзаменами, осталась дома в Москве с бабушкой.

Еще через сутки — они показались Плахову томительной вечностью комфортабельный поезд-экспресс доставил его в столицу. Здесь начиналась его заокеанская эпопея. Здесь, в кругу восторженно встретившей его семьи, среди радушных друзей, среди коллег-сослуживцев ему предстояло нести свой страшный крест.

Долгое путешествие по морям и океанам не принесло Плахову успокоения. И вовсе не потому, что пришлось страдать от морской качки или переживать ненастную погоду. Она была лояльной к пассажирам теплохода. Море оставалось спокойным, солнце — по-тропически горячим и ярким, воздух — влажным.

Плахов почти не выходил из каюты. Он беспрерывно думал о злых и жестоких превратностях судьбы, так круто повернувших теперь всю его жизнь. В гнетущие раздумья врывался тяжелый хмельной сон, а потом следовало не менее тяжелое похмелье.

Плахов панически боялся. Страх разоблачения не давал покоя, мучил днем и преследовал кошмарными сновидениями по ночам. Не раз поздним вечером и глубокой ночью, когда теплоход плыл в Южно-Китайском море и Малаккском проливе, поднимался сильный муссонный ветер, и тогда Плахову, сумрачно взиравшему из окна каюты на сплошную стену дождя, приходили мысли покончить со всем этим кошмаром. Но утром ветер стихал, море успокаивалось, и к нему возвращалась неистребимая страсть к жизни. И жалость к себе. И надежда на то, что все может закончиться не так уж плохо, как ему казалось. Не хотелось думать о себе, как о слабовольном человеке, который оступился, потерял твердую опору под ногами.

Великая жалость к себе, к своей несчастной судьбе

овладевала тогда Львом Михайловичем, и связь с ЦРУ казалась ему черной несправедливостью. Именно в такие минуты — он не хотел себе признаваться — и появлялось откуда-то из глубины желание подзаработать на подневольном сотрудничестве с американцами.

Предатель? — нет, так о себе Плахов не думал. Он не считал себя человеком с враждебной идеологией, с низкими моральными качествами, психологически созревшим для измены. Нет, не родство души, не честолюбие, не корысть определяли то запутанное положение, в котором он очутился. Плахов готов был расплакаться от собственного бессилия.

Время лечит. Оно по-своему лечило сотрудника Первого Главного управления КГБ. Уже на подходе теплохода «Ярослав Мудрый» к Босфорскому проливу он принялся успокаивать себя надеждами на то, что ему, несмотря ни на что, удастся освободиться из капкана, который, захлопнувшись в Бангкоке, сейчас сжимал его в своих стальных объятиях. Он пойдет к тайнику, который заложит для него московская резидентура ЦРУ, возьмет то, что в нем будет оставлено американскими разведчиками. Он утешил себя тем, что его интересуют не столько деньги, которые в тайнике окажутся, сколько то, что может раскрыть его, Плахова, если бы контрразведка обнаружила контейнер. Ну, а потом он решит, что делать. Во всяком случае, служить ЦРУ он не намерен. По крайней мере, длительный срок. Он попытается избавиться от своих обязательств. Может быть, просто уйдет из разведки. Найдет какой-то подходящий предлог и сообщит об этом американцам. Тогда они, наверное, потеряют к нему интерес и оставят в покое. В конце концов, не навечно же судьба связала его с разведывательной службой! Однако вначале он вытянет у американцев побольше, а, возможно, и узнает что-то такое, что сделает его героем в глазах своих, когда он придет к ним с информацией о ЦРУ.

Теплоход подходил к Одессе. Плаховым все больше и больше овладевало чувство беспокойства и какой-то апатии. Оно давило и вызывало приступы безысходности. В такие минуты он уже не сомневался, что ход времени для него заканчивается. Потом опять приходила мысль порвать контакт с американской разведкой, и сама эта мысль казалась Льву Михайловичу Плахову спасительной и заманчивой. Он старался забыть, какую цену ему уже пришлось заплатить за предательство, не думал о том, какие секреты выдал противнику, какой ущерб нанес своей службе и своей стране. Все это отступало перед фантастическими планами и расчетами на то, что удастся спастись и уцелеть самому. Но Плахов обретал призрачную надежду: в опасной игре с

американской разведкой на собственной территории преимущества будут на его стороне.

Кнут и пряник

В Лэнгли вербовку «Пилигрима» — сотрудника советской разведки считали своим крупным достижением. Организация шпионажа против СССР относилась к числу несомненных приоритетов, и там были убеждены, что проникновение в советские спецслужбы может дать ответ на непростой вопрос: удалось ли русским внедрить своих «кротов» на ключевые объекты США.

Русский «крот» — наваждение и кошмар Вашингтона. Поисками коварного советского шпиона занимались и в Федеральном бюро расследований, и в Центральном разведывательном управлении. Мощные силы были направлены на просвечивание государственных структур и самого общества. Дотошно брались за охоту на «кротов» при очередной утечке информации, после нового провала разведчика резидентуры ЦРУ и разоблачения противной стороной американского агента. Вот потому-то в Лэнгли так рвались в Ясенево.

Но не одни эти обстоятельства так манили Лэнгли к охоте на «кротов». Центральное разведывательное управление заботилось отнюдь не только о собственной безопасности, хотя такая «забота» субъективно и определяла помыслы американских «охотников». «Кроты» в советских спецслужбах, считали в Лэнгли, — важный источник разведывательной информации широкого профиля. Будем справедливы к американской разведке — она стремится знать обо всем, что происходит в мире. «Кроты» — солидное подспорье для любознательности ЦРУ.

«Пилигрим» для американской разведки был исключительно ценным агентом, имевшим доступ к важнейшей информации. На военном языке, которым любят выражаться в Центральном разведывательном управлении, это был прорыв обороны главного противника. И теперь его необходимо всячески развивать, продвигая завербованного агента к решению больной для ЦРУ задачи: нет ли «крота» русских в Лэнгли. «Пилигрим», как никто другой, подходил для этой цели — он работал в службе контрразведки Первого Главного управления, а она как раз и занималась советскими «кротами» в иностранных спецслужбах.

Душевные смятения «Пилигрима», его угнетенное состояние не были для ЦРУ в диковинку. Они проявлялись уже на первых встречах американских разведчиков с ним в гостиницах Бангкока. Однако в Лэнгли знали, как строить отношения с новым агентом, как не дать ему сорваться с крючка. Над этой проблемой, кроме разведчиков-агентуристов с их богатым практическим опытом,

трудились талантливые психологи, выпускались десятки исследований и специальных инструкций.

«Закрепление» агента, втягивание его в активное шпионское сотрудничество — настоящее искусство. Питер Николс имел в ЦРУ репутацию квалифицированного специалиста в сфере вербовки и приручения источников. Эта репутация вскоре приведет его к высотам оперативной карьеры. И в Бангкоке он немало времени уделил тому, чтобы «Пилигрим», пойманный на наживку опытным рыболовом, «не сорвался с крючка». Николс умело применял в отношениях с агентом тактику кнута и пряника. Кнутом был разработанный им план вербовки, основанный на компрометации и шантаже, скрытом давлении и насилии. «Пряником» служила американская помощь в беде. «Материальные выгоды — основа любой вербовки», — был убежден резидент ЦРУ в Бангкоке, обрушивая на русского предложения выгодного сотрудничества.

Настоящим сладким «пряником», буквально тающим во рту жертвы, было щедрое денежное вознаграждение, которое было обещано «Пилигриму», дорогие подарки, которые любезный хозяин преподносил ему в Бангкоке, учреждение специального долларового счета в американском банке. И Питер Николс не ошибался, распознав в Плахове черты тщеславия и самоуверенности, боязни ответственности и трусости, а главное — алчности и корысти. «Вложенный в «Пилигрима» капитал, — полагал американец, — теперь должен приносить дивиденды».

В Бангкоке Питер Николс со свойственной ему энергией и аккуратностью взялся за обучение «Пилигрима» сложному шпионскому ремеслу. Советский отдел направил ему в помощь специального инструктора из Лэнгли. Вдвоем они учили «Пилигрима» премудростям разведывательной работы на территории Советского Союза, всему тому, что требовалось для связи — способам шифрования и тайнописи, изготовлению писем на подставные адреса разведки, особенностям проведения тайниковых операций, порядку приема радиопередач ЦРУ, постановке условных сигналов. Удобные для американских разведчиков в иных странах встречи с агентами на конспиративных квартирах или в гостиницах в Москве исключались. Нельзя было и решиться на посещение агентом посольства Соединенных Штатов на улице Чайковского. Опасно, русская контрразведка непременно зафиксирует такой способ связи.

Плахов это понимал и как профессионал быстро осваивал тот арсенал методов и приемов, который теперь ему предстояло применять в своей собственной стране.

Очень скоро одного помощника для обучения «Пилигрима» Питеру Николсу стало не хватать. Слишком объемным и сложным было ремесло, которое предстояло постичь завербованному агенту, хоть и сам он был совсем не новичком в тайном деле шпионажа.

Конспиративный контакт в Москве — дело нешуточное. Но Питер Николс был уверен в себе и заверял Плахова, что если он будет строго следовать инструкциям и рекомендациям ЦРУ, риска и опасности для него не будет. Они легко сумеют обыграть русскую контрразведку. Льву Плахову очень хотелось в это поверить. «Блажен, кто верует!» Самоуверенность может обойтись недешево. И с одной стороны, и с другой.

Человек не в состоянии держать в памяти правила и инструкции на все случаи жизни. И «Пилигрим» не мог, конечно, запомнить те инструкции, которые ему были даны в Бангкоке для связи с московской резидентурой Центрального разведывательного управления, не говоря уже о тех знаниях, которые должны были помочь ему расшифровывать радиограммы ЦРУ или исполнять шифром и тайнописью письма со своей информацией в адреса разведки.

Поэтому все самое существенное было изложено в так называемом «плане связи», который умелые мастера из ЦРУ втиснули миниатюрным текстом в несколько листочков из быстрорастворимой бумаги. Их можно было почти мгновенно уничтожить в воде или просто проглотить без вреда для здоровья. Листочки спрятали в потайное отделение футляра для очков, с которыми Плахов, страдая близорукостью, никогда не расставался.

Имелось и другое снаряжение, которое «Пилигриму» нужно было прятать от чужих глаз и надежно хранить: шифроблокноты и несколько конвертов писем на подставные адреса ЦРУ, специальные шариковые ручки для нанесения тайнописи, небольшого размера электронная приставка к японскому радиоприемнику «Сони». Его вручили «Пилигриму» в Бангкоке и предназначался он для прослушивания передач ЦРУ. Приставка к радиоприемнику имела особое назначение: она должна была фиксировать тайные передачи и вносить их содержание в память прибора.

Все это шпионское снаряжение было искусно заделано в фотоальбом с видами Бангкока и в объемистую книгу о Таиланде. Конечно, сам радиоприемник не было необходимости прятать — «Сони» уже появились в Москве вполне легально, хотя доставались немногим и были предметом вожделения остальных.

В багаже «Пилигрима» хранилось еще кое-что, не имевшее,

казалось, прямого отношения к технологии связи агента с Центральным разведывательным управлением, но это «кое-что» тоже было необходимо тщательно скрывать от посторонних. Это была ампула с «чудодейственным лекарством», искусно вмонтированным в авторучку. «Лекарство забвения», — сказал Питер Николс русскому вице-консулу на одной из встреч в Бангкоке. «На всякий случай, резидент чувствовал некоторую скованность, вручая «подарок» агенту, — но знаете, может пригодиться в чрезвычайных обстоятельствах, когда не будет иного выхода. Вы ведь сами намекали на это. Действует очень быстро и совершенно безболезненно. Уверен, правда, что «лекарство» вам никогда не понадобится. У нас стопроцентно надежная система работы».

Вот такой «багаж» и вез сейчас Лев Михайлович Плахов из Бангкока в Москву, рассчитывая немножко на счастливое везенье и на свой дипломатический паспорт.

Ясенево

По утрам и в конце рабочего дня на территории Первого Главного управления КГБ в Ясеневе царило привычное столпотворение. На работу прибывали офицеры и служащие разведки, мужчины и женщины, люди молодые и зрелого возраста. Многие приезжали на своих автомашинах. Остальные — в специальных рейсовых автобусах. Для высших руководителей разведки на территорию комплекса, огороженную высоким забором, существовал отдельный въезд. Ничто не должно было мешать им и другим сотрудникам разведывательной службы вовремя быть на своем рабочем месте.

У Ясенева и Лэнгли немало общего: штаб-квартиры разведки расположены в пригородах столиц своих государств — «вдали от шума городского» и подальше от любопытных глаз. И в Ясеневе, и в Лэнгли служба охраны бдительно следит за безопасностью и порядком; и в Москве, и на берегу Потомака основные административные помещения разведки размещены в семиэтажных зданиях. Оба здания специально построены такой высоты, чтобы их не было видно: в советской столице — со стороны Московской кольцевой дороги, в Вашингтоне с автострады, ведущей в южные штаты.

Сегодня Лэнгли и Ясенево перестали быть загадкой. Тайну Вирджинского леса быстро раскрыли вездесущие американские журналисты. Им помогли своей информацией сотрудники ЦРУ, порвавшие с «компанией». И «секрет» Ясенева недолго оставался секретом и выплыл наружу, как только на Западе оказались перебежчики, решившие обменять известные им тайны на вполне осязаемые доллары.

Вот тогда-то в Москве, видимо, и сняли запрет на «этажность» Ясенева, и на территории штаб-квартиры советской разведки появились высокие здания, хорошо видимые не только американским разведывательным спутникам, но и из автомашин, курсирующих по московской кольцевой автомобильной дороге.

У Льва Михайловича Плахова была автомашина «Жигули». Скоростной, подвижный, юркий «жигуленок» неяркого серого цвета хорош и в Москве, и для загородных поездок.

Вернувшись из Одессы в Москву в пятницу, Плахов уже в понедельник был в Ясеневе. Это сравнительно недалеко от дома, в котором он уже многие годы жил со своей семьей. Всего 40 минут езды по загруженным улицам. И поменьше, если приходится возвращаться домой поздно вечером, когда основной поток автотранспорта уже схлынул.

В Ясеневе Плахов быстро уладил служебные дела. Отчет о работе в Бангкоке он отправил в Москву из резидентуры, а сейчас только уточнял отдельные вопросы оперативной обстановки и своей непосредственной деятельности. Вопреки опасениям, что может что-то случиться в Бангкоке из-за выданной им американцам информации, все было спокойно. Американцы, похоже, выполняли свое обещание ничего не предпринимать во вред его безопасности. Ничего не произошло с оперработниками резидентуры, имена которых он назвал Вулричу и Николсу; не было видимых изменений в положении агентов советской разведки, которых он выдал американцам.

Правда, он так и не рассказал Николсу о проникновении советской разведки в службу безопасности Таиланда, хотя тот и интересовался этим. Чем он тогда руководствовался? — Плахов сейчас и сам не мог бы назвать причину. Сделал ли он это вполне осознанно, решив не посвящать ЦРУ во все оперативные дела резидентуры КГБ в Бангкоке? Или же захотел держать эти сведения как свой «резерв» на будущее? А скорее, попросту испугался за себя, поскольку американская разведка наверняка сообщила бы его информацию Сантибану. Не могла не сообщить, хотя американцы и дали обещание. Слишком опасно терпеть друга советской разведки в самом сердце таиландской контрразведки.

Покончив с делами служебными, Плахов так же быстро управился со своими личными проблемами. В отделе кадров он договорился о своем отпуске. Ему полагались целых два с половиной месяца. К радости семьи, Плахов никуда не поехал, занимался домашними делами, квартирой, покупкой вещей для нехитрого семейного хозяйства. С расходами не считался — деньги накопились за два года заграничной командировки. Да и

американцы не поскупились — подбросили в Бангкоке золотые вещички и еще кое-что. Спрос на импортные товары в то время был в Москве большой. К тому же американцы пообещали солидную сумму, которую Плахов должен был взять в тайнике. В ЦРУ знали, как приучать «Пилигрима» к общению со своей московской резидентурой.

Многое из того, что привез сотрудник Первого Главного управления из «города ангелов», ушло на подарки приятелям и коллегам. И, конечно, жена, теща, взрослеющая дочь получили немалые дары из далекого Востока. Никто ведь не интересовался происхождением подарков — они воспринимались как должное. Дипломат, только что прибывший из-за рубежа, в глазах многих соотечественников — это если и не утопающий в роскоши царь древней Лидии Крез, то во всяком случае счастливый владелец больших богатств.

Заграничные вояжи всегда воспринимались законопослушными обывателями как прибыльное дело.

Отпуск для Плахова прошел в заботах и как-то незаметно.

Но депрессия и неопределенность не отпускали. И вот уже снова серый «жигуленок» привез Плахова в Ясенево.

Первые два дня на работе выдались для него на редкость скучными. Но потом события стали происходить одно за другим. Льва Михайловича Плахова вызвали к руководству и объявили о повышении в должности. Так старший оперуполномоченный Плахов стал помощником начальника отдела — должность не руководящая, а, скорее, административная, но престижная. Тут же новый помощник начальника отдела Управления контрразведки ПГУ удостоился благодарности за работу в Бангкоке по Сантибану и информацию о наркодельцах. Оценили и то, что он установил хороший контакт с Питером Николсом и «раскусил» в нем резидента Центрального разведывательного управления. Наградам, казалось, не было конца — майору Плахову было присвоено очередное воинское звание.

После всех этих приятных и радостных для него событий к Плахову вернулась былая самоуверенность. Он сделал для себя однозначный вывод: о его предательском контакте с американской разведкой в Ясеневе не знают и не догадываются.

И вот тогда Плахов окончательно решился. Он даст московской резидентуре Центрального разведывательного управления сигнал о своем благополучии и безопасности, сигнал о том, что готов к работе. Собственно говоря, теперь им двигали не столько сомнения и раздумья, которые владели все это время. Его толкали инерция и надежда, а впереди маячило солидное вознаграждение. Труден был первый шаг. Плахов сделал его еще в

Бангкоке. Теперь — Москва. Шаги, которые он сделает, поставят его лицом к лицу с сознательным предательством.

Сигнальная метка «Вавилон»

Жилой дом на улице Вавилова для служащих иностранных представительств отделяли от американского посольства тридцать-сорок минут езды на автомобиле. Все зависит от транспортного потока, от умения и ловкости водителя, от везенья, наконец. Арнольд Бронсон, жилец дома на улице Вавилова, отличный автомобилист. Но в эти августовские дни 1986 года он не гнался за рекордами и почему-то не спешил перестраиваться в скоростной левый ряд, когда ехал на работу в посольство. Он что-то внимательно высматривал на правой стороне улицы Вавилова, но, выезжая на Ленинский проспект, Арнольд Бронсон дал выход своему водительскому мастерству. И тогда он наверстывает упущенное время, стараясь не опоздать к началу рабочего дня. Зато на обратном пути от посольства он уже ни на что не отвлекался. Дорога к дому всегда должна быть короче и быстрее.

И все же: что так внимательно искал разведчик «глубокого прикрытия» московской резидентуры ЦРУ, когда двигался черепашьим шагом в тихоходном правом ряду улицы Вавилова? Черепашьим шагом — это, конечно, преувеличение, но если уж быть наблюдательным, нетрудно заметить, что Арнольд Бронсон явно не торопился, когда ехал в правом ряду улицы Вавилова.

Ларчик раскрывался просто: Арнольд Бронсон терпеливо ожидал, когда же на почтовом ящике одного из домов улицы Вавилова, мимо которого он проезжал, появится сигнальная метка «Пилигрима». Условный сигнал, которым агент должен был сообщить Центральному разведывательному управлению о своем благополучии и готовности к дальнейшей связи.

В операциях Центрального разведывательного управления по связи с агентами в Советском Союзе постановка сигналов всегда занимала важное место. И тогда, когда агенту требовалось проинформировать резидентуру о чем-то существенном, и если разведке нужно было дать агенту какие-то указания. Сигналами могли служить графические метки мелом, губной помадой или краской, свет, зажигаемый в окнах посольства в определенное время, открытая форточка в квартире агента, постановка автомашины в известном месте, условный телефонный звонок и т. д. И смысловое значение сигнала могло быть разным: вызов агента на личную встречу, получение источником письма из разведцентра, выезд за границу и многое другое.

Разведчики ЦРУ, досконально изучившие особенности городского пейзажа Москвы, нашли немало мест, где можно

ставить сигнальные метки: фасады зданий, арки в домах, афишные тумбы, фонарные столбы, телефонные будки. Свою метку для ЦРУ «Пилигрим» должен был поставить на почтовом ящике на улице Вавилова, и она должна была быть сигналом, что у агента все в порядке и он готов приступить к работе. Обычно в Лэнгли агенту, которого завербовали за границей, давали пять-шесть месяцев для восстановления связи — срок, достаточный для того, чтобы оценить свое положение, выяснить, не находится ли он в поле зрения контрразведки, устроиться с работой, привести в порядок другие дела. В случае со своим новым ценным источником в ЦРУ не захотели ждать так долго и сократили срок почти вдвое.

В разведке были одержимы любовью к криптонимам. Место для постановки «Пилигримом» сигнала на улице Вавилова в Центральном разведывательном управлении назвали звучным именем «Вавилон» — улица Вавилова.

Место было выбрано не случайно — здесь проходил маршрут движения Бронсона на автомашине из дома в посольство, и почтовый ящик, на котором «Пилигрим» должен был губной помадой нарисовать красную черту, был хорошо виден с проезжей части дороги, если ехать в направлении диппредставительства. Губная помада, пожалуй, самое надежное средство для сигналов такого рода. Яркая красная метка хорошо видна издалека. Ее очень долго не смоет дождем или снегом, которых может не выдержать знак, поставленный мелом. Конечно, если помада отличного качества. Ничего не поделаешь — придется раскошелиться на эту необходимую принадлежность дамского туалета. Или потихоньку «одолжить» у жены, она может не заметить пропажи. Во всяком случае, не будет искать ее в вещах мужа. У Плаховых было заведено: муж и жена не рылись в личных вещах друг друга. Лев Михайлович мог не волноваться: тюбик губной помады надежно хранился в его бумажнике и не мог поэтому вызвать ревнивых расспросов.

Счастливый для американской разведки день наступил в самом конце августа. На почтовом ящике на улице Вавилова появилась жирная красная черта.

В этот же день в Лэнгли ушла срочная телеграмма московской резидентуры. «Волк» Вулрич был доволен: в Ясеневе появился долгожданный «крот», способный прорыть потайные ходы в самом сердце разведки главного противника. Был доволен и Эрик Хонтауэр. Для московской резидентуры открывалось многообещающее поле деятельности.

Глава седьмая

Финал приближается
Рандеву в туалетной комнате

Кабинет советника по региональным вопросам Эрика Хонтауэра находился в «зоне безопасности» американского посольства. Там был усиленный режим охраны, и не каждый американец мог попасть туда. Эрик Хонтауэр предпочитал работать в своем кабинете, чем появляться в душных помещениях резидентуры на седьмом этаже. Хотя они гораздо лучше приспособлены для нужд московской резидентуры, чем комнаты «зоны безопасности».

Посольская резидентура не может похвалиться обилием комнат и их простором. Но она отлично защищена от чужих. В нее ведет отдельная лестница, имеется свой собственный лифт, у которого постоянно дежурит вооруженный охранник — морской пехотинец. Он бдительно стоит на страже и не пропустит чужаков.

В сейфах резидентуры хранилось все самое ценное и нужное для работы: досье на агентов, подробные схемы мест проведения операций, фотографии города Москвы, выполненные с разведывательных спутников. Здесь же находились и другие справочные материалы, а также документы, полученные из Лэнгли и подготовленные к отправке в штаб-квартиру. Доступ ко всем этим материалам имел только резидент или его заместитель, и только они разрешали другим разведчикам резидентуры знакомиться с тем, что им необходимо в работе.

В этом хранилище собраны и все материалы по делу «Пилигрима», которым в эти августовские дни занимались Эрик Хонтауэр и Арнольд Бронсон. Вчера резидент отправил в Советский отдел Оперативного Директората телеграмму о том, что долгожданный сигнал «Пилигрима» получен. Сегодня утром уже поступило согласие Лэнгли заложить тайник для агента. В московской резидентуре к этому были готовы. И вот теперь Эрик Хонтауэр ждал по внутреннему коммутатору посольства условного телефонного звонка от Арнольда Бронсона. На столе накрытый газетой лежал камень — булыжник сероватого цвета. Его уже давно изготовили специалисты Лэнгли, «начинили» и доставили в московскую резидентуру для передачи по назначению. Булыжник как булыжник. Непосвященному не отличить его от натурального. И пахучих веществ, вроде эпоксидной смолы, для таких тайниковых контейнеров в Лэнгли

уже давно не применяют — опасаются, что тайник обнаружат специально натренированные собаки. И герметичность контейнера надежно обеспечена — ведь в «булыжнике» находятся ценные вещи и непогода не должна подействовать на их сохранность.

Ну, кто посторонний может соблазниться и взять грязный булыжник! Все учтено и продумано, когда в московской резидентуре и в Лэнгли составляли план операции.

Тайниковый контейнер для «Пилигрима» ждал своего часа, и вот наконец этот час наступил. Наступил он и для молодого разведчика московской резидентуры.

Телефонный звонок вывел Хонтауэра из задумчивости.

— Это вы, Арнольд? Нет, ко мне вам заходить не следует. Сделаем так: через 10 минут зайдите в мужской туалет на пятом этаже. Там я передам вам сумку. Ну, вот и хорошо.

Эрик Хонтауэр опустил трубку, положил «булыжник» в сумку и спустя несколько минут вышел из кабинета.

Резидент ЦРУ ждал этого звонка. Скрупулезная конспирация и аккуратность — качества, которыми он мог гордиться и которым обучал подчиненных. Арнольд Бронсон — один из тех, кому они очень нужны. Обстановка в Москве тревожная для Центрального разведывательного управления. И в самом посольстве на улице Чайковского она не такая безопасная, как кажется некоторым. Да, это территория Соединенных Штатов, да, здесь строгие порядки, установленные администрацией представительства, и они соблюдаются американским персоналом.

Но вот проблема: в посольстве работают не одни американцы, здесь много советских служащих. Переводчики, административные сотрудники, телефонисты, водители, повара, работники столовой, сантехники, дворники. Разве можно быть уверенным в том, что среди них нет информаторов КГБ? Хонтауэр не столь наивен, как кое-кто из дипломатов посольства. Он знает, что как бы ни были зависимы русские служащие от посольства, которое платит им щедрую заработную плату, они еще больше зависят от своей страны, от органов КГБ, которые в любой момент могут убрать их от американцев, если они не будут им послушны. Этим русским никогда нельзя доверять, они слишком верят в свои идеалы. Вот потому-то, считал резидент ЦРУ, их следует остерегаться. Несмотря на установленные в посольстве «зоны безопасности», запретные для пребывания там русских и вообще иностранцев. И даже многих американцев, не имеющих специальные пропуска. Несмотря на разбросанные по зданию представительства посты морских пехотинцев, бдительно

наблюдающих за обстановкой.

Тем более, что речь идет о контакте с разведчиком «глубокого прикрытия», которого необходимо беречь как зеницу ока и о котором не должны знать не только русские, но и американцы, работающие в посольстве. Даже многие из сотрудников московской резидентуры.

Потому-то Эрик Хонтауэр и выбрал такой необычный способ контакта, когда дело касалось разведчиков «глубокого прикрытия». В этом помещении их не увидят вместе. А если они и попадутся на глаза кому-то, то только американцам, имеющим доступ в «зону безопасности» на пятом этаже, где находится туалетная комната. Но даже и им не придет в голову, что Эрика Хонтауэра и Арнольда Бронсона связывают какие-то особые отношения. Просто люди на какой-то момент оказались вместе в таком помещении, куда не возбраняется ходить никому.

В назначенное время Эрик Хонтауэр и Арнольд Бронсон встретились в мужском туалете. Стоя рядом у двух соседних раковин, они мыли руки и ожидали, когда останутся одни. И тогда Хонтауэр пододвинул поближе к Бронсону сумку.

— Удачи вам, Арнольд, — прошептал Хонтауэр своему подчиненному, — не рискуйте. Еще раз посмотрите маршрут и план проверки. Если будет наблюдение, вы обязательно его заметите в радиоэфире.

— Благодарю Вас, сэр, — голос Бронсона был едва слышен, но полон уверенности, — не беспокойтесь, все будет в порядке. План проверки я помню наизусть.

— И позвоните мне на квартиру, когда удачно закончите всю операцию. Звоните из телефона-автомата. Напоминаю: выждите, когда прозвучат три зуммера, и вешайте трубку.

Арнольд Бронсон. 6 часов вечера

В конце рабочего дня Арнольд Бронсон в толпе сотрудников, покидающих здание на улице Чайковского, вышел из посольства с сумкой, полученной от резидента. Он был уверен в себе, в своем умении выявить слежку, если она появится, а больше всего верил в чудодейственную силу электроники, поставленной на службу разведки. В автомашине он достал из внутреннего кармана пиджака небольшой электронный прибор, подсоединил его к автомобильной антенне, настроил на волну наружного наблюдения контрразведки. Уже отъехав от здания посольства, осторожно вставил в ухо почти незаметный маленький наушник. В эфире — молчание.

Бронсон начал вращать рукоятку настройки — по-прежнему тихо. Потом стали доноситься звуки голосов, но они явно не имели отношения к нему, Арнольду Бронсону. И снова все

стихло.

Американец удовлетворенно откинулся на спинку сиденья, прибавил скорость. Автомашина вырвалась из центра города. Умный прибор молчал. Разведчик знал: предстояла долгая двухчасовая езда. Он выучил маршрут и аккуратно следовал плану.

Арнольд Бронсон уже давно миновал пределы Садового кольца и теперь ехал, меняя скорость, по улицам и переулкам окраин. В сумерках и тишине наступившего вечера он оказался на небольшой пустынной улочке. Редкие прохожие торопились домой. Автомашин почти не видно. Молчал и электронный прибор-исследователь радиоэфира.

В американском отделе контрразведки. 8 часов вечера

Не редкость, что в помещениях здания, где размещается Второе Главное управление контрразведки КГБ СССР, поздно вечером горит свет. Вот и в этот день на исходе августа окна кабинетов американского отдела были ярко освещены. Здесь происходили события, имеющие прямое отношение к вояжу по вечерней Москве разведчика «глубокого прикрытия» московской резидентуры ЦРУ Арнольда Бронсона.

Подполковник Алексей Владимирович Климов, занимающийся делами московской резидентуры ЦРУ, почти не отходил от телефона. Он принимал у себя в кабинете сообщения службы наружного наблюдения, изредка бросая в трубку короткие фразы: «не рискуйте», «продолжайте действовать с величайшей осторожностью», «усиленно проверяется? — этого следует ожидать, держитесь от объекта как можно дальше». Наконец, Климов повесил трубку и поспешно направился в кабинет к своему шефу.

— Такое впечатление, Сергей Александрович, что «Нарцисс» идет на операцию. Он взял с собой сумку, в которой находится что-то объемное и тяжелое. Мы ведем наблюдение очень осторожно и аккуратно, несколькими автомашинами, которые постоянно меняют друг друга. Держимся от объекта на значительном расстоянии. В эфир не выходим. Все же боюсь, что долго можем не выдержать.

— Очевидно, это операция. Тем более важно не спугнуть «Нарцисса». Если будет трудно, вообще прекратите сопровождающее наблюдение. Нам ведь известны некоторые места, в которых его можно ожидать. Надеюсь, улица академика Павлова хорошо прикрыта? — Краснов не скрывал волнения.

— Конечно, там у нас специальный пост. Прикрыты и другие места, где его иногда видели.

Арнольд Бронсон. 8 часов 30 минут вечера

…На тихой окраинной улице города Арнольд Бронсон остановил машину. «Путеводитель по улицам Москвы», который лежал на переднем сиденье, — его верный помощник. Он всегда брал его в поездки по городу, и не напрасно. Изданный в Соединенных Штатах на английском языке, добротный справочник, созданный опытными американскими картографами при помощи космической фотосъемки, дает точную картину обстановки. «С ним в Москве невозможно заблудиться», — думал американец. На всякий случай, проверяя себя, он достал из заднего кармана брюк маленький листочек со своими записями. Арнольд Бронсон остался доволен: память его не подвела, он как раз в том районе, который был определен утвержденным в резидентуре маршрутом следования к тайнику «Павлин». Там он должен положить в кусты под опорой ЛЭП «булыжник», который кажется ему сейчас величайшей драгоценностью в мире.

Припарковав машину, американец еще раз оглянулся по сторонам и быстрым шагом направился к автобусной остановке. На остановке, прячась от ветра и начавшегося мелкого дождя, ждали автобуса несколько человек. Когда автобус подошел, Бронсон пропустил их всех, но сам не сел, остался на остановке один. Ему повезло: следующий автобус подошел через три-четыре минуты, и на остановку не успели подойти новые пассажиры. И все же Арнольд Бронсон нервничал. Едва автобус остановился, американский разведчик легко поднялся в него, но уже на следующей остановке вышел и быстро перебежал на другую сторону улицы — на автобусную остановку. Он ждал, прижимая к себе сумку. Кажется, все спокойно, нет причин для тревоги.

Через несколько томительных минут Арнольд Бронсон снова в автобусе, который теперь двигался в обратном направлении. Прием проверки кажется ему удачным. И все же американец внимательно приглядывается к немногочисленным пассажирам. Они уже были в автобусе, когда Бронсон вошел в него. На конечной остановке разведчик вышел. Рядом — железнодорожная станция. Здесь останавливаются пригородные поезда. На платформе Бронсон ждал недолго. Подошла очередная электричка, и стоящие на перроне люди устремились к дверям. Бронсон не торопился. В вагон он вошел уже в самый последний момент, когда автоматические двери начали закрываться. В полутемном тамбуре, оставшись один, он изменил внешность — приклеил усы, надел очки, вынул из кармана кепку и глубоко надвинул ее на голову.

Совершенно преобразившись, Арнольд Бронсон прошел через тамбур в другой вагон.

Американский отдел контрразведки. 10 часов вечера

Не каждый день в американском отделе Второго Главного управления царило такое напряжение, как в этот поздний вечер августа. Впрочем, оно было заметно лишь немногим — в отделе осталось всего лишь несколько человек, непосредственно занятых необычной прогулкой «Нарцисса».

В кабинете Алексея Владимировича Климова собрались трое — Сергей Александрович Краснов, молодой сотрудник и сам хозяин кабинета.

На одной из стен комнаты висела большая карта Москвы. Молодой сотрудник отдела, к которому Краснов и Климов обращались просто по имени Станислав, стоял у карты и давал пояснения, двигая указкой.

— Вот здесь «Нарцисс» оставил автомашину и сел в автобус. Потом быстро вышел и пересел на другой, который шел в обратную сторону. Вот конечная остановка этого автобуса, здесь он и сошел. Совсем недалеко платформа железнодорожной станции. Когда он направился к платформе, мы вынуждены были его оставить без наблюдения. Уже не было возможности. «Нарцисс» более трех часов в движении и все это время активно проверяется. Заметили только, что он пошел в сторону той платформы, где проходят поезда и электрички, следующие из Москвы.

— Правильно сделали, что прекратили сопровождающее наблюдение, одобрил Климов, внимательно слушавший доклад Станислава, — район, к которому американец, возможно, стремится, — улица академика Павлова, здесь совсем близко. Если наше предположение верно, «Нарцисс» должен сойти на станции «Кунцево» или, по крайней мере, на следующей, а отсюда уже рукой подать, пожалуй, минут 10–12 ходьбы до улицы академика Павлова.

— Давайте следовать нашей линии — рисковать не нужно, — вступил в разговор начальник отдела. — Поэтому посылать бригады наружного наблюдения для перехвата «Нарцисса» в пути следования электричкой не будем. Немедленно предупредите пост на улице академика Павлова. Только пусть не передвигаются, а просто принимают его под наблюдение и фиксируют действия.

Климов поспешил к телефону: «Внимание! Объект может появиться в вашей зоне уже через несколько минут. Максимум внимания и осторожности, никакого движения! Вы меня поняли?»

— Скорее всего, — предположил Краснов, — американцы проводят операцию по закладке тайника для своего агента. Давайте постучим по дереву. «Нарцисса» нельзя спугнуть в этот решающий момент. Он еще будет проверяться. Пусть заложит

тайник, даже если мы не увидим, как он это сделает. Потом мы попытаемся найти его, что бы это ни стало.

Арнольд Бронсон. 10 часов 30 минут вечера

Американский разведчик сидел в вагоне электрички. Было немноголюдно. Электропоезд подошел к платформе «Кунцево». Бронсон вместе с небольшой группой других пассажиров вышел на перрон и остановился — он явно чего-то ждал. Когда двери начали закрываться, Бронсон снова вскочил в вагон. Не отходя от закрывшихся дверей, наблюдал за пассажирами, которые только что вышли из вагона.

Электропоезд набирал скорость. Арнольд Бронсон стоял в тамбуре. Его было не узнать: в дополнение к накладным усикам появилась небольшая бородка, кепку заменила широкополая шляпа, на шее — цветастый шарф. Следующая остановка — «Рабочий поселок». Американец внимательно и напряженно всматривается вглубь вагона: немногочисленные пассажиры занимались своими делами. Кто — читал газету, кто — пил пиво прямо из бутылки, кто — глядел в окно в сгущающуюся тьму, кто — подремывал. В «Рабочем поселке», похоже, выходить никто не собирался. Бронсон повторил тот же маневр проверки, что и на предыдущей станции. Все спокойно, никто не выходит за ним следом. А американец вновь немного постоял на перроне и снова вскочил в вагон, как только двери начали закрываться.

Следующая станция «Сетунь», и тогда Арнольд Бронсон вышел из вагона электрички. Из его вагона никто не сошел, а из других — только две пожилые женщины и одна влюбленная молодая пара. Американец, проводив их взглядом, направился к выходу с платформы. Быстро темнело. Зажглись уличные фонари. На улицах пустынно. Те, кто сошел на станции «Сетунь», уже далеко, Бронсон их потерял из вида. Он достал листок бумаги со схемой и начал рассматривать ее. Затем быстро пошел по узким улочкам. Вот он почти у цели — улица академика Павлова, прочел разведчик на одном из домов. Неподалеку опоры ЛЭП, Бронсон устремился к одной из них…

Американский отдел контрразведки. 23 часа 30 минут

К полуночи напряжение у тех, кто оставался на вахте в Американском отделе Второго Главного управления, казалось, достигло своего пика. В данный момент центр этого напряжения находился в кабинете Алексея Владимировича Климова, где у карты города те же трое — Краснов, Климов и молодой Станислав. Он только что отошел от телефона, и лицо его светилось от радости.

— Сергей Александрович! — Станислав доложил о полученных им новостях: — Пост на улице академика Павлова

сообщает, что видит «Нарцисса»! Его с трудом удалось опознать. Он переодет в другую одежду, у него усы и борода. На нем — очки и шляпа. Но один из наблюдателей на посту узнал его по походке и по другим приметам.

Вот теперь уже все присутствующие нисколько не сомневались, что дело движется к финалу. Климов приготовил кофе — всем надо взбодриться, томительное ожидание давало себя знать. Прошло не более получаса, и новый телефонный звонок взорвал тишину ночи. Трубку взял Климов. Короткий разговор по телефону, и Алексей Владимирович, довольный, сообщил присутствующим, что пост на улице академика Павлова вновь видел «Нарцисса», который уже без сумки шел по направлению к станции «Сетунь».

— Так, — проговорил Краснов, радостно улыбаясь, — наблюдения за «Нарциссом» вести не следует. Но пусть сразу же сообщат, как только он придет к себе на квартиру. Тогда дадим команду начинать поиск.

Климов понимающе кивнул головой. В его глазах — азарт охотника.

Все с каким-то радостным предчувствием пьют дымящийся горячий кофе. Усталости уже нет — только беспокойное ожидание. Прошло еще около часа. И опять телефонный звонок: пост наблюдения на улице Вавилова сообщил, что американец приехал домой и две-три минуты назад в окнах квартиры Арнольда Бронсона погас свет. На часах половина первого ночи.

— Ну, что же, — произнес Климов, — даю команду начинать поиск. Обследуем весь этот пустырь, где был «Нарцисс». А ребята на посту на улице академика Павлова просто молодцы!

— Будем ждать результатов у меня, — заметил Краснов, приглашая всех в свой кабинет, — переведите ко мне всю связь с постом на улице академика Павлова. — Он обратился к Климову, который спустя несколько минут зашел в кабинет начальника отдела, где Сергей Александрович Краснов и Станислав вновь наливали кофе. Пили его с наслаждением, посматривая на часы. И вот, наконец, звонок, трубку взял Климов.

— Сергей Александрович, — доложил Климов, отрываясь от разговора, даже трудно поверить в такую быструю удачу. Думаю, что нашли тайниковый контейнер. Знаете, это — «булыжник», и в нем что-то есть. Ребята утверждают, что он лежит в кустах совсем недавно. Я велел везти его сюда.

— Отлично! — отставляя чашку с кофе, проговорил Краснов. — Срочно вызывайте специалиста из оперативно-технического отдела. Нам придется вскрыть «булыжник», посмотрим его начинку. Надо только быстро вернуть его на то же

место. Конечно, в первозданном виде. Рано утром «камень» должен быть там, где его оставили. Агент может прийти за ним в любой момент.

В кабинете начальника Американского отдела контрразведки случалось всякое. И в утренние часы, и днем, и тогда, когда на Москву опускалось покрывало ночи. Сейчас уже была глубокая ночь…

Глава восьмая

Разоблачение
Драгоценный «булыжник»

На Москву спустилась ночь. В кабинете руководителя Американского отдела контрразведки четверо: Сергей Александрович Краснов, Алексей Климов, Станислав и вновь прибывший сотрудник оперативно-технического подразделения контрразведки Симбирцев. Павел Борисович Симбирцев, немолодой уже человек, уникальный мастер в своем деле, с огромным опытом работы. Все они, оставив на столе чашки с недопитым и уже почти остывшим кофе, стояли у большого стола, с любопытством рассматривая серый булыжник, который лежал на куске белой ткани. В кабинете воцарилось молчание. Потом все, кроме Симбирцева, словно сговорившись, отошли вглубь комнаты, оставляя того наедине с «находкой».

Симбирцев приготовился к священнодействию. Он стоял у «булыжника», как опытный хирург у стола с больным, готовясь к сложной операции. Рядом с ним, на самом краю стола, находился его рабочий чемоданчик с набором инструментов. Он надел резиновые перчатки, такие же, какими пользуется хирург, приступая к операции, и взял «камень» в руки. Он с любопытством осмотрел его со всех сторон и, наконец, определил, что по краю «булыжника» проходит едва заметный соединительный шов. Он почти не виден, и только опытный глаз мастера нашел его под слоем напыленного серого порошка.

Симбирцев внимательно рассматривал шов и точными движениями инструмента вскрывал тайниковый контейнер. Зрители придвинулись ближе к столу, где «булыжник» под руками опытного специалиста превратился в две аккуратно раскрытые половинки. Одна из них — крышка, во второй, глубокой и гораздо большей по размеру, лежали пачки денег и записка — в прозрачных целлофановых упаковках.

Климов торопливо натянул свои собственные перчатки и взял целлофановый пакет с запиской. Протянутым Симбирцевым пинцетом он осторожно вытянул из пакета записку с печатным текстом на русском языке:

«Дорогой друг! Мы рады, что вы благополучно нашли нашу посылку. Поздравляем вас с этим! Мы посылаем вам тридцать тысяч рублей — это наш аванс за те услуги, о которых мы договорились. Ждем писем с информацией, которую вы нам обещали. Не забудьте поставить сигнал в известном вам месте. До

скорой встречи.

Ваши друзья».

Климов и Симбирцев продолжали исследовать обе половинки «булыжника». Деньги и записка — больше ничего в контейнере нет. Алексей Климов разочарован. Потом он подошел к Краснову, который за своим столом терпеливо ожидал результатов вскрытия. Симбирцев тем временем продолжал работу «булыжник» и все его содержимое были сфотографированы. Прошло несколько минут, и в умелых руках Симбирцева «булыжник» приобрел свой первоначальный вид. Шов тщательно заделан и замаскирован. Камень как камень, не отличить от того, который еще несколько часов назад спокойно лежал в кустах под опорой ЛЭП.

Специалист оперативно-технического отдела контрразведки завернул камень в белую ткань, на которой он покоился во время «операции», и они вдвоем со Станиславом вышли из кабинета начальника Американского отдела, унося с собой сумку с тайниковым контейнером Центрального разведывательного управления. Через час Станислав уже положил его на прежнее место на пустыре под опорой ЛЭП.

Краснов и Климов остались одни. Оба поглощены думами о происшедшем неординарном событии.

— Я вижу, вы несколько огорчены, — обращается Краснов к Климову, — не нахожу ничего необычного в том, что в контейнере нет демаскирующих агента материалов. Конспирация американской разведки в подобных делах — для нас вполне объяснима и привычна. Но главный результат налицо, и я Вас поздравляю с успехом. Агента мы так или иначе найдем, не так ли?

— Всегда ждешь чего-то большего, Сергей Александрович. Но вы правы, ЦРУ и московская резидентура не оригинальны — и в конспирации, и в другом. Тайниковые контейнеры подобного вида — не такая уж редкость для американцев. Вы знаете, мы уже с ними встречались. Необычность в том, что здесь по существу только деньги. Нет заданий, нет инструкций, нет указаний об организации связи. Такое впечатление, что у агента, для которого заложен тайник, все это уже есть. А деньги, очень крупная сумма, это как бы стимулятор к работе. Выявление агента по самому контейнеру невозможно. Придется проследить за человеком, который за ним придет. Это не просто сделать. Ну, а если не придет? Ведь и такое бывало…

— Ну, гадать не будем. Примем пока за основу: придет! И будем готовить встречу. Сейчас важно решить, что делать, когда за тайниковым контейнером явится агент американской разведки.

Ведь «Нарцисса» мы не спугнули. Но вы, похоже, склоняетесь к тому, чтобы его сразу не задерживать, не так ли?

— Наверное, так. Конечно, хотелось бы избежать долгой разработки. Могут быть и случайности. Бывало же так, что «булыжники» подбирали люди, совершенно не причастные к разведке. Вы ведь помните такие случаи?

— Давайте еще порассуждаем и дополним наш анализ. Есть все же несколько существенных моментов. Этого агента в ЦРУ очень ценят. Об этом говорит хотя бы та сумма денег, которую ему передают. Изъятие тайника может произойти в любой день, и агент об этом должен поставить сигнал. А это значит, что у него должны быть инструкции разведки, маршрут движения к месту закладки тайника, схема самого места. Может быть, все записи окажутся при нем, и тогда это дополнительная улика. Это — второе. В-третьих: трудно допустить, что в этот район, да еще под самую опору ЛЭП, забредет случайный прохожий, пусть самый отъявленный пьяница. Наконец, четвертое. Агент может быть знаком с методами работы контрразведки, по крайней мере, с некоторыми из них. Например, обнаружит наше наблюдение Это очень важно для разработки наших дальнейших шагов. Ведь он может уйти от наблюдения. В этих условиях мне представляется необходимым задержать человека, который придет за «камнем». Думаю, что по его действиям мы сразу увидим, что он не случайный прохожий. Эти его действия ведь тоже будут уликой и — существенной. Вероятность ошибки чрезвычайно мала. Тем более, есть шанс, что у него могут оказаться при себе какие-то компрометирующие материалы. Согласны?

Речь начальника Американского отдела получилась непривычно длинной. Сергей Александрович решил, что детальный анализ не помешает. Да и случай был неординарный. Ведь не каждый день на стол в его кабинете ложились драгоценные находки — шпионские контейнеры Центрального разведывательного управления. Впрочем, там, где требовался анализ, Краснов никогда не жалел времени.

Климов, подумав, согласился. Приведенные доводы показались ему разумными и убедительными.

— Наверное, вы правы, Сергей Александрович. Действительно, если не задержим сразу, можем его просто потерять. Особенно если он достаточно опытен в таких делах и будет усиленно проверяться. Пожалуй, даже может скрыться. Конечно, у нас при всех обстоятельствах будет его фотография и какие-то другие данные о его личности. Но поиск может сильно затянуться или вообще закончиться ничем. Он может изменить внешность. И потом, вдруг он житель другого города. И еще: он

может уничтожить все уликовые материалы. Нет, вы правы. Важно будет судить по его действиям в районе тайника. По сути, ведь это будет захват с поличным.

— И еще одно немаловажное обстоятельство, которое прошу вас, Алексей Владимирович, иметь в виду при подготовке плана задержания вероятного агента ЦРУ. Я уверен, вы не забыли наш печальный опыт с захватом одного американского шпиона. Наши товарищи тогда явно не доглядели и позволили ему достать и проглотить таблетку с ядом, которой его снабдили в ЦРУ. Вы помните, что ампулу со смертельным ядом агент может спрятать где угодно — в дужке очков, в авторучке, в уголке воротника рубашки. Все это необходимо учесть. Пусть уж не обижается тот, кого задержим с поличным. Скорее всего, захват с «булыжником» не покажется пойманному шпиону «цивилизованной акцией».

— Конечно же, — продолжал Краснов после непродолжительной паузы, прохаживаясь по кабинету, — адвокаты поднимут крик насчет нарушения «прав человека» и невежливого обращения с личностью. Почти наверняка дадим возможность некоторым ретивым журналистам устроить истерику по поводу «безжалостных действий» КГБ. Ничего не поделаешь, придется вытерпеть. Наша задача — не допустить, чтобы преступник ушел от суда.

— Понимаю, Сергей Александрович, — сказал Климов, кивая головой, будем обязательно считаться с такой возможностью.

Музыка для полуночников

В последние дни августа Плахов вновь занервничал. В воскресенье ночью он ждал радиограмму ЦРУ из Франкфурта-на-Майне. Так было определено планом связи. В этом крупном западногерманском городе находился радиоцентр американской разведки. Оснащенный мощной аппаратурой, он вел передачи для агентов ЦРУ почти на всю европейскую территорию Советского Союза.

Радиопередачи по линии связи, выделенной для «Пилигрима», начались еще в январе 1985 года, задолго до возвращения агента из Таиланда. Но до самого конца августа в эфир шли «холостые» прогоны, хотя и содержавшие все атрибуты «рабочих». Надо было направить контрразведку по ложному следу, внушить ей, что агент, для которого предназначены телеграммы, уже давно находится в СССР. Даже если и прибыл из-за границы.

«Пилигрим» знал, что в последнее августовское воскресенье ему предстояло принять радиограмму Центрального разведывательного управления, в которой будут указаны координаты заложенного для него в Москве тайника. Он и

страшился этого дня, и с нетерпением ждал его. Хотя и знал из спрятанного в футляре для очков плана связи, что «рабочая» радиопередача из Франкфурта-на-Майне будет еще несколько раз повторена по воскресеньям. В ЦРУ обладают терпением и требуют того же от агентов. Но «Пилигрим» уже не в силах ждать — в первый же сеанс связи от примет телеграмму Лэнгли. И постарается побыстрее забрать тайник.

…Радиограмма «Пилигриму» готовилась в Советском отделе Оперативного Директората почти два дня. Ее писал Питер Николс под контролем «Волка» Вулрича, переводил на русский язык доверенный переводчик отдела, зашифровывал индивидуальным шифром «Пилигрима» опытный сотрудник, подключенный к делу по распоряжению начальника отдела. Советский отдел быстро согласовал текст с московской резидентурой, и вот радиограмма начала свой путь к адресату. Вначале — во Франкфурт-на-Майне. Радиоцентр получил задание отправить ее на определенной частоте и в строго определенное время в дальнейшую дорогу на Восток. Радисты Франкфурта-на-Майне не знают того пункта, где она будет принята. И, конечно, в полном неведении о ее содержании. Да они и не любопытны по своей профессии. Они строго выдерживают все те условия, которые им предписаны. И вот телеграмма ЦРУ летит в Москву по волнам эфира.

…Поздний воскресный вечер. Вся семья собралась в просторной гостиной. Плахов в своем глубоком кресле читает книгу, жена и дочь-старшеклассница смотрят телевизионную программу. Он напряжен и следит за временем. Большие настенные часы показывали 23 часа 20 минут. Оставалось еще более получаса до начала радиосеанса ЦРУ…

— Наташа, — обращается Плахов к дочери, — уже поздно. Пора спать, завтра — понедельник, и тебе вставать рано. — Слова отца прозвучали как приказ.

Дочь недовольно проворчала что-то и ушла к себе. Муж и жена остались одни.

— Маша, — теперь необходимо отправить спать жену, — ты меня не жди. Я должен кое-что подготовить к завтрашнему дню. Я, пожалуй, поработаю на кухне.

— Ты все же долго не засиживайся, — супруге не привыкать к поздним бдениям мужа, — завтра рабочий день.

Служебные дела Плахова часто вмешиваются в семейную жизнь. Через несколько минут она, как и дочь, отправилась в спальню. Правда, и телевизионная программа, та, что была на экране в этот вечер, совсем не заслуживала того, чтобы просиживать из-за нее до глубокой ночи. К тому же в понедельник надо рано встать, чтобы проводить мужа на работу,

а дочь в школу.

Плахов перешел на кухню. Еще оставалось время, и он приготовил кофе с таким расчетом, чтобы надолго хватило этого отбивающего сон напитка. Из гостиной он принес радиоприемник «Сони» и настроил его на музыкальную ночную волну. Потом он плотно прикрыл дверь кухни и набросил крючок. В квартире уже давно нет кошки, которая научилась открывать закрытую дверь на кухню, но крючок остался, и теперь он очень пригодился Льву Михайловичу.

Ночью время словно останавливается. Тот, кто страдает бессонницей, наверняка знает, как томительны эти часы для полуночников, пока не придет спасительный сон. Плахов не ждал сна — он ждал 12 часов ночи, когда должен начаться сеанс связи с ЦРУ. Приятная ночная музыка его не развлекала — он сосредоточен в напряженном ожидании.

23 часа 40 минут. Плахов подставил стул к кухонной вентиляционной шахте, осторожно отвинтил пластмассовую решетку и достал из колодца шахты подвешенную там матерчатую сумку. Он извлек из нее небольшой прибор и пачку бумаг. Это электронная приставка к радиоприемнику и инструкция по дешифровке телеграмм ЦРУ, которые ему вручили в Бангкоке. Все это он кладет на кухонный стол и прикрывает газетой. Наглухо запаянную в полиэтилен авторучку с вмонтированной в нее ампулой — «чудодейственным лекарством», которую он получил в Бангкоке и спрятал в тайнике вместе с другим снаряжением, он осторожно укладывает назад в сумку.

23 часа 50 минут. Плахов немного успокоился, но по-прежнему весь как-то внутренне напряжен. Он деловито настроил радиоприемник на нужную волну, подключил к нему электронную приставку. Табло на приборе засветилось, сообщая о готовности к работе. Кодовые таблицы, инструкция по их использованию, чистые листы бумаги — все приготовлено и лежит под рукой.

Ровно в 24 часа радиоцентр ЦРУ во Франкфурте-на-Майне врывается в эфир. Женский голос диктует на немецком языке пятизначные группы цифр, сами цифры высвечиваются на табло умного прибора. Первая группа, которую Плахов быстро расшифровал, указывает на то, что передаваемая телеграмма предназначена именно ему.

Плахов сосредоточенно вслушивался в немецкую речь женщины, диктующей цифры, всматриваясь в светящуюся картинку на экране прибора-приставки к радиоприемнику «Сони». «Пилигрим» оказался прилежным учеником, он отлично усвоил

уроки, которые ему преподали в Бангкоке.

На экране продолжали появляться цифры. Они ложились ровными, длинными рядами, по пять цифр в каждой группе, заполняя весь экран. Потом картинка словно проваливается — уходит в электронную память прибора. Возникает и плывет по экрану новый ряд цифровых групп. Их возникновение и исчезновение длится долго, пока на экране не загорается слово «over», означающее конец радиограммы. Дама из радиоцентра ЦРУ еще дважды продиктует длинный ряд цифр, но теперь уже нет необходимости следить за ними — они надежно зафиксированы в электронной памяти прибора.

— Все-таки электроника — великое изобретение человека, настоящее чудо, — незаметно для себя вслух произнес Плахов, наблюдая, как возникали и исчезали в запоминающем устройстве цифры кодовой телеграммы из Лэнгли.

Плахов приступил к расшифровке. Он взмок за этим трудным занятием и не заметил, сколько прошло времени. Заспанный голос жены заставил его вздрогнуть:

— Левушка, уже очень поздно. Пора ложиться.

Плахов посмотрел на часы: почти два часа ночи. Он успокоил жену, отправил ее спать и начал читать телеграмму Центрального разведывательного управления:

«Пилигриму». Дорогой друг! Мы видели ваш сигнал и положили для вас посылку в месте «Павлин». Сообщаем дополнение к плану связи, который у вас имеется. Мы оставили посылку под той башней электропередачи, которая находится ближе всего к улице академика Павлова, напротив дома с табличкой названия улицы. Это камень серого цвета. Маршрут движения к «Павлину» определите сами. Лучше взять посылку в течение 2-3-х дней в вечернее время, когда там нет людей. Поставьте для нас сигнал об изъятии посылки. Координаты места для этого сигнала вам известны. Ожидаем ваших сообщений на те почтовые адреса, которые указаны в плане связи. Напоминаем наиболее важные темы, по которым ждем от вас информации: операции советской разведки и контрразведки против Соединенных Штатов и их союзников; американцы и другие лица, завербованные специальными службами Советского Союза для работы против Соединенных Штатов и их партнеров; агенты советской разведки в ЦРУ, если возможно, их имена и другие признаки их деятельности; структура и задачи советских специальных служб, особенно действующих против Соединенных Штатов, состав резидентур КГБ в США и в других странах НАТО. С нетерпением ожидаем вашу информацию, она будет для нас очень важной. Ваши заслуги будут по достоинству оценены.

Потеря такой информации явилась бы для нас тяжелым ударом.

Ваши друзья».

Телеграмма ЦРУ впечатляет Плахова. Прочитав ее, он делает записи на небольшом листке бумаги и прячет его в верхний карман рубашки. Потом достает футляр с очками, вынимает очки и извлекает план связи из потайного отделения футляра. Он выписал из него на другой листок координаты места постановки сигнала об изъятии тайника «Павлин» и нарисовал схему. Затем и второй листок бумаги отправляется вслед за первым в карман рубашки. Он застегнул кармашек на пуговичку и слегка пригладил рукой.

Водворив на прежнее место в футляре миниатюрные листочки с планом связи, Плахов аккуратно нанес на вскрытый шов подкладки потайного отделения тонкий слой клея и крепко сжал склеенное место пальцами. Футляр с очками он снова положил в карман пиджака. Все, что было на кухонном столе, электронный прибор, инструкции ЦРУ по расшифровке телеграмм, кодовые таблицы, лист с текстом расшифрованной радиограммы он собрал в матерчатую сумку и снова подвесил ее изнутри колодца вентиляционной шахты, прикрыв решеткой. Радиоприемник «Сони», уже со сдвинутой настройкой, одиноко стоял на столе.

Теперь Плахову можно поспать. Утром он вовремя поднимается с кровати к очередному рабочему дню в Ясеневе.

«Крот» выходит из норы

В понедельник, в самом конце августа, Плахов, невыспавшийся и потому раздраженный, быстро собрался на работу. Еще ночью, за расшифровкой радиограммы из Лэнгли, он твердо решил не откладывать свой визит к «Павлину» и ехать за «булыжником» в понедельник, сразу после окончания рабочего дня. Конечно, если не возникнет срочных дел на службе. Он знал район Кунцева, где находится улица академика Павлова, и по карте Москвы наметил свой маршрут. Опытному водителю это не составит труда. Дома он сказал, что немного задержится, но, пожалуй, успеет к ужину. Ну, что же, в семье к его частым задержкам уже давно привыкли и нисколько не удивлялись.

Плахов проверил, на месте ли в кармане рубашки заготовленные ночью листочки с записями, и спустился к автомашине. Серый «жигуленок» ждал своего хозяина. Он завел двигатель и медленно выехал со двора дома на улицу.

В Ясеневе Плахов не задерживается. В начале седьмого он у своей машины. По Московской кольцевой дороге, минуя загруженные в эти часы транспортом городские кварталы, подполковник службы контразведки Первого Главного

управления КГБ за двадцать минут добрался до пересечения МКАД с Можайским шоссе. Несколько знакомых поворотов, и Плахов у станции метро «Кунцевская». Здесь он оставил автомашину и дальше отправился пешком. По пути он внимательно осматривался, иногда останавливался и оглядывался. Не заметив ничего подозрительного, продолжил путь к «Павлину». Быстро сгущались сумерки. На улицах все меньше автомашин и прохожих.

Пост наблюдения контрразведки на улице академика Павлова бы, л как всегда, на вахте. В небольшом помещении находились два человека, они вели контроль при помощи специальных приборов с мониторами, на экране одного из них — башня ЛЭП. Та самая, под которой в кустарнике спрятан тайниковый контейнер — «булыжник».

Картинка монитора показывает безлюдное место. Только птицы спокойно и безмятежно сидели на арматуре опоры, никто и ничто их не тревожило. Один из наблюдателей перешел к другому монитору. На его экране появлялись и исчезали редкие прохожие. В кадре появился Плахов. Он медленно шел по улице, оглядываясь по сторонам.

Плахов исчез с экрана одного монитора и очень скоро появился на другом. Оба наблюдателя, как по команде, «прилипли» к экрану, напряженно всматриваясь в картинку. Теперь Плахов уже почти в самом центре экрана. Он стоял в глубине опоры и оглядывался. Птицы, вспугнутые его появлением, уже улетели, но вокруг по-прежнему больше никого не было. Плахов нагнулся к «камню», подобрал его и быстро сунул в сумку, которую достал из кармана. Ломая кусты и убыстряя шаг, направился к тротуару.

На улице академика Павлова внезапно появился небольшой автобус. Когда он поравнялся с Плаховым, из него выскочили два молодых человека и мгновенно затолкали оторопевшего и еще ничего не понимающего Плахова в открытую дверь микроавтобуса. Дверь быстро закрылась.

В микроавтобусе находились Алексей Климов и Станислав. Климов внимательно разглядывал отобранную у Плахова сумку, вынул из нее «булыжник».

— Зачем вам этот камень? — спросил Климов.

Плахов в первые минуты молчал и только каким-то отупевшим взглядом, в полной растерянности смотрел на сотрудника контрразведки. Он лихорадочно подбирал в уме какое-нибудь правдоподобное объяснение своим действиям и говорил. Между тем Станислав передал Климову два измятых листка бумаги, извлеченные из верхнего кармана рубашки

задержанного. Тот их внимательно изучал несколько секунд, после чего они обменялись короткими репликами, не слышными задержанному. Затем два листка снова забирает Станислав.

На одном из листков, меньшем по размеру, видны какой-то адрес и несколько слов, понятных только тому, кто их написал. «Проспект Мира, дом № 30. Арка во двор дома. Левая сторона. 10 см. Высота 1,5 метра» — читает контрразведчик текст записки. «Пока непонятно», — думал сотрудник Американского отдела контрразведки, аккуратно укладывая измятый листок в атташе-кейс. Там уже лежат другие предметы, изъятые у Плахова. Они подождут своей очереди и будут тщательно исследованы. Ничто не должно избежать внимания, когда имеешь дело с захваченным шпионом!

Оперативный работник контрразведки пока не знал, что на этом маленьком клочке бумаги таким незамысловатым способом обозначено место сигнала для ЦРУ о благополучно подобранном «булыжнике». «После того как вы подберете нашу посылку, — говорилось в послании ЦРУ, — оставьте для нас сигнал на левой стороне арки дома № 30 на проспекте Мира. Для сигнала используйте губную помаду или мел. Проведите черту длиной не менее 10 см на высоте 1,5 метра. Ваш сигнал должен быть хорошо виден с проезжей части дороги». Станислав догадывался, что к сигналу для московской резидентуры ЦРУ имеет прямое отношение тюбик губной помады, который обнаружен в портмоне Плахова и который сотрудник контрразведки сейчас удивленно разглядывал.

— Купил в подарок жене, — угрюмо пояснил Плахов, — да вот не успел еще отдать. — Голос его дрожит.

Станислав никак не реагировал на слова задержанного и только отметил про себя, что «подарком для жены» уже пользовались — кончик ярко-красного карандаша изрядно стерт. Точно такую же ярко-красную метку, которую ему предстояло начертить в арке дома на проспекте Мира, Плахов поставил однажды на почтовом ящике на улице Вавилова.

Внимание контрразведчика привлек второй листок бумаги, обнаруженный в кармане рубашки Плахова. Он больше первого и сложен пополам. Станислав осторожно развернул смятую бумагу. «Что-то очень знакомое», — подумал молодой работник Американского отдела, вглядываясь в схему и рисунок, который изображен справа от нее. Он увидел на схеме название улицы «академика Павлова» — и понял, что это схема района, где только что задержан Плахов с «булыжником»!

— Это ваше? — спросил Климов.

Плахов подтвердил кивком головы. Было бы глупо отрицать

вероятное. Любая экспертиза легко установит, что записки написаны его рукой.

— Это сугубо личное, — пробормотал он, — здесь у меня назначено свидание. — Плахов выпалил первое, что пришло в голову — ему очень не хотелось проигрывать…

Климов и Станислав молчали. На лице Климова появилась легкая улыбка.

— Только, пожалуйста, не говорите жене, — жалобно произнес Плахов, по-своему истолковав реакцию контрразведчиков, — вы понимаете это, вы же мужчины.

Но Климов усмехнулся не этому призыву к мужской солидарности. Он вспомнил недавние ночные бдения в отделе и «Нарцисса», прятавшего под опорой ЛЭП на улице академика Павлова «булыжник», с которым задержали Плахова.

Задержанный был уже тщательно обыскан контрразведчиками и переоделся в спортивный костюм, который дали ему вместо собственной одежды. Ампулы с ядом не обнаружили. Впрочем, если бы смертельный яд и был в этот момент у Плахова, он вряд ли сумел бы его применить. Да и признаков желания расстаться с жизнью не было заметно.

А Климов тем временем был занят футляром для очков задержанного, который ему передал Станислав, разбирая вещи Плахова. Он внимательно рассматривал и ощупывал футляр. Тот самый, где искусно запрятана инструкция Центрального разведывательного управления для «Пилигрима», миниатюрные листки с «планом связи», «энциклопедия» разведки для шпиона. Если она попадет к контрразведчикам, это сразу же расставит все по своим местам, поставит все точки над «і» в судьбе того, кто подобрал «булыжник».

При мысли о том, что рано или поздно это неминуемо случится, Плахов похолодел и весь как-то сжался, словно ожидая удара. Он впал в отчаяние и исподлобья смотрел на манипуляции контрразведчика с его футляром для очков. В его сознании мир сузился до размеров маленького собственного «я», и это «я» стонало и требовало защиты.

Плахову казалось, что у него уже не осталось жизненных сил. Он чувствовал, как его тело, капелька за капелькой, покидала сама жизнь, пока оно не повисло пустой оболочкой. Как мяч, из которого выпустили весь воздух. Теперь уже почти не было надежды на чудо. Только — жалость к себе. И — осознание давно начавшегося разрушения личности.

И все же он защищался. Защищался отчаянно, из последних оставшихся сил, все глубже увязая в нелепых и ненужных объяснениях, которые тяжелым грузом тянули его на дно.

Теперь, когда его задержали с явной уликой — контейнером из тайника, подобранным под опорой ЛЭП, Плахов и сам уже не смог бы объяснить, зачем он придумал нелепую историю о том, что «булыжник» ему понадобился, чтобы подложить под колесо автомашины. Он совершенно забыл, что в багажнике его серых «Жигулей» лежали металлические «башмаки» для такого случая. К тому же машина была абсолютно целой, и камень вовсе не требовался для какого-то ремонта. Как объяснять эту нелепицу, когда автомашину найдут, а ведь найдут обязательно?

Он ругал себя и за второпях сочиненную легенду о том, как он оказался у ЛЭП. В самом деле, ну кто поверит выдумке о свидании, назначенном на этом пустыре? Кто всерьез может принять объяснение о встрече здесь с девушкой-продавщицей из этого района? Ведь нетрудно проверить, есть ли вообще такая девушка…

Прошли считанные минуты, но они показались Льву Плахову вечностью. Он назвал задержавшим свое имя, но по-прежнему не сообщал, где он работает.

Станислав извлек из объемистого кожаного бумажника удостоверение и показал его Климову. На удостоверении только фотография Плахова и какой-то шифр. Но Климов хорошо знал, что такие удостоверения выдают тем, кто служит в Ясеневе. Увидев свое удостоверение личности в руках у Климова, Плахов больше не скрывал места работы и сообщил, что он сотрудник управления внешней контрразведки Первого Главного управления, подполковник.

После этого Плахов заявил, что он уже все объяснил и больше ничего не скажет. Затем стал изображать негодование по поводу незаконного задержания.

Удостоверение сотрудника ПГУ и слова Плахова заставили Климова внутренне содрогнуться. Он, которому довелось испытать в жизни немало неожиданных поворотов, был неприятно поражен и в первый момент почти не скрывал этого. Однако к нему быстро вернулись спокойствие и самообладание. Секундного раздумья было вполне достаточно для того, чтобы оценить остроту ситуации, тот урон, который нанесен проникновением «крота» ЦРУ в Комитет государственной безопасности.

— Не спускайте с него глаз, — приказал Климов контрразведчикам и, обращаясь к водителю, добавил: — Поехали в Лефортово.

Автобус тронулся с места и быстро набрал скорость.

«Странная все-таки штука — логика и диалектика борьбы, — размышлял Алексей Климов, изредка поглядывая на

задержанного, — вкладываешь в нее все силы, всю энергию, всю ненависть души. Но поверженный противник вызывает лишь презрение и отвращение. И отношение к нему — не слепая ненависть, не чувство мести».

Всю неблизкую дорогу до Лефортово Плахов подавленно молчал, словно набираясь сил для новой схватки с теми, кто будет заниматься трудным расследованием его страшного и горького преступления. Пока окончательно не потерпит поражения и не признает себя побежденным.

«Это — конец, — думал Плахов, — это возмездие за мои прегрешения». Из глубины памяти выплыли строки из песни Владимира Высоцкого, которые сопровождали его отъезд из Бангкока. Те, что запомнились ему роковой обреченностью и показались уже тогда пророческими: «Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони» — пел тогда своим узнаваемым хрипловатым голосом Высоцкий. «Вот и случилось — смело ураганом!»

Он представил наполненные слезами и ужасом огромные глаза жены и дочери. Поверят ли они, безмерно любящие его люди, тому, что услышат очень скоро. Он-то знает, как обстоит дело, но будет сопротивляться неумолимой судьбе. Сколько времени он сможет продержаться?

И снова оцепенение. И тошнотворный страх. И ожидание неизбежного конца.

Глава девятая

Выговор от директора Лэнгли
Печальный некролог

В кабинете начальника Советского отдела Оперативного Директората ЦРУ в Лэнгли двое мужчин — хозяин кабинета Джеймс Вулрич и Питер Николс, его заместитель. После крайне неприятной информации Джона Каллохена из ФБР и столь же невеселого разговора с шефом ЦРУ Лэнгли Вулрич пригласил Николса срочно зайти к себе.

«Везунчик» уже несколько минут стоял почти у самых дверей кабинета своего начальника. В руках он держал рюмку с коньяком, предложенную любезным хозяином. Веселая улыбка на его лице постепенно уступала место напряженному ожиданию. При взгляде на сумрачный вид шефа оно стало переходить в неприятное предчувствие. А Джеймс Вулрич молчал, медленно вышагивая по кабинету. Руководитель Советского отдела долго не решался нарушить тягостную тишину, собираясь с мыслями…

Начало этой тревожной и драматической сцены в кабинете Джеймса Вулрича на пятом этаже здания штаб-квартиры ЦРУ, которое впрямую затрагивает любимое детище Питера Николса — «Пилигрима», читателю уже знакомо.

Наконец, встревоженный необычной обстановкой и долгим молчанием своего шефа, крестный отец «Пилигрима», бывший резидент ЦРУ в Бангкоке сам начал разговор.

— Что-нибудь случилось, сэр? Может быть, послать телеграмму в московскую резидентуру и напомнить им о «Пилигриме»?

— В этом нет необходимости, Питер. Русские только что арестовали «Пилигрима». Я пока не знаю деталей, но сам факт ареста не вызывает сомнений.

Николс уронил рюмку на пол, она разбилась, осколки стекла разлетелись по кабинету.

Джеймс Вулрич взял себя в руки. Он уже не одинок в постигшей беде. В присутствии своего заместителя он ощущал чувство ответственности. Нельзя допускать, чтобы другие, пусть они и принадлежат к ближайшему окружению, видели его минутную слабость.

— Я только что звонил директору. Он советует всем нам сохранять самообладание и работоспособность. Директор не меньше нас с вами переживает потерю этого ценного агента. В конце концов, у каждого агента свой срок. Работа в разведке

всегда связана с риском. Мы должны избегать того, чтобы риск был ненужным. К сожалению, мы не всегда можем избежать неудачи. Считайте, что нам не повезло. Впрочем, Питер, у вас есть чем заняться, чтобы компенсировать эту потерю. Не так ли?

Джеймс Вулрич умышленно утаил от своего заместителя кое-что из того, что своим шепелявым голосом наговорил ему директор ЦРУ, взбешенный провалом «Пилигрима». Зачем лишний раз расстраивать и без того огорошенного неудачей человека?

Не рассказал Вулрич и о недовольстве шефа тем, что «Пилигрим» попал к русским целым и невредимым. Ведь у агента была возможность уйти из жизни, как это сделал, например, не так давно наш человек из русского министерства иностранных дел! Зачем же начальник Советского отдела так настаивал на снабжении «Пилигрима» ампулой с ядом! Агент не сумел или не успел им воспользоваться? — «Плохо работаете. Нельзя было допускать, чтобы его захватили живым! И вообще, почему русские раскрыли «Пилигрима»? Да еще так быстро?»

Вулрич нисколько не поразился тому, что сказал старина Билл об ампуле с ядом. Секреты разведки должны тщательно оберегаться. Собственно говоря, он и сам думал, почему же все так случилось. Ведь «Пилигрим», как сообщал резидент ЦРУ в Бангкоке, панически боялся быть раскрытым контрразведкой и охотно принял предложение американцев снабдить его «чудодейственным лекарством». Почему же он отказался пустить его в ход?

Нет, Джеймс Вулрич не жаждал смерти агента. Он бы очень удивился, если бы кто-то назвал его кровожадным. Просто таковы были правила игры, и он должен был им подчиняться.

Джеймс Вулрич всегда считал себя добрым христианином. Как и его боевой заместитель. Как подавляющее большинство офицеров и служащих Центрального разведывательного управления. Как наверняка и сам директор Лэнгли, которого, правда, уже после смерти церковь попытается причислить к богохульникам, хотя и не откажет ему в достойном погребении. К христианской религии в ЦРУ относятся, как и полагается, с должным почтением. В мраморном вестибюле здания разведки в Лэнгли всех входящих и выходящих встречают слова из Нагорной проповеди Христа, призывающие познавать истину, которая должна сделать всех людей свободными. ЦРУ, как ведомство благородной и справедливой страны, направляется божественным провидением. Библейские заповеди окружены благоговейным вниманием. Новозаветные постулаты призывают к кротости, к простоте, к смирению, к борьбе со злом, исходящим от врагов

церкви. «Не убий» — из числа таких постулатов. Лишать одного человека жизни по прихоти другого противоречит христианской морали, осуждается в обществе, предается проклятию в церквях.

Но, конечно, понятно, что американские разведчики — не врачи и не связаны клятвой Гиппократа. Так думает начальник Советского отдела. Поэтому на некоторые христианские заповеди можно не обращать внимания. С практикой убийств в ЦРУ покончено раз и навсегда. Вот и теперь, еще в начале восьмидесятых, президент Рональд Рейган запретил разведке своим указом умерщвлять людей. «Ни один человек, находящийся на службе у правительства Соединенных Штатов, не должен принимать участия в убийствах или вступать в заговор с целью убийства». Вот так и не иначе.

Но недаром говорится: если запрещено, но очень хочется, то — можно. Придумано много способов обходить самые строгие и категорические запреты. И вот директивой Рейгана вводится особый «регламент» — разрешается убивать людей, если они сами проявят желание уйти из жизни.

Так Центральное разведывательное управление получило «легитимное» право лишать жизни тех, кого оно приговорило к «высшей мере». Безусловно, при скрупулезной секретности приводить приговор в исполнение. Вот так в ЦРУ появилась долгожданная и тщательно законспирированная практика умерщвления агентов, которым нельзя было оказаться в руках противника. Агентам вручались миниатюрные ампулы с быстродействующим ядом, в соответствующем камуфляже и с подробными инструкциями, как пользоваться этим «милосердным лекарством».

Вулрич вспомнил, как он слушал гневную отповедь директора. Можно соглашаться или не соглашаться с шефом. Можно признавать выговор справедливым или необоснованным. Джеймсу Вулричу ясно одно: раздражение начальника Лэнгли вполне понятно, перечить шефу неразумно. Но многое из того, что рассерженный Кейси бросал в трубку, Вулрич не станет пересказывать своему заместителю.

Конечно, вопросы жизни и смерти решались в Лэнгли без особого напряжения. Всем руководила извечная «целесообразность». Но нельзя не быть солидарным с руководством. Директор ЦРУ совершенно прав. Признания агента, попавшего в руки контрразведки противника, нанесут большой ущерб разведке, да и Соединенным Штатам. Молодец президент, что дал ЦРУ лицензию на убийство, разведчики сумеют ею воспользоваться с выгодой для дела. Конечно, могут быть и неудачи. Никто от них не застрахован! Да дело, строго

рассуждая, не в Рейгане. Кто бы ни пришел к власти в Вашингтоне, стратегия национальной безопасности останется прежней. Если и отзовут нынешнюю директиву, примут другую — допускающую удобные толкования.

Ну, а директор Кейси отходчив. Его гнев долго не продержится. Оправдываться и перечить ему начальник Советского отдела не будет. Что положено Юпитеру, не положено быку.

…Опустив голову, Питер Николс покинул кабинет своего шефа. В дверь осторожно заглянула Кристина, секретарша Вулрича. Она увидела беспорядок в комнате и неодобрительно покачала головой.

— Пожалуйста, приберите все это. Произошел несчастный случай. Ничего, все образуется и придет в порядок. У меня, Кристина, отчаянно разболелась голова. Я еще немного побуду здесь, а потом все же отправлюсь домой.

— Конечно, сэр, — говорит верная секретарша, — берегите себя и выздоравливайте поскорее. — Она ни о чем не спрашивает.

Кристина быстро справилась с уборкой в кабинете. Она собрала осколки, разлетевшиеся по полу, вытерла лужицы растекшегося коньяка. Как большинство женщин, она любила чистоту и порядок. Потом она понимающе посмотрела на шефа и незаметно вышла из кабинета. Она чувствовала: случилось что-то неприятное, и ее шефу именно сейчас надо побыть одному.

«Волк» Вулрич сидел в своем просторном кабинете, чем-то напоминающем музей. Беззвучно смотрят со стен фотографии и экспонаты жертв его охотничьей страсти. В глазах у некоторых хозяину кабинета чудится укоризна, какая-то неосознанная жалость к сгубившему их охотнику.

Джеймс Вулрич остался в своем офисе совсем один, наедине со своими думами. Он никого не принимал. Сотрудники его многолюдного отдела со вчерашнего дня уверены, что его нет на работе. Других, жаждущих встречи, не допускала к нему строгая и бдительная Кристина. Она всегда поступала так, оберегая шефа. Трудно пробиться к Джеймсу Вулричу, минуя контроль Кристины Холкрофт! Телефонные звонки к начальнику Советского отдела в основном идут на коммутатор, а здесь она — полная хозяйка.

Вулрича поглотило все случившееся, он не прикасался к бумагам, заполнившим его большой рабочий стол. Начальника Советского отдела мучили раздумья. И все они так или иначе были вызваны провалом «Пилигрима» в Москве. В уме у Джеймса Вулрича роились версии, их много, он перебирал одну за другой.

Кристина изредка появлялась в дверях. Она знает своего шефа — он никогда не откажется от ее помощи и от

предлагаемого кофе. Чашка за чашкой любимого напитка, ничего более крепкого он не мог себе позволить. Не отказался он и от принесенной Кристиной таблетки «аспро», которую внимательная секретарша превратила в стакане воды в шипучий напиток, быстро снимающий головную боль. Хотя и не надолго.

Ну, а пока что ему была нужна информация. Необходимо иметь точную и полную картину того, что же произошло. Только тогда у него появятся материалы для убедительных версий, для анализа и выводов. Появятся и предложения. Но спешить он не будет.

Полчаса назад он снова пригласил к себе Питера Николса. Вдвоем они договорились о том, о чем следует в первую очередь запросить московскую резидентуру. Завтра же, если не свалят головная боль и нервная усталость, он встретится с Джоном Каллохеном. Ему нужно знать все, что стало известно Федеральному бюро расследований о «Пилигриме». Он уже условился с ним о встрече в столичном управлении ФБР на Пенсильвания-авеню. Джон вовсе не удивлен настойчивой просьбой друга — он сразу же понял, что речь идет об агенте Центрального разведывательного управления в русской разведслужбе. И интерес к этому начальника советского отдела Оперативного Директората Лэнгли вполне ясен.

Потом Николс ушел к себе. Он будет готовить телеграмму в резидентуру. Вулрич снова погрузился в размышления, прихлебывая принесенную Кристиной очередную чашку крепкого кофе.

Вопросов, на которые Джеймс Вулрич желал бы получить ответы от свидания с Джоном Каллохеном и от московского резидента ЦРУ, было много. Потом их станет гораздо больше. Когда вовсю заработает механизм запущенной машины расследования.

Однако было время собираться домой. Джеймс «Волк» Вулрич собрал разбросанные по столу документы, сложил их в сейф и закрыл тяжелую дверцу. Перевернул табличку на сейфе с надписью «открыто» на другую сторону «закрыто». Вышел из кабинета, шаркая ногами. Спустившись на лифте в вестибюль, он постоял еще немного в мемориальном зале. Его взгляд снова скользил по «звездочкам» погибших, увековеченных на стелах. И по фамилиям тех ушедших из жизни сотрудников разведки, которым уже не нужны «звездочки», скрывающие их имена. Вулрич посмотрел на длинные ряды «звездочек» и фамилий. В воспаленной голове начальника Советского отдела возникло видение. Ему почудилась большая мемориальная доска с надписью: «Агенты Центрального разведывательного

управления». В длинном скорбном ряду множество фамилий. И псевдонимов, за которыми скрывались когда-то живые люди. Самым последним значится — Плахов Лев Михайлович, 1986 год. И псевдоним, полученный в Лэнгли, — «Пилигрим».

Версии и гипотезы

От кабинета начальника советского отдела до кабинета его заместителя на том же, пятом, этаже здания Лэнгли — рукой подать. Но в этот раз расстояние в десяток метров показалось Питеру Николсу долгой и ухабистой дорогой.

Очутившись у себя, «Везунчик», впрочем, сразу же окунулся в привычную деловую обстановку — назойливые телефонные звонки, непрерывно поступающие телеграммы и письма, встречи со своими прямыми подчиненными и коллегами из других подразделений, возникающие постоянно и, казалось бы, из самых простых ситуаций оперативные проблемы — все это вернуло Николса в обычную рабочую суету. На время он даже забыл думать о «Пилигриме».

Ближе к вечеру круговорот людей и документов в Советском отделе значительно ослабел. Наверное, как и в большинстве других подразделений Лэнгли. Пульс работы отдела по «главному противнику» стал более ритмичным. Самое время и Питеру Николсу расслабиться, хотя бы немного. Может быть, и странно, но вот тогда Николс, словно освободившись от иных забот, вспомнил о «Пилигриме». К тому же надо было готовить телеграмму Эрику Хонтауэру. Московская резидентура должна включиться в процесс анализа.

Ну, а тем временем необходимо восстановить в памяти всю эпопею с разработкой и вербовкой «Пилигрима» в Бангкоке, завершившуюся для него так удачно. Перебрать в уме события и последнего времени.

«Прокола» в Бангкоке не могло быть, — решил Николс, — все было тщательно продумано и подготовлено». Бангкокские события — образец конспирации. Привлеченные к делу «Пилигрима» агенты — и Гарри, и Сэлли очень надежные люди. Они многократно проверены, и какая-то утечка информации о «Пилигриме» именно от них исключается. Они и сейчас активно участвуют в операциях бангкокской резидентуры, и новое руководство отзывается об этих агентах с большой похвалой. Да и дела, которые делаются с их участием, исключительно важны для Лэнгли. Нет, Гарри и Сэлли — вне подозрений.

Теперь — Сантибан. Возможна ли утечка оттуда? Теоретически, конечно, можно допустить эту версию. Но только — теоретически. Сантибан не был посвящен, даже на самом высоком уровне, в мероприятия резидентуры по делу

«Пилигрима». Не было никакой необходимости. Да и в резидентуре о том, что Питер Николс занимается русским вице-консулом, знали лишь три человека. Он сам, заместитель резидента и шифровальщик. Впрочем, его, пожалуй, можно исключить из списка, ему был известен лишь псевдоним объекта. Но даже и в этом случае просто невозможно возлагать на этих троих какую-то вину. Николс в своих людях был абсолютно уверен.

Вернемся к Сантибану. Может быть, у русских есть свой агент в службе безопасности? И он каким-то образом, возможно, чисто случайно, заметил встречу американцев с «Пилигримом»? Крайне маловероятно. Ведь все конспиративные контакты происходили в номерах гостиниц, и он сам, и агент приходили на эти встречи раздельно. Еще более невероятно допустить, что Сантибан установил технику подслушивания в том номере гостиницы, где происходили встречи. Во-первых, у службы безопасности Таиланда своей аппаратуры нет. Во-вторых, специалисты из Лэнгли проверяли все помещения довольно тщательно и с полной гарантией.

Может быть, был зафиксирован приезд в Бангкок Джеймса? Что делал в Таиланде начальник Советского отдела ЦРУ? Ну, и что из этого следует? Как это обстоятельство могло расшифровать нашу работу по делу «Пилигрима»? Тем более что Джеймс приезжал по линии Джусмага и не мог попасть в поле зрения местных властей?

Перехват русскими шифрованной переписки бангкокской резидентуры со штаб-квартирой? Это, конечно, серьезно, и неприятно об этом даже думать. Но поверить в эту версию — невозможно. «Пилигрим» знал бы об этом, если дело касалось бы КГБ. Сантибану же вряд ли под силу такая сложная операция. Даже если отвлечься от других факторов, которые делают такое предположение просто фантастическим.

Но не будем оставлять все эти версии без должного внимания. Надо обсудить с Джеймсом, он мудрый человек. Он поймет ход рассуждений и обязательно найдет в них какие-то грани и нюансы, которые помогут правильному анализу.

Что же еще? Ошибка московской резидентуры? Разведчик резидентуры, осуществлявший закладку тайника, привел за собой слежку КГБ? Посмотрим, что сообщит Эрик Хонтауэр, мы запрашиваем у него подробный отчет о действиях Бронсона.

«Везунчик» хорошо знал Хонтауэра и был уверен, что в планах резидентуры не должно было быть осечки. Арнольд Бронсон тоже достаточно опытный работник, хоть и молод. Он мог ошибиться и не заметить наблюдения. Правда, у резидентуры

были дополнительные средства контроля за обстановкой, и, кажется, судя по старому докладу Эрика, ничего подозрительного тогда замечено не было. Но — подождем. Как говорится, поживем — увидим.

Остается самое страшное — русский «крот» в Лэнгли. Он, конечно, поделится этими мыслями с шефом. Не хочется верить, но это очень серьезно. Может быть, даже более серьезно, чем все другие версии и предположения. Но ведь тогда должны быть и другие провалы, другие загадочные истории? Вроде бы их не было. Питеру Николсу очень не хочется верить, что русские могли завербовать американского разведчика. «Жена Цезаря должна быть вне подозрений!» А пока оставим эти версии до разговора с Джеймсом. Николс решил больше не возвращаться к неприятным гипотезам.

Покончив с тяжелыми размышлениями, «Везунчик» вдруг вспомнил странные слова шефа, которые вырвались у Джеймса Вулрича перед тем, как он уж совсем собрался уходить из кабинета: «Для нас всех было бы даром судьбы, если бы «Пилигрим» воспользовался той штукой, которую он получил от вас в Бангкоке». Тогда, в кабинете шефа, он как-то не обратил на них внимания, не уловил их смысла, сраженный сообщением о провале «Пилигрима». А потом, в суматохе дел, и вовсе забыл о них. И вот сейчас вспомнил.

В памяти отчетливо всплыла сцена в номере гостиницы «Принсес», когда он вручил агенту «эту штуку» и вел трудный разговор на щепетильную тему. Может быть, «Пилигрим» и думал тогда о самоубийстве. Боялся попасть в руки Второго Главного управления КГБ, способности которого хорошо представлял. Боялся, что окажется в тюрьме контрразведки…

Он, Питер Николс, не жалел тогда красок, чтобы расписать ужасы разоблачения КГБ. Нагонял страх на «Пилигрима» разными байками. Рассказал, например, придуманную кем-то из американских журналистов историю о том, как в лубянской тюрьме сжигают заживо захваченных иностранных агентов. А, может быть, он и сам верит во все такие «страшилки»?

Он, резидент Центрального разведывательного управления в Бангкоке, делал то, что ему поручили. И в этот раз, и потом, во время других встреч с «Пилигримом», говорил о том, как просто — проглотить таблетку, и «лекарство» подействует мгновенно и совершенно безболезненно. Прозрачно намекал на то, что родные и близкие могут не понять его благородных мотивов, ради которых он вступил в контакт с американцами. Но все — как бы невзначай, вперемежку с обсуждением других вопросов сотрудничества. Впрочем, вполне осознанно и с определенным

расчетом. Конечно же, разоблачения не произойдет, если «Пилигрим» будет строго следовать разработанным в Лэнгли условиям связи, гарантирующим безопасность контактов. КГБ не сможет тогда поймать его в Москве. А таблетка дается ему только потому, что он сам этого захотел.

Как забавный парадокс, как совсем уж смешной эпизод, «Везунчик» вспоминал: когда «Пилигрим» попросил дать ему это «лекарство», он стал отговаривать агента, вновь и вновь повторяя, что если русский будет выполнять рекомендации ЦРУ, ему ничто не угрожает. Так требовали инструкции на этот случай. Агенту внушалось, что это — его собственное решение. И все же «Пилигрим» получил «лекарство». На всякий случай, если возникнут «чрезвычайные обстоятельства». Так сказать, страховочный вариант. Агента уже было не переубедить. Да по существу и необходимости в том, чтобы переубеждать, попросту не было. Все формальности были выполнены.

И вот теперь «Пилигрим» в руках советской контрразведки. Значит, не воспользовался таблеткой. Не смог или не захотел? Или просто струсил? Интересно, что он теперь рассказывает в КГБ? Вряд ли он молчит. Надо скорее всего считаться с тем, что он выдаст русским все, что знает о Бангкоке, все, чему его обучали. Выдаст все, что у него есть.

Питер Николс — практик и прагматик до мозга костей. Годы работы в Центральном разведывательном управлении вооружили его всеми секретами агентурной деятельности. Он отлично знает, что агенты занимают ведущее место в системе сил и средств добывания информации и в решении других разведывательных задач. В активе «Везунчика» вербовки высокопоставленных политических и военных деятелей, руководителей и рядовых сотрудников спецслужб, крупных журналистов и научных работников тех стран, куда его направляли из Вашингтона. Главная забота разведчика — максимально «выжать» из агента все, на что он способен, все, что он может дать. «Мы будем платить вам щедро, но всегда соответственно ценности тех сведений, которые будем от вас получать, — говорил Питер Николс «Пилигриму». — Впрочем, я уверен, вы и сами в этом заинтересованы». Николс знал великую притягательную силу того, что в Лэнгли называли «материальным фактором». Как и во многих иных спецслужбах.

Американский разведчик хорошо знал и кое-что другое: нельзя допустить, чтобы агент попал в руки вражеской контрразведки, последствия этого могут быть крайне неприятны для разведслужбы. Выработавший свой «ресурс» агент обуза для ЦРУ, но от того, кто потерял свою ценность, можно откупиться.

Однако еще хуже, если он будет разоблачен и арестован. Очень жаль, что «Пилигриму» не хватило сил и смелости совершить действительно мужской поступок. Захваченный противником агент — это реальная опасность.

Вот такие разные мысли приходили в голову заместителя начальника Советского отдела, когда завершался очередной рабочий день в Лэнгли.

Что укрывается

от острого взора Лэнгли

На этом повороте драматических событий, разыгравшихся в Москве и Вашингтоне, автор вынужден ненадолго прервать повествование и вмешаться. Нужно поведать читателям о том, что известно в Москве и о чем, возможно, предпочитают не знать в Вашингтоне, пытаясь в лабиринте версий добраться до отгадки тайны провала «Пилигрима». И, может быть, чего не удалось сделать организаторам и исполнителям блистательного плана операции с участием ценного агента, которого предназначали на роль «крота» в Ясеневе.

Как знать: сколько бы еще драгоценного для ЦРУ времени «Пилигриму» удалось продержаться «на плаву», если бы не трагическая оплошность разведчика «глубокого прикрытия» резидентуры, так неосторожно обронившего в автомашине злополучный «Минокс»! И не удосужившегося доложить об этом резиденту!

В самом деле, почему от рук русских не «пострадал» Арнольд Бронсон, непосредственный участник операций московской резидентуры с постановкой сигналов и закладкой тайника для «Пилигрима»? Почему его не объявили в Москве «персоной нон грата»? Ведь у Комитета государственной безопасности были для этого причины, и причины нешуточные. В Лэнгли об этом просто не подумали, самоуверенно списав все на другие обстоятельства. Например, на зловещего «крота» КГБ в Вашингтоне.

В Лэнгли решили оставить Арнольда Бронсона в московской резидентуре и даже рискнули поручать ему немаловажные дела. Хотя, если следовать той же логике о советском «кроте» в Лэнгли, не дававшему покоя множеству солдат тайной войны с русскими, этот «крот», наряду с «Пилигримом», должен был выдать и самого разведчика резидентуры. Ведь Броксона можно было убрать из Москвы, отвести от возможных ударов советской контрразведки, от подозрений в действиях, за которые не милуют ни дипломатов, ни тем более разведчиков. Пристроить в конце концов в одной из многочисленных резидентур ЦРУ, разбросанных по всему свету. Ведь у американской разведки немало забот и ответственных дел, в которых пригодится опыт разведчиков, побывавших в Советском

Союзе. Пусть ему даже немного не повезло. За битого двух небитых дают!

Поистине неисповедимы пути господни! Неужели всех тех, кого всевышний решает наказать, он сначала лишает разума? Зачем же тогда славословить насчет своей богобоязненности? Зачем везде и всюду подчеркивать: «Мы верим в Бога»? Даже чеканить эту сакраментальную надпись на монетах, которые проходят столько грязных и ненадежных рук!

Потом беднягу Арнольда Бронсона, уцелевшего в вихре бурь восьмидесятых, отправят подальше из Москвы, дадут развернуться его тщеславию и кипучей энергии. Арнольд Бронсон не пропадет. Хотя так никогда и не узнает, какую роль ему было уготовано судьбой сыграть в деле «Пилигрима». И во всех последующих событиях.

Ну, а пока он остается в Москве, и это — часть стратегии Лэнгли, которому нельзя признаваться в неудачах. Не пойманный — не вор.

Но, как ни странно, советскую контрразведку такое положение дел вполне устраивало. Не нужно тратить усилий, чтобы распознать, кого пришлют на замену разведчику «глубокого прикрытия». Были и другие причины, но автор о них промолчит. Настанет время, и о них станет известно. Такой момент еще не наступил. В данном случае — чем позже это случится, тем лучше.

Так или иначе, Центральному разведывательному управлению дорого стоила эта ошибка Арнольда Бронсона. «Глубокое прикрытие» не спасло ЦРУ и московскую резидентуру.

Впрочем, был еще один нелепый и грубый промах ЦРУ, о котором, возможно, не знали Джеймс Вулрич и те, кто готовил операцию. С «Пилигримом» в Москве. Не ведал об этом и московский резидент Эрик Хонтауэр, когда направлял Арнольда Бронсона к «Павлину».

Начать следует издалека. Представьте себе, что на вашей карте города Москвы, которой вы регулярно пользуетесь, вместо «проспект Мира» красовалось бы «Тверская-Ямская», как называли эту широкую московскую улицу в стародавние времена. Так вот, в инструкции ЦРУ для «Пилигрима», которая была передана агенту в радиограмме из Франкфурта-на-Майне, одна из улиц, по которой «Пилигрим» должен был идти к тайнику, была названа не ее современным именем, а тем, под которым она значилась на старых российских картах. Из «плана связи» ЦРУ это неверное название перекочевало в записку, которую «Пилигрим» составил для себя, когда готовился к выходу к «Павлину». Листок с ошибочным названием улицы и был обнаружен

контрразведчиками в кармане рубашки «Пилигрима», когда его задержали с «камнем» у опоры ЛЭП. Нужную для себя опору электропередачи агент на своей схеме пометил крестиком. Это, конечно, было серьезной уликой, обратившей на себя внимание. Однако грубая небрежность Советского отдела Оперативного Директората ЦРУ усугубилась тем, что именно под старым названием улица, ведущая к «Павлину», была обозначена и в изданном в Соединенных Штатах в восьмидесятые годы справочнике, которым пользовались в Лэнгли и в московской резидентуре ЦРУ. «Пилигрим», очевидно, не взглянув на современную карту города, автоматически переписал подсказанное ему разведчиками ЦРУ старое название улицы. Небрежность ЦРУ обошлась ему дорого: она явилась дополнительной уликой его связи с американской разведкой. Плахов, когда записка из кармана его рубашки со схемой пути к «Павлину» попала к Климову, так и не смог объяснить, откуда же взялось название улицы, которого нет на современных картах Москвы.

Был ли Питер Николс, заместитель начальника Советского отдела и бывший резидент ЦРУ в Бангкоке, вербовавший Плахова в Таиланде, главным ответственным лицом за эту небрежность ЦРУ — трудно судить. Зачем ему самому знать топонимику русских городов? Для этого есть эксперты, существует, наконец, московская резидентура, которой положено следить за подобными деталями. С них и спрос.

Неприятный осадок от неудачного исхода дела «Пилигрима» исчезнет, и Питер Николс постарается забыть об агенте. Тем более что заместителю начальника Советского отдела совсем скоро предстоит окунуться в новые разведывательные операции, в новую работу, которую задумает его шеф, одержимый, как и он сам, целью внедрить американского «крота» в Ясенево. Стоит ли мучить себя такой «мелочью», как провалившийся агент? Тем более что он вряд ли узнает о случившейся небрежности с названием улицы, которая так осложнит положение «Пилигрима», когда контрразведка задержит его с «булыжником».

Правда, зачем сейчас-то вспоминать об этом, волноваться из-за таких вещей, как небольшой огрех в схеме района тайника? «Пилигрим» все равно явился к «Павлину» и взял оставленный для него «камень», в котором были гораздо более весомые свидетельства его связи с иностранной разведкой! Последующие его злоключения — это уже личное дело агента.

Да что там нашпигованный денежными купюрами «булыжник» с какой-то непонятной бумагой о сигнале! Плахова «выдали» те самые растворимые в воде миниатюрные листки,

которые были так ловко спрятаны в футляре для очков. Они, эти листки, не оставили никаких сомнений насчет намерений их нынешнего владельца. Тем более что они привели контрразведчиков на квартиру Плахова, к его тайнику в вентиляционном люке на кухне, окончательно похоронившему все надежды агента ЦРУ на чудесное избавление.

Несчастные жена и дочь с неподдельным изумлением, постепенно уступавшим место ужасу, смотрели на действия незнакомых людей, пришедших к ним на квартиру с ордером на обыск. Наблюдали, как за решеткой в вентиляционном люке на кухне сотрудники контрразведки, которых почему-то сопровождали знакомые им служащие домоуправления, обнаружили сумку со шпионским снаряжением. И оно принадлежало их мужу и отцу, дававшему в Лефортово показания следователям органов госбезопасности.

Вот там, в этой сумке, в отдельной полиэтиленовой упаковке, контрразведчики и нашли то, чего так опасался начальник американского отдела контрразведки, давая команду тщательно обыскать того, кто придет за «камнем». Ту самую ампулу с «чудодейственным лекарством», которую изготовили в Форт-Деррике. Ту самую, которую Питер Николс любезно предложил «Пилигриму» в Бангкоке — «на всякий случай». Ту ампулу, которую специалисты сверхсекретной лаборатории в Форт-Деррике искусно заделали в камуфляж, — авторучку, взятую Плаховым — тоже «на всякий случай» — в Москву. Ту, которую вот теперь обнаружили при обыске в его квартире, в тайнике в вентиляционной трубе. Ту самую ампулу с быстродействующим ядом, которую вручают агентам Центрального разведывательного управления «исключительно по их просьбе!» — если они вдруг преисполнятся желания применить «лекарство» по назначению.

Да, предосторожность Сергея Александровича Краснова была совсем не лишней. Кто знает, как повел бы себя загнанный в ловушку человек, если бы обстоятельства складывались иначе?

Глава десятая

В погоне за разгадкой тайны
Столичное управление ФБР

Уехав домой пораньше, часа два спустя после того, как позвонил Джону Каллохену из столичного управления ФБР, Джеймс Вулрич весь оставшийся день пробыл в своей квартире в Вашингтоне. К счастью, мучительная головная боль стараниями Кристины совершенно исчезла. Осталась какая-то неприятная скованность во всем теле, но и она постепенно проходила, побежденная его крепкой и здоровой натурой, привыкшей к самым неожиданным всплескам судьбы. Он еще немного отдохнет и войдет в норму. Назавтра он полностью избавится от плохого самочувствия и очень скверного настроения. Работа, служебные заботы — лучший врач.

Джеймс Вулрич — вдовец, и не намерен вновь обзаводиться узами Гименея. В этом он отличается от многих других сотрудников Лэнгли, разменивающих браки один за другим. Впрочем, это не считается зазорным в среде разведчиков ЦРУ. У них свои представления о семье и о любви. Главное избегать публичных скандалов в семейной жизни, не давать раздорам и склокам подрывать чинную репутацию. Внесемейные связи с женщинами не будут осуждаться, если они не выходят за рамки приличий.

Вулрич — однолюб и верен своему единственному в жизни выбору спутницы. Его жена, как и он сам, была служащей Центрального разведывательного управления. Он познакомился с ней во время одной из своих заграничных командировок. Она умерла три года назад от тяжелой болезни, оставив ему взрослую дочь и унаследованную от родителей виллу в Арлингтоне, в окрестностях Вашингтона. Пригород столицы облюбован высокопоставленными правительственными чиновниками. Особенную «слабость» почему-то питают к Арлингтону сотрудники Центрального разведывательного управления. Может быть, оттого, что близко к Лэнгли? Вот и покойный отец Ирины Вулрич уже очень давно обосновался в Арлингтоне. Еще в то время, когда у него не было нынешнего высокого престижа в глазах вашингтонской чиновничьей знати.

Откроем небольшую тайну — тесть Джеймса Вулрича был офицером американской разведки, начавшим работу там еще тогда, когда она называлась Управлением стратегических служб. Случилось это в далекие военные годы, когда в УСС было немало

эмигрантов. Даже из тех стран, которые впоследствии оказались за «железным занавесом».

Теперь Джеймс Вулрич живет один. Дочь, вышедшая замуж за скромного и немного застенчивого служащего страховой компании, живет в Балтиморе собственной жизнью. У нее уже свои дети, две девочки-двойняшки.

Виллу в Арлингтоне Вулрич и его дочь, оставшиеся без опоры и потеряв цементирующую дом и хозяйство основу, продали, купив взамен небольшую, но уютную квартиру в Вашингтоне. Там и поселился начальник Советского отдела. Удобно — недалеко от Лэнгли. Дочь с детьми изредка навещает отца и остается в Вашингтоне на несколько дней, когда ее муж, ныне преуспевающий страховой агент, разъезжает по штатам страны по делам компании. В вашингтонской квартире у нее и двойняшек свои отдельные комнаты. Дед любит маленьких внучек и с удовольствием возится с ними в те редкие дни, когда они гостят у него в Вашингтоне. Вулрич тогда отдыхает в своей женской команде, почти забывая о Лэнгли. Разгрома, который оставляют в квартире на Адамс-стрит маленькие проказницы, ее хозяин просто не замечает.

После отъезда дочери и любимых внучек квартира на Адамс-стрит, где живет ее одинокий владелец, из сущего бедлама, созданного засильем маленьких человечков, приходит в свое нормальное состояние покоя и тишины. Пожилая женщина, друг семьи Вулричей, уже несколько лет ухаживающая за квартирой и ее хозяином, быстро наводит в ней обычный, заведенный ею, порядок. Она навещает Вулрича три-четыре раза в неделю. Этого вполне достаточно, чтобы умелой женской рукой поддерживать чистоту в доме, закупать кое-какие продукты, из которых хозяин квартиры готовит себе нехитрый завтрак, а потом, придя с работы поздним вечером, — и легкий ужин. Джеймс Вулрич, подобно большинству его соотечественников, неприхотлив в еде и в быту. Но он ценит порядок и систему, аккуратность и размеренность и дома, и в служебных делах.

Ну, а в субботу и воскресенье Джеймс Вулрич почти не бывает дома — он проводит время у своих старых друзей. Или у себя в кабинете, на пятом этаже в Лэнгли. Там, даже тогда, когда он в одиночестве, всегда есть чем заняться. Наконец, просто подумать над делами в спокойной обстановке. Развешанные по стенам кабинета охотничьи трофеи ему не мешают. Наоборот, напоминают о прошедших годах, когда это занятие приносило ему отдых и добычу.

Впрочем, и квартира на Адамс-стрит тоже похожа на настоящий музей. Как и его кабинет, напоминающий о былой

страсти ее хозяина. И здесь добытые им трофеи и множество фотографий охотничьих сцен. Ирина, его покойная жена, снисходительно относилась к этим занятиям мужа. Теперь многое из того, что было на вилле в Арлингтоне, переехало в вашингтонскую квартиру. Очень трудно расставаться со своими привычками. Даже когда они вынуждены отступать под напором безжалостного возраста.

У покойной жены Джеймса Вулрича — славянские корни. Это может показаться странным, ведь славяне — по существу должны быть врагами начальника Советского отдела.

В ЦРУ, если уж говорить откровенно, не так редки браки его сотрудников с женщинами из других стран, особенно тех, которые пользуются дружеским расположением Соединенных Штатов. Но категорически запрещаются все связи с иностранцами из стран, которые Вашингтон считает своими противниками. Феномен жены Джеймса Вулрича может выглядеть как исключение из этого сурового правила. Но это только на первый взгляд. Родители Ирины действительно выходцы из России. Но они уже очень давно эмигранты, а Ирина, хоть и знает русский язык, никогда не была на родине своих предков и не чувствует к ней никакой привязанности.

Отец Ирины стопроцентный русский, аристократ по рождению и по воспитанию, быстро нашел дорогу в американскую разведку. Еще тогда, когда она называлась Управлением стратегических операций и вела изнурительную борьбу с фашистской Германией. В последние годы, полной приключениями жизни, он не порывал нитей, крепко привязавших бывшего русского графа к Центральному разведывательному управлению.

Так Ирина, уже повзрослев и приняв новое крещение на Западе, тоже оказалась в том же ведомстве, что и ее отец. Ее приняли на работу в разведку, но тщательно проверяли и в ЦРУ, и в ФБР. И вот у Ирины и ее дочери — русская кровь, а ее муж, отец ее единственной дочери и дед ее внучек — считает Советский Союз своим «главным противником».

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. При массовой эмиграции в США людей из других стран мира в Центральном разведывательном управлении немало людей славянского происхождения — русские, украинцы, поляки, чехи. Смешение рас и национальностей, формирующих Соединенные Штаты? Бурлящий котел, в котором исчезают особенности людей, они сплавляются в единое целое? — Не только. Кое-что определяется и потребностями оперативной работы тех ведомств, которым это не безразлично. Правда, к жене начальника Советского отдела это

не имеет отношения. Просто в то далекое время в послевоенной Германии встретились двое полюбивших друг друга людей — молодой американский разведчик, вовсе не случайно оказавшийся в Западной Германии, и русская девушка, которую разлучил с родной и незнакомой страной господин-случай и родители-белоэмигранты.

В спальне вашингтонской квартиры Джеймса Вулрича висит большой портрет Ирины, написанный во Франкфурте-на-Майне, где он начинал зарубежную службу по линии ЦРУ и где встретил свою будущую жену, работавшую там же секретарем у его начальника, в Региональном центре разведки в сердце Европы. Художник-немец, восхищенный ее славянской миловидностью и изяществом, нарисовал портрет за несколько дней. Глядя на портрет жены, Джеймс Вулрич становится сентиментальным, вспоминая прошлое. К сожалению, того, что было, уже не вернуть, а сентиментальность уходит, когда начальник Советского отдела оказывается вне стен своей уютной квартиры. И, может быть, даже тогда, когда покидает спальню, где вечно живая Ирина на картине немецкого мастера напоминает ему недавние счастливые дни супружеской жизни.

…Утром Вулрич проснулся позже обычного — сказались все переживания вчерашнего дня. Да еще принятая вечером спасительная таблетка снотворного, погрузившего его в глубокий сон. Правда, ему не нужно было торопиться Джон Каллохен ждет его в 10 часов. Джеймс Вулрич не опоздает, он не опаздывает никогда — это давняя привычка. Многолетняя армейская служба и годы работы в Лэнгли приучили его к дисциплине и аккуратности. Очень полезная и нужная привычка для тех, кто избрал для себя профессию разведчика!

Дорога к правительственному кварталу, где на Пенсильвания-авеню располагалось огромное, отделанное гранитом, серое здание вашингтонского отделения Федерального бюро расследований, заняла у Джеймса Вулрича немногим более двадцати минут. Да и то потому, что он попадал в утренние пробки.

Припарковав свою автомашину на служебной стоянке, Вулрич направился к входу. Ему уже приходилось бывать здесь не однажды. Охрана его знала. Ему не надо предъявлять пропуск — впечатляющий значок офицера министерства обороны — отличная идентификация, открывающая доступ сотруднику ЦРУ во все правительственные здания Вашингтона.

Пройдя внутрь помещения, Вулрич поднялся на лифте на верхний этаж здания, где находились кабинеты руководства Управления и где был кабинет Джона Каллохена, человека № 1 в

территориальном отделении ФБР в Вашингтоне. Тот, предупрежденный охраной, уже ждал в дверях.

Джон Каллохен занимал важный пост в Федеральном бюро расследований. Он был руководителем одного из крупнейших территориальных управлений этого могущественного ведомства, которое пользовалось большим весом в Соединенных Штатах, которое уважали, боялись и ненавидели миллионы американцев. Каллохен был «Эс-Эй-Си».

Помимо центрального офиса с громадным аппаратом сотрудников и служащих, ФБР имело территориальные отделения во всех пятидесяти штатах страны. Их возглавляли главные специальные агенты — Эс-Эй-Си. Кроме Нью-Йорка, где начальником управления был заместитель директора ФБР. Ведь Нью-Йорк всегда был на первом месте среди городов Соединенных Штатов по размаху противоправной деятельности, которой занималось Федеральное бюро расследований.

Судьба бросала Джона Каллохена в различные территориальные отделения ФБР и во многие штаты, он начинал службу рядовым детективом и побывал на многих должностях и на многих направлениях работы своего ведомства. От Алабамы и Джорджии — на Востоке и до далекой Калифорнии — на Западе. В Федеральном бюро расследований он уже свыше двадцати лет. Знает работу Бюро, что называется, от «А» до «Я».

В оперативной деятельности ФБР для Джона Каллохена нет секретов. Ему хорошо знакомы приемы борьбы с криминальным миром Америки. От организованных преступных групп, где правят мафиозные кланы, занимающихся наркобизнесом, незаконным отмыванием денег, похищениями людей, до террористов и отъявленных убийц. Он умеет действовать против оппозиционных к режиму организаций и движений, знает, как проникнуть через агентов в подпольные группы «Черных пантер» и в ячейки компартии, в профсоюзы и в антивоенные организации, в ряды борцов «за гражданские права». Он занимается и деликатными поручениями руководства, когда приходилось наблюдать за именитыми людьми Америки. Например, за представителями культурной элиты — писателями, актерами и кинорежиссерами, драматургами, телевизионщиками и журналистами, американцами и иностранцами, которые оказывались не в ладах с властью и законом или заподозренных в симпатиях к компартии и СССР. Таких, как Томас Манн, Генри Миллер, Джон Фолкнер, Томас Эллиот, Джон Дос Пассос, Дэшил Хэммет, Лилиан Хелман. И таких фигур крупного калибра, как Чарли Чаплин, Джон Стейнбек, Кларк Гейбл, Эррол Флинн, Эрнест Хемингуэй, Мартин Лютер Кинг. И даже таких, как

нарушающие закон и порядок министры и губернаторы штатов, сенаторы и конгрессмены.

Джон Каллохен сейчас руководитель вашингтонского отделения ФБР. Второго после Нью-Йорка по численности территориального подразделения Федерального бюро расследований. И не менее важного, чем Нью-Йорк, в борьбе с иностранным шпионажем. Ведь в Вашингтоне размещаются иностранные посольства, дающие «крышу» вражеским разведывательным резидентурам. И прежде всего главного противника США — Советского Союза. Контршпионаж занимает в делах и заботах Джона Каллохена первостепенное место.

Широко улыбаясь, Каллохен идет навстречу начальнику Советского отдела, радостно его приветствует и хлопает по спине.

Джон Каллохен — ровесник Вулрича и его старый приятель. Теперь он еще больше уверен, что визит друга не случаен. Не просто проявление дружеских чувств, а как-то связан с его вчерашним телефонным звонком. Он готов оказать необходимое содействие. Ведь их совместная программа «Кортшип», определяющая взаимодействие ФБР и ЦРУ в работе против русских, действует и дает результаты, выгодные обеим сторонам. Тем более что новый директор Федерального бюро Уильям Уэбстер требует от подчиненных, чтобы это взаимодействие не было формальным. В отличие от предыдущего директора Эдгара Гувера, который, игнорируя веление времени, не поощрял контактов с ЦРУ. И впадал в свирепый гнев, если его распоряжения насчет «сдержанности» нарушались.

Мягкие уютные кресла в кабинете главного специального агента ФБР располагают к непринужденной беседе. Даже если собеседники не связаны дружескими узами. Зная о пристрастии друга к крепкому кофе, Джон Каллохен уже заранее велел секретарше позаботиться об этом. А вот от любезно предложенного хозяином виски со льдом Джеймс Вулрич деликатно, но твердо отказывается.

— Джон, благодарю тебя за вчерашнюю информацию, — начинает разговор начальник советского отдела, — она представляет для нас большую ценность, хотя, признаюсь, не относится к категории приятных вестей.

— Я так и думал, Джеймс, и поэтому сразу понял твою реакцию. Думаю, что в такой момент невозможно сдержать эмоции. Судя по всему, это, конечно, не наш общий друг «Рекрут». Это, видимо, кто-то другой. Если возможно, расскажи мне подробнее. Надеюсь, можно что-то поправить? Могу ли я помочь?

Джеймс Вулрич ненадолго задумался и в очередной раз отпил большой глоток кофе.

— Конечно, ты вправе знать детали, Джон. Я не собираюсь от тебя что-то скрывать. Речь идет о нашем человеке, и мы с Питером возлагали на него большие надежды. Это не простой информатор, это — завербованный нами в Таиланде работник контрразведывательного подразделения русской разведслужбы. Сам понимаешь, что это значит для нас. Но поистине — «человек предполагает, а бог располагает». Мы, честно говоря, просто не знаем, как русские вышли на него. Полные потемки. Вот поэтому-то мне и нужно знать все, что выудили твои ребята из разговора этих двух русских. Может быть, удастся понять что-то, извлечь какую-то полезную информацию.

— Послушай, Джеймс, я покажу тебе оперативную сводку перехвата этого разговора. Я уже попросил Кларенса — ты ведь знаешь моего помощника, он как никто другой сведущ в делах советского посольства — подготовить документ к твоему приходу.

Глория, — говорит Каллохен вошедшей в кабинет секретарше, — пригласите ко мне срочно Кларенса Митчелла. И вот еще что: я буду очень занят с мистером Вулричем. Прошу вас никого ко мне не пускать и не соединять по телефону. Ну, а кофе — за вами, и побольше.

Каллохен подождал, когда закроется дверь за секретаршей, и продолжал в своей неторопливой манере:

— А пока, Джеймс, позволь кое-что рассказать тебе. Эти двое русских парней — офицеры резидентуры КГБ в Вашингтоне. По крайней мере, я уверен в этом насчет одного из них. С ним работает мой агент. Дело, похоже, идет к тому, что русские заинтересуются моим человеком. Мы разработали легенду, что он из Агентства национальной безопасности. Ты знаешь, как КГБ интересует это учреждение. Ну, а второй, пожалуй, ему под стать, они разговаривали как коллеги. Ты сам это сейчас увидишь. К сожалению, они не говорили о том, как КГБ раскрыл вашего агента. Вероятно, их об этом просто не проинформировали.

Вулрич медленно пил остывавший кофе и внимательно слушал, изредка делая пометки в блокноте.

Хозяин кабинета продолжал не спеша рассказывать.

— Их разговор, вернее, та его часть, которую нам удалось перехватить и расшифровать, длился несколько минут, три-четыре, не больше. Там, на квартире, шла вечеринка, русские любят их устраивать по всякому поводу. Как и мы, впрочем. Было очень шумно, но нам, можно сказать, просто повезло. Эти двое уединились и подошли к открытому окну, а там, совсем рядом, стоит наш прибор. Потом они ушли вглубь квартиры, и больше нам уже ничего не удалось разобрать в этом непрерывном шуме и гвалте. Ну, а вот и Кларенс.

— Доброе утро, мистер Вулрич, — вошедший в кабинет черноволосый молодцеватый человек и положил на стол Каллохену небольшую папку с документами.

— Благодарю вас, Кларенс, — сказал Каллохен, — это пока все. Вы можете идти. Если понадобитесь, я вас вызову.

— Хорошо, сэр. Только позвольте обратить ваше внимание, что в сводке перехвата очень много пропусков. Это то, что нам не удалось понять.

Джон Каллохен вынул из папки несколько листов и протяну их Вулричу.

Начальник Советского отдела сразу же отметил ту часть текста, которая была подчеркнута красным карандашом и где на полях стояли пометки Джона Каллохена: «Сообщить в ЦРУ м-ру Вулричу». «Очень предупредительно», подумал Вулрич и углубился в чтение.

— Если тебе что-то интересно, делай выписки.

— Благодарю, Джон, я это сделаю.

Воспользовавшись предложением друга, Джеймс Вулрич аккуратно скопировал почти весь документ.

«Запись разговора двух русских мужчин, предположительно Михаила Панфилова (№ 1) и Ивана Белозерцова (№ 2), из посольства СССР в Вашингтоне.

4 сентября 1986 года. 21 час 35 минут — 21 час 40 минут. В разговоре № 1 и № 2 упоминается «Артем Петрович». Это, по всей вероятности, Старостин Артем Петрович, руководитель резидентуры КГБ в Вашингтоне.

№ 1 — Душно здесь. Давай откроем окно.

№ 2 — Можно. Шум улицы нам не помешает, наоборот. Я хочу тебе рассказать одну вещь.

№ 1 — Слушаю тебя, Ваня.

№ 2 — Сегодня днем, понимаешь, я был по своим делам у Артема Петровича. Знаешь, что он мне сказал? «Я знаю, вы знакомы с Платовым, не так ли? Вы ведь работали вместе с ним в одном подразделении». Я, конечно, подтвердил, это всем известно. Ну, а дальше самое… возможно, «важное». (Прим. перев.). «Этого типа, — сказал мне Артем, — в пригороде Москвы… (одно слово неясно. — Прим. перев.) с булыжником. Но это не простой камень, а контейнер для денег. Большая сумма».

№ 1 — Вот это да! Это был тайник?

№ 2 — Я точно не знаю, Ваня. Артем больше мне ничего не говорил. Наверное, так.

№ 1 — О ком идет речь, тоже предельно понятно. Это американцы.

№ 2 — Артем не сказал. Ну конечно, американцы. Кто же еще

может быть! Зачем же тогда, Миша, сообщили нам сюда?

№ 1 — Да-а! Не говорил ли шеф, что из Москвы кого-то выдворяли? Дипломатов или других?

№ 2 — Нет, ни о каких «персона нон грата» он не упоминал. А ты знаком с этим Платовым?

№ 1 — Нет, я его не знаю. Серьезно. Может быть, если увижу, то вспомню. Но фамилия ничего мне не говорит.

№ 2 — Он работал в одном со мной… (несколько слов совершенно непонятны. — Прим. перев.). Ну, ладно, Артем, наверное, тебя тоже спросит. Переживем. И вот еще что. Ты не говори шефу, что я с тобой разговаривал. Он предупреждал. Не о тебе, а вообще. Не разводить панику. Он сказал, что нам всем придется на какое-то время сократиться… Так что готовься. Наверняка будет совещание.»

Закончив читать и сделав подробные выписки в свой блокнот, Джеймс Вулрич аккуратно сложил листы сводки перехвата и отдал их Каллохену.

— Благодарю, Джон, разговор этих парней, конечно, очень интересен и заслуживает тщательного анализа. Уже сейчас он вносит ясность в то, что произошло в Москве. Собственно говоря, разговор с тобой по телефону был достаточно информативен.

— Я думаю, Джеймс, ты смог увидеть в разговоре русских то, что ускользнуло от меня. — Джон Каллохен была сама любезность. Тем более что в данном случае комплименты вовсе не требовались.

— К сожалению, эти двое русских не раскрыли причины провала нашего агента. Как КГБ стало известно о его существовании? И о тайнике, который был для него заложен на окраине Москвы? Это понятно, вряд ли Москва сообщит сюда такие секретные вещи. Так что проблема остается. И она, наверное, не так проста, как может показаться с первого взгляда. — Вулрич внимательно взглянул на собеседника.

Тот, немного помолчав, неожиданно спросил:

— Ты имеешь в виду, что русские были кем-то информированы? Неужели «крот»?

— Я этого не говорил, Джон. Еще предстоит разбираться. Ты ведь понимаешь, как важно не ошибиться в предположениях.

— Пойми меня правильно, Джеймс, Центральное разведывательное управление не может быть абсолютно неуязвимым, как бы этого ни хотелось нам с тобой. Вам приходится действовать в сложных условиях. И потом — я не хочу никого обижать — у вас работают разные люди. В том числе с либеральными взглядами. Ты ведь хорошо знаешь, кого я имею в виду — слишком многие из тех, кто служил у вас, выступили в

последние годы против ЦРУ. Ну, а если другие просто затаились и ждут момента? Или — что еще хуже — избрали другой способ повести борьбу со своей страной? Вас в таких случаях может не выручить ваш любимый «детектор лжи». Ты, конечно, знаешь, Джеймс, мы в ФБР его не применяем, он нам совершенно не нужен. У нас другие методы проверки, а главное — уверенность в своих людях. Нам не угрожает проникновение агента иностранной разведки! — голос Джона Каллохена полон торжественной и самоуверенной патетики.

Джеймс Вулрич допивал свой уже совсем остывший кофе и не сказал ничего. Потом он поднялся и, сопровождаемый гостеприимным хозяином, проследовал к выходу.

Уже в дверях кабинета, провожая Джеймса Вулрича, Каллохен, словно вспомнив что-то важное, спросил:

— Как поживает наш друг «Рекрут»? В начале этой истории, когда мне еще не принесли записи перехваченного разговора русских, я почему-то подумал о нем.

Начальник Советского отдела ЦРУ улыбнулся и коротко бросил:

— Все в порядке, Джон. Мы на него рассчитываем. Правда, резидентура не проводила с ним личных встреч. Не было необходимости, да и не требовалось рисковать ни собой, ни агентом. Действуют другие способы связи. Все нормально.

На широкой автостраде Джорджа Вашингтона по дороге в штаб-квартиру и уже в совершенно привычной для себя обстановке пятого этажа Лэнгли Джеймс Вулрич, разбирая сделанные заметки, не переставал раздумывать над неожиданной бедой.

«Что еще можно почерпнуть из этого разговора? — Вулрич напряженно выискивал в словах русских разведчиков какой-то тайный смысл, искал ответа на мучившие его вопросы. Казалось, находил и — снова отбрасывал.

Очевидно было главное: «Пилигрим» провален. Русская контрразведка захватила его на выемке из «Павлина» — тайника с деньгами, заложенного Арнольдом Бронсоном под опорой ЛЭП на улице Академика Павлова. Он правильно доложил директору. Никаких сомнений, никаких надежд на чудо.

Из перехваченного разговора русских следует, что все это произошло в начале сентября. Не в конце августа, а именно в сентябре. Русские отличаются аккуратностью в этом и сразу же информировали свои резидентуры в Соединенных Штатах. И в Вашингтоне, и в Нью-Йорке, и в Сан-Франциско. Они не будут рисковать и на время свернут здесь оперативную работу. Об этом говорил Каллохен.

Непонятным остается другое: что привело к провалу «Пилигрима»? Это вопрос вопросов. И почему этот провал не коснулся самой резидентуры, не коснулся Арнольда? Если русская контрразведка выследила Бронсона, его могли бы арестовать при закладке «Павлина». Но тогда был бы под вопросом захват агента. Мы бы его предупредили. Ну, а если информация поступила к русским от их «крота»? Тоже невыгодно трогать Бронсона. Пожалуй, в этом что-то есть. Необходимо подумать еще. Гамлетовский вопрос. Что-то не сходится в своей основе. Получается так, что надо закрывать московскую резидентуру! Если принять такую версию.

На следующий день из Советского отдела в московскую резидентуру отправилась очередная телеграмма. Скорее всего, в ней не было тяжелых и роковых размышлений.

Беспокойные дни
московской резидентуры

В столице «главного противника», московской резидентуре Центрального разведывательного управления, расположившейся под крышей американского посольства на улице Чайковского, уже в самом конце августа заподозрили неладное. Сигнал от «Пилигрима» об изъятии заложенного Арнольдом Бронсоном тайника не появлялся. В резидентуре были обеспокоены, но продолжали терпеливо ждать.

Задержки с сигналами от агентов, зачастую весьма длительные, случались и раньше. Мало ли какие могли быть причины: болезнь, срочная командировка, еще какие-то помехи. В конце-то концов не все задержки должны заканчиваться печально. Эрику Хонтауэру не занимать выдержки и терпения. Он ждал. Ничего другого резидентуре и не оставалось делать. А тем временем радиоцентр ЦРУ во Франкфурте-на-Майне посылал «Пилигриму» все новые и новые телеграммы, напоминая агенту, что от него по-прежнему ожидают сигнала об изъятии тайника «Павлин», и запрашивая о его положении.

Весть о провале агента пришла в ранний осенний день 1986 года из Лэнгли.

Арест «Пилигрима», не успевшего развернуться в качестве эффективного «крота» в русской разведывательной службе, поверг московскую резидентуру в состояние, близкое к шоковому. Не в меньшей мере, чем советский отдел Оперативного Директората ЦРУ.

И не потому, наверное, что «Пилигрим» считался в Лэнгли самым выдающимся агентом в СССР. Были другие, которые удостаивались почетных титулов «агента № 1». Были иные дела и операции, оканчивавшиеся неудачей. На «Пилигрима» в Лэнгли и

на улице Чайковского действительно возлагались немалые надежды. Им, к величайшему сожалению Вашингтона, не пришлось сбыться. Но главное все же было в другом — оставалась загадка, оставалась тайна разоблачения агента. И вот теперь над ней предстояло трудиться в Лэнгли. Шло время, а разгадки все не было…

А между тем в штаб-квартире Центрального разведывательного управления хотели знать, что же в действительности произошло. Ведь разведка не любит и не может действовать вслепую.

Нельзя доверять такое важнее дело капризной Фортуне!

Почему же провалился ценный и надежный агент? В Лэнгли рассчитывали извлечь пользу для анализа из отчетов московской резидентуры. Аналитики ЦРУ, эта «белая кость» разведки, недаром славятся своим умением разгадывать сложнейшие ребусы.

Московский резидент не удивлялся обилию телеграмм. Ему велели представить материалы о всех оперативных мероприятиях, проведенных резидентурой по делу «Пилигрима». Лэнгли настойчиво требовал от своих московских подчиненных высказать суждение о причинах провала ценного агента.

Третья телеграмма Советского отдела вызвала немалую обеспокоенность резидента ЦРУ.

Хонтауэру.

Пожалуйста, проверьте и срочно сообщите, все ли было сделано для того, чтобы обеспечить безопасный выход Бронсона к «Павлину». Может быть, русские применяют изощренную систему наблюдения, которую мы еще не знаем и резидентура пока не выявила. Известны ли, в частности, случаи использования самолетов или вертолетов? Наш источник сообщил, что в прошлом году Советский Союз закупил в Чехословакии несколько легкомоторных самолетов марки «Чесна». Они очень удобны, как показывает практика ФБР, для ведения наблюдения за объектами.

Вулрич.

Следующая телеграмма из Лэнгли удивила еще больше.

Хонтауэру.

Пожалуйста, срочно пришлите одежду и обувь Арнольда Бронсона, которые были на нем в день проведения операции по «Павлину». Надежно упакуйте их в целлофановые мешки, чтобы не допускать попадания в них воздуха. Не очищайте предметов одежды и обуви от грязи. Мы проверяем также предположение о том, что русские могли обнаружить тайниковый контейнер с помощью специально натренированных собак. Наши специалисты утверждают, что запах веществ, из которых изготовлен контейнер,

может улавливаться собаками на очень большом расстоянии. Наш агент также утверждает, что у русских есть специальный препарат, который они наносят на одежду и обувь объекта, и это позволяет следить за ним, не вызывая подозрений.

Вулрич.

Эрику Хонтауэру, конечно, не хотелось бы быть гонцом, доставляющим дурные вести. В старину таких гонцов попросту предавали смерти. Научно-техническая революция решительно вторглась в способы передачи информации. Барабаны, зажженные костры, обученные голуби, специальные курьеры были вытеснены радиоволнами, телеграфом, телефоном и компьютерами. Отношение к тем, кто был носителем печальной информации, менялось в гораздо меньшей степени. Их, правда, не казнили, но хорошие вести всегда отличали от плохих. И очень жаловали тех, кто доставлял или озвучивал приятные известия.

Хонтауэр едва успевал отвечать на поток телеграмм из Лэнгли. Он недоумевал не меньше, чем его коллеги в Вашингтоне, но вины резидентуры не видел. Арнольд Бронсон, разведчик «глубокого прикрытия», умело и безупречно провел закладку тайника для «Пилигрима». Слежки за ним тогда не было, нет ее и сейчас.

Резидентуре неизвестно о наблюдении КГБ за разведчиками с помощью самолетов и вертолетов. Тем более что воздушное пространство над Москвой закрыто для полетов летательных аппаратов. Радиоконтроль резидентуры за обстановкой в эфире не обнаружил ничего подозрительного. Эрик Хонтауэр очень гордился техническими возможностями резидентуры. Ведь по существу контроль был двойным — действовал пост перехвата разговоров по радио русской контрразведки на верхнем этаже здания посольства, оборудованный сложнейшей аппаратурой слежения, а у самого Бронсона был специальный прибор для выявления работы наружного наблюдения, если бы оно велось во время выхода разведчика к «Павлину»! Гордость специалистов-инженеров технической службы Лэнгли, много раз выручавшей разведчиков московской резидентуры, когда им докучала слежка русской контрразведки.

Руководитель московской резидентуры считал, что наружного наблюдения за Арнольдом не было. Не появилось и никаких сообщений в русских средствах массовой информации, тоже падких, как и их западные коллеги, на сенсации. Русские не удержались бы и потребовали отъезда Бронсона из Москвы, получив информацию о его участии в деле «Пилигрима». Персона нон грата — вот непременная реакция на действия разведчика-дипломата, угрожающего их безопасности!

Резидентура немедленно вышлет необходимые для тщательного исследования предметы одежды и обувь Бронсона, но не может скрыть сомнения, что тайниковый контейнер мог быть обнаружен собаками при таких обстоятельствах, в каких проводилась операция.

Хонтауэр был удивлен одним и своего удивления от Вашингтона не скрывал: как русской контрразведке удалось так быстро раскрыть «Пилигрима». Если верить сообщениям из Лэнгли, его надежно законспирировали. Может быть, русским было что-то известно о нем еще в Таиланде? Какая-нибудь неосторожность в Бангкоке? Или им удалось каким-то образом склонить агента к признанию связи с американской разведкой? Да мало ли может быть причин провала агента, причин неудачи разведывательной операции!

«Провал «Пилигрима» — не первая и, к сожалению, не последняя неудача Центрального разведывательного управления в Советском Союзе… К несчастью, провалы разведывательных операций в Москве не такая уж редкость. Важно, чтобы в Лэнгли взвешивали победы и поражения, учитывали огромные сложности обстановки. Удач у московской резидентуры немало, и в Вашингтоне о них, конечно же, знают», — размышлял он.

Эрик Хонтауэр готов при всех обстоятельствах защищать свою московскую резидентуру. Как бы ни было трудно, работать разведке в Советском Союзе можно. Необходимо развивать и дальше агентурную сеть резидентуры, нужно проводить технические операции. Какой бы ни был риск, какие бы потери ни приходилось нести — эффект всегда перевесит затраты. Конечно, потеря «Пилигрима» — тяжелый удар по резидентуре, по ЦРУ в целом. Но ведь борьба с русскими на этом не заканчивается!

И все же загадка разоблачения русской контрразведкой «Пилигрима» серьезно беспокоила резидента ЦРУ. Так же, как и его шефов в Лэнгли. «Возможно, у русских есть свой «крот» в Вашингтоне и он одолел американского «крота» в Москве?» — эта невеселая и тревожная мысль не давала покоя Эрику Хонтауэру. После провала «Пилигрима» его не покидало отвратительное расположение духа. В нем кипела обида на несправедливость. Все-таки в Лэнгли не хотят понимать специфики работы в Москве. А кроме того, его захлестывала настоящая бойцовская злость. Он умел, как хороший боксер, держать удар. Умел ответить противнику, когда тот уже начинал торжествовать победу.

Его волновала не столько потеря «Пилигрима». В конце концов, один агент еще ничего не решает! Судьбы агентов не должны отвлекать внимания от главного. Каждый агент, увы, проживет столько, сколько ему отмерено. Лучше, конечно, чтобы

срок его деятельности был не слишком коротким. Резидента ЦРУ, пожалуй, больше беспокоили разговоры об ошибках резидентуры, о его собственной недальновидности. И тогда возникает опасность для удачно складывающейся карьеры.

Эти свои соображения Эрик Хонтауэр, впрочем, держал при себе и, конечно же, не сообщал о них в Лэнгли. При всем расположении к нему руководства Советского отдела и самого директора. Ответы на телеграммы он заканчивал обычно на оптимистической ноте: он уверен, что в результате новых операций Центральное разведывательное управление добьется поставленной цели и американский «крот» появится в Ясеневе! Резидентура, со своей стороны, сделает все необходимое, чтобы неудачного исхода не было.

Как и его шефа — начальника Советского отдела, — Эрика Хонтауэра поглотила версия о «кроте» КГБ в Лэнгли, выдавшего русским «Пилигрима». Он уверовал в эту спасительную идею о советском «кроте», как исключительном виновнике всех неудач и провалов московской резидентуры, сыпавшихся на нее в последние годы как из рога изобилия. Да, виноват «крот», подобный тому, которого в Лэнгли с таким усердием пестовали, пытаясь внедрить в лагерь противника, и которого теперь ЦРУ проглядело у себя. Других объяснений просто не может быть. В Центральном разведывательном управлении не ошибаются.

Наверное, Эрик Хонтауэр так никогда и не узнал об истории с фотоаппаратом «Минокс», забытом Арнольдом Бронсоном в салоне своей автомашины. Ведь сам Бронсон промолчал, возможно, считая инцидент с «Миноксом» не стоящим внимания. Да, пропажу он быстро обнаружил, нашел фотоаппарат там, где его обронил, и ничего с «Миноксом» не произошло, пленка была цела.

Когда в самом начале будущего года подойдет к концу срок командировки Эрика Хонтауэра в Москву и резидент ЦРУ вернется в Вашингтон, он получит новое назначение. Его новая работа приведет Хонтауэра в контрразведывательное управление Лэнгли, но он не забудет о неудачах в Москве. На новой должности он с удвоенной энергией примется за поиски русского «крота», чуть было не погубившего его карьеру.

Но как бы то ни было, Эрику Хонтауэру придется пробыть в Москве еще три-четыре месяца, и он волею судьбы будет вовлечен в увлекательную оперативную комбинацию, связанную с агентом «Рекрутом» и призванную компенсировать потерю «Пилигрима». Кто хочет, тот добьется, кто ищет — тот найдет.

Долгожданный новый шанс

Идея появилась, когда в конце сентября 1986 года пришло

очередное письмо «Рекрута». Расшифрованное в Советском отделе, оно вызвало радостное волнение его руководства. План использовать «Рекрута» в том деле, которое неожиданно сорвалось из-за разоблачения «Пилигрима», возник в светлой голове Питера Николса, которому первому довелось ознакомиться с поступившим из Москвы сообщением агента. «Везунчик» Николс! Он всегда привык играть по-крупному и срывал призы!

«Дорогие друзья! — писал «Рекрут» в письме, проделавшем многотысячемильный путь до своего адресата. — Получил вашу радиограмму о тайнике «Ряб» и взял посылку сразу, как вы посоветовали. Благодарю за новую копирку и письма, я ими воспользуюсь без задержки. Спасибо за вашу помощь. Деньги мне очень нужны. Теперь о других новостях. Через институт со мной связался работник учреждения, аналогичного вашему, и сделал мне предложение перейти к ним на работу. Их привлекает мой опыт. Меня же устраивает положение в институте, и я выразил сомнение, что могу быть полезен в новом качестве. Уговаривают, ссылаясь на лучшие материальные условия. Окончательный ответ ждут в течение месяца.

Рекрут».

Письмо «Рекрута» сразу же дало толчок идеям и конкретным планам. И уже на следующий день в Москву направилась радиограмма «Рекруту»:

«Дорогой друг!

Рады, что у вас все благополучно. В ближайшее время сообщим о новой посылке. Знаем, что помощь вам необходима. Просим вас только проявлять разумность в расходовании денег. Мы также советуем согласиться с предложением, которое вам сделано. Полагаем, что вы справитесь с новой работой и улучшите свое положение. Мы будем иметь возможность встречаться с вами чаще. Скоро устроим встречу в Москве. Ждем от вас подробных сообщений.

Ваши друзья».

Вулрич и Николс могли торжествовать. Удача всегда благосклонна к тем, кто ее настойчиво подзывает и терпеливо выжидает своего часа.

«Мы везде, мы стремимся знать все» — таков девиз Центрального разведывательного управления. И американцы действительно хотят охватить своим вниманием весь земной шар, все происходящие в мире процессы. И навязывать миру свои решения. Американской разведке многое удается. Так бывало не редко. На это в Лэнгли рассчитывают и сейчас. В то самое время, когда «Волк» Вулрич, «Везунчик» Питер и Эрик Хонтауэр,

подгоняемые неистовым директором ЦРУ, заняты поиском «истины». Той самой, которую уже при входе в здание штаб-квартиры внушают всем, кто трудится в Лэнгли. Та «истина» дает свободу и все то, чего добивается разведка — силой и мощью своего напора, деньгами и разумным терпением, хитростью и коварством.

Теперь, когда прибыло письмо «Рекрута», появилась почва для грандиозных планов, возможность внедрения американского «крота» в русскую разведслужбу. В Советском отделе засверкала новая надежда. А надежда, как известно, всегда умирает последней.

Глава одиннадцатая

Иллюзии и действительность
«Рекрут»

Аркадий Порываев с раннего возраста поражал окружающих своими способностями. В три года он умел читать и писать на своем родном языке. В пять под неусыпной опекой матери — учительницы в школе вполне сносно говорил по-английски и понимал передачи Би-би-си. Еще до школы отлично «путешествовал» по географической карте и знал множество эпизодов из отечественной и мировой истории. Возможно, быть бы ему вундеркиндом, да слишком рано он усвоил идею превосходства сильного над слабым, богатого над бедным, молодого над старым, крепкого здоровьем над немощным и больным.

Аркадий Порываев стал типичным представителем советской «золотой молодежи», появившейся в изобилии в послевоенное время и быстро набравшей самодовольную и напыщенную силу в определенных кругах столицы в последующие годы. «Сексапильный и крутой парень» — назвали бы его сейчас, но тогда, в восьмидесятые годы, поглощенные другими проблемами, так не говорили. И не было еще вездесущей рекламы, превращающей любой неходовой товар в драгоценность. Правда, не такой уж «крутой парень» был этот молодой человек.

Учеба в институте международных отношений, куда он попал не без протекции, давалась ему без особого труда. Ему нравились история и политические науки, английский язык, которым он владел с юных лет, он знал гораздо лучше большинства других студентов своего института, готовя себя к карьере дипломата.

Но в Министерство иностранных дел Порываева не взяли — слишком строгим был отбор на работу туда и очень некстати случилась громкая и некрасивая история с пьяным разгулом в компании с девицами не очень пристойного поведения. Не помогли ни папины связи, ни красный диплом, полученный в МГИМО. Вместо высотного здания на Смоленской площади он оказался — и опять-таки благодаря протекции — в не менее престижном уже в те времена Институте США и Канады, номинально входившем в Академию наук СССР.

Его это, правда, вполне устроило — Институт давал простор его незаурядным способностям и возможность совершать зарубежные поездки. Как раз в те страны, которые он изучал в МГИМО и где так мечтал побывать.

И вот его мечтам и надеждам суждено было наконец сбыться. Руководство Института, где новый младший научный сотрудник оказался на хорошем счету, решило направить его в Соединенные Штаты на трехмесячную стажировку в советском посольстве в Вашингтоне.

В столице США молодому ученому предстояло провести целых три месяца. Его поселили в арендованном посольством доме, где жили командированные на короткие сроки сотрудники и те, кому подыскивали жилье в городе.

Аркадий Порываев акклиматизировался в новой обстановке быстро. Ему, с его знанием английского языка и многих касавшихся США проблем, было несложно осуществлять подготовленный в Институте план командировки. Охотно и добросовестно он выполнял поручения дипломата, к которому был прикреплен. Тем более что в представительстве ему сразу же выделили для поездок по городу уже подержанный «форд», который намного облегчил стажеру его не очень сложные обязанности. Впрочем, и СИ-5 это обстоятельство существенно облегчало задачу — в машину был немедленно вмонтирован «жучок» — радиомаяк, позволявший вашингтонским детективам вести наблюдение за прибывшим русским, не вызывая у того излишних подозрений назойливостью преследователей.

Аркадий Порываев довольно быстро утолил свое туристическое любопытство. Многие достопримечательности Вашингтона были знакомы ему еще в Москве, по литературе, которую он внимательно и, как теперь оказалось, предусмотрительно штудировал. Ночная жизнь города его не очень манила, уютные кинотеатры и другие зрелища привлекали мало, к роскошным красочным витринам и богатым прилавкам магазинов он был почти равнодушен. Да и денег, которые давала командировка, все равно катастрофически не хватало, и он и не очень-то завидовал изобилию товаров в магазинах. В Москве он не страдал от отсутствия многих необходимых вещей и продуктов. Но вот что действительно вызывало жгучую зависть и потребность приобрести любым способом — так это новая стереоаппаратура, заиметь которую в Москве мог далеко не всякий желающий.

Комбинаторские таланты, которыми был наделен Аркадий, позволили найти сравнительно легкий способ решить проблему. Он отыскал в пригороде Вашингтона небольшой магазинчик, торгующий такой аппаратурой, с хозяином которого легко нашел общий язык, понятный всем, кто занимается бартером. Американец охотно обменял несколько бутылок русской водки и пару блоков кубинских сигар, выданных Порываеву для

представительских целей и приобретенных по дешевой цене на посольском складе, на два великолепных магнитофона и стереосистему новейшей конструкции. Ее и один из магнитофонов он решил взять себе, а второй продаст в Москве, рассчитывая выгодно заработать на сделке.

Визиты Аркадия Порываева к торговцу стереоаппаратурой не остались, конечно, незамеченными детективами СИ-5. Они легко договорились с предприимчивым американцем, быстро понявшим, что никакая опасность ему не угрожает. Он будет продолжать бартерные сделки с советским стажером, а фбр даже обязуется покрыть возможные убытки, на которое ему придется пойти. Патриотизм остается патриотизмом, даже если он связан с выгодными сделками!

Джон Каллохен сразу же усмотрел в создавшейся ситуации выгодный шанс.

«Как только дипломат или другой русский оказывается в Соединенных Штатах, — говорил он не однажды своему другу Джеймсу Вулричу, — мы не успокоимся до тех пор, пока не убедимся, что он «чист» перед нашим законом и не занимается чем-то предосудительным. Ну, а лучший способ добиться этого — вербовка объекта и привлечение его к тайному сотрудничеству. «Кортшип» удваивает наши возможности в этом отношении, а вы в Центральном разведывательном управлении получаете готового агента, которого можете использовать в Москве. Если кому-то нравится, пусть называет то, что мы делаем, — шантажом, мы же просто выявляем уязвимые места объекта и применяем методы, которые позволяют нам добиться успеха. Мы не применяем грубой силы, но не собираемся упускать своего шанса».

Затеянные русским стажером подпольные бартерные сделки и были тем шансом, который нельзя было терять. Но еще больший шанс ФБР и цру в этом эпизоде операции «Кортшип» сулила любвеобильная натура стажера. В дополнение к интимной интрижке с женой дипломата посольства, тосковавшей от недостаточного внимания мужа, часто бывавшего в разъездах по стране, Аркадий Порываев завел себе для сексуальных утех несколько более дорогую любовницу — вашингтонскую проститутку. Юная леди, с которой русский стажер как-то познакомился в баре, привела его к себе домой, а СИ-5 позаботилась о том, чтобы создать в квартирке своей новой «ласточки» комфорт для русского гостя.

Теперь на большом столе Главного специального агента ФБР в Вашингтоне появлялись все новые и новые пикантные фотографии, демонстрирующие любовные приключения нашего героя. А на экране телевизора, стоящего в углу просторного

кабинета Джона Каллохена, двигались «живые» картинки продажной страсти молодой куртизанки, овладевавшей новым для себя ремеслом.

Джеймс Вулрич и Джон Каллохен, впрочем, небольшие любители «клубнички». Они повидали много подобных сцен. Сейчас оба американца относятся к добытым их службами фотографиям и телевизионным сюжетам иначе все это вместе с предпринимательской деятельностью новоявленного Казановы создавало основу сотрудникам ФБР и ЦРУ для серьезного разговора с посольским стажером. И не только на темы морали. Даже не столько для этой высоконравственной цели.

Расплата за прегрешения совершенно не входила в планы Аркадия Порываева. Но она последовала незамедлительно, как за днем следует ночь, как за теплым летом наступает промозглая осень. Двое детективов из СИ-5 и сотрудник Советского отдела ЦРУ, обеспечив себе численное превосходство и вооружившись фотоматериалами и записями, сделанными скрытой кинокамерой, без труда сломили слабое сопротивление Аркадия Порываева и вынудили его принять условия капитуляции. Чтобы немного подсластить горькую пилюлю, американцы, убедившись, что русский стажер загнан в угол и понимает свое безвыходное положение, внушили ему, что сотрудничество с США будет весьма полезным для укрепления советско-американских отношений, нуждающихся сегодня в серьезном допинге. И еще один немаловажный допинг — связь с американскими спецслужбами будет выгодна лично ему, Аркадию Порываеву, в материальном плане.

Так младший научный сотрудник Института США и Канады стал «Рекрутом», а в особо засекреченных архивах ФБР и ЦРУ появилась учетная карточка нового агента, доступ к которой разрешался только высшим руководством. Впрочем, «Рекрут» — это был оперативный псевдоним агента в Центральном разведывательном управлении, а в вашингтонском управлении ФБР его именовали «Бахусом», как бы подчеркивая этим, что новому источнику подходит имя древнего бога вина и оргий.

На конспиративной квартире ФБР в Вашингтоне советский стажер, умиротворенный полюбовным соглашением, дал подписку о сотрудничестве с «правительством Соединенных Штатов» и получил рекомендации для работы с американской разведкой на тот период, когда вернется в Москву.

До окончания командировки Аркадия Порываева оставалось немногим более трех недель, и они оказались наиболее интенсивными для его новых работодателей. ФБР и особенно ЦРУ стремились получить такие материалы, которые крепко

привязали его к американцам и отрезали все пути отступления. То есть сделать то, что на языке спецслужб называется — «закрепление агента». С «Рекрутом»-«Бахусом» в спешном порядке проводились конспиративные встречи. Он передавал информацию об Институте США и Канады, о людях, которые там работают, о проблемах и научных разработках, которыми Институт занимается.

Федеральное бюро расследований очень интересует посольство СССР в Вашингтоне, и в первую очередь, кто из сотрудников советского представительства имеет отношение к Комитету государственной безопасности и к ГРУ — советской военной разведке. ЦРУ тоже не остается в стороне — такая информация ценится в Лэнгли, хотя и по другим причинам. Центральное разведывательное управление ищет возможных «кротов». Ищет их и в Соединенных Штатах.

Разработанная в ФБР и в ЦРУ методика определения принадлежности сотрудников советских дипломатических представительств к спецслужбам очень проста, хотя далеко не всегда дает нужные результаты. Всего лишь четыре формулировки ответов, которые должен дать опрашиваемый. «Определенно да», «вероятно», «возможно» и «определенно нет».

Вот и к «Рекруту» была применена эта нехитрая методика, дающая возможность ее изобретателям зачислять в подозреваемые немало сотрудников представительства.

Новый агент не может сообщить точных данных. Он знаком лишь с несколькими дипломатами и, право же, не знает, кто из них связан с КГБ. Даваемые им ответы весьма расплывчаты, это не те формулировки, что придуманы американцами. Чаще всего — это неопределенное мычание человека, желающего угодить, но обеспокоенного тем, что у него ничего не получается. Аркадий Порываев — научный работник, он приучен оперировать фактами и не может фантазировать. Ну, а точных фактов у него нет.

Американцы внимательно выслушивают Аркадия Порываева, его ответы фиксируются на магнитофон, исписано немало бумаги.

Завербованный агент должен быть использован с максимальной пользой для дела! «Может ли Аркадий достать для американцев справочник телефонов внутреннего коммутатора посольства?» — «Конечно, если вас это интересует». «Сможете ли составить схему помещений представительства?» — «Вот это уже труднее, мне позволено посещать только нижние этажи». «Может ли занести в кабинет посла и прикрепить, например, к одному из стульев небольшое устройство для контроля разговоров?» — «Боюсь, что с этим у меня ничего не выйдет».

Настойчиво, методично и тщательно опрашивали «Рекрута» на встречах, задавая подготовленные заранее вопросы. Десятки магнитофонных кассет уносили работники ФБР и ЦРУ, чтобы в спокойной обстановке вновь прослушать ответы агента. И подвергнуть их вдумчивому и придирчивому анализу.

Да, возможности у «Рекрута» небольшие. Пока. Может быть, со временем они, безусловно, расширятся. В Советском отделе Оперативного Директората в этом уверены. Поэтому московская резидентура не будет проводить с «Рекрутом» личных встреч, пока будут действовать другие способы связи, более безопасные для ЦРУ. Агента срочно обучают всем этим приемам использованию международной почтовой переписки на адреса в США и Европе, которые ему дадут, шифрованию и дешифрованию сообщений, пользованию копиркой, прослушиванию и расшифровке радиопередач, постановке условных сигналов в Москве. Собственно говоря, обучение этим премудростям шпионской работы ничем не отличается от того, как Лэнгли поступает с другими своими агентами, завербованными за границей. Все необходимое он получит через тайники в Москве. Ему сообщат о них по его домашнему телефону уже в Москве. Будут условные выражения, о которых надо договориться.

Американцы знают, что помимо других «аргументов» у них есть еще один сильный козырь — деньги. «Рекрут» против этой приманки не устоит. И ему сообщают, что на его имя открывается долларовый счет в одном из американских банков. Деньги будут накапливаться, и агент получит их, когда, проработав на ЦРУ определенное время в Советском Союзе и выполнив поручения, которые ему будут даваться, приедет в Соединенные Штаты и, возможно, захочет здесь остаться. Это — хороший козырь, его пускают в ход не с каждым агентом. Но, как считают в Лэнгли, в данном случае игра стоит свеч.

Недели за две до отлета «Рекрута» из Вашингтона с новым агентом Центрального разведывательного управления встретился на конспиративной квартире сам заместитель начальника Советского отдела Питер Николс. Он представился русскому стажеру как «м-р Джекобс» и вручил «Рекруту» подарок американцев — дорогую авторучку «Паркер». С тех пор как она побывала в руках специалистов Лэнгли, она стала еще дороже. В ней была спрятана уже проявленная миниатюрная фотопленка с условиями связи и заданиями разведки.

Заботливо упакованные в авторучку «Паркер» задания ЦРУ охватывают десятки тем. Основные из них те, которыми занимается Институт США и Канады. Практически все проблемы внешней политики «главного противника» Соединенных Штатов.

Они должны быть известны «Рекруту». Важная тема — разоружение, к ней агент имеет прямое отношение. Ну и, конечно, Польша и Афганистан, две болевые точки Советского Союза. В соседнем Афганистане уже льется кровь, в соседней Польше — она может пролиться.

«Везунчик» еще дважды успел встретиться с новым агентом. «Рекрут» снова получил «подарок» от Лэнгли — дорогой и изящный фотоальбом с видами столицы Соединенных Штатов. В нем были искусно заделаны «сувениры» — три письма от «туристов-иностранцев» на конспиративные адреса ЦРУ в Европе и США. В этих письмах агент будет переправлять в Лэнгли свою информацию. Ту, которую с нетерпением станут ждать в Советском отделе. И копирка, с помощью которой «Рекрут» напишет свои сообщения, тоже удобно устроилась в фотоальбоме с видами Вашингтона.

Николсу нравилось проводить личные встречи с завербованными агентами. Необходимо внушить «Рекруту» побольше уверенности, настроить его на строгое выполнение указаний и требований Лэнгли. В конце концов, от этого зависит его безопасность.

Личный контакт — один из важнейших элементов оперативной работы. Он дает возможность лучше узнать человека, с которым предстоит работать, увидеть его сильные и слабые стороны, наладить отношения, которые скажутся на успехе дела.

Ложь во спасение

Кошмар своего нового, необычного положения Аркадий Порываев в полной мере ощутил в самолете, взявшем в холодном марте 1985 года курс на Москву. Кончилось спокойное благополучие, канула в небытие безмятежная жизнь. В заснеженной Москве, медленно расстающейся с зимой, тревожное чувство уже не покидало Порываева.

Решение, как бывает во многих случаях, пришло неожиданно. Он знал, что некоторые его бывшие сокурсники попали по распределению в органы государственной безопасности, в какое из подразделений КГБ — в разведку или контрразведку, — Порываев не знал, но среди них был его хороший знакомый, вот к нему и решил обратиться за советом младший научный сотрудник Института США и Канады, попавший в столь запутанную и опасную историю в Вашингтоне. Он не рассказал ему всего, что с ним случилось, но не стал скрывать, что очень обеспокоен и думает, что американцы могут преследовать его в Советском Союзе.

Приятель внимательно выслушал сбивчивый рассказ

Порываева, понял, что произошло что-то нешуточное, и, не задавая лишних вопросов, предложил организовать ему встречу с человеком, «более компетентным, чем он сам, в вопросах, связанных с американцами».

Вот так в жизни Аркадия Порываева появился Станислав из Американского отдела Второго главного управления. Молодой сотрудник контрразведки оценил обстановку и на следующей встрече, организованной в номере гостиницы «Метрополь», уже был не один. Вторым человеком, проявившим большой интерес к рассказу Аркадия Порываева, стал Сергей Александрович Краснов.

Начальник американского отдела услышал от Аркадия Порываева душещипательную историю о том, что произошло с ним в Вашингтоне. Историю о том, как на одной из широких улиц столицы Соединенных Штатов «четверо каких-то крепких парней» силой затащили его в машину, надели черную повязку на глаза и залепили рот пластырем, привезли на квартиру на окраине города и угрозами заставили согласиться работать на американскую разведку. Ту самую историю, которая так поразила Станислава на их первом свидании и вызвала немалое удивление и желание пригласить на встречу своего шефа.

Сергей Александрович Краснов, правда, не очень удивился. Ему приходилось видеть и слышать всякое от людей, оступившихся на неровной дороге жизни. Ему не в диковинку выслушивать всякие байки. К тому же через его руки за многие годы работы в контрразведке прошло немало оперативных документов Комитета государственной безопасности, повествующих о приемах и методах, применяемых спецслужбами США.

— Послушайте. Аркадий, — вы позволите мне называть вас по имени, ведь я значительно старше Вас и, наверное, гожусь вам в отцы, — Сергей Александрович не стал слишком уж прямо уличать Порываева. — Мне, право же, неловко. Когда мой маленький внук рассказывает всякие небылицы, я понимаю, что он еще живет в мире сказок. Но вы-то ведь не мальчик, и мифологией вам заниматься не к лицу. Я отлично понимаю: у вас — особый случай и вам нужна ложь во спасение. Вы хотите выглядеть невинной жертвой. Могу вам сказать: вы, очевидно, действительно жертва, жертва серьезной провокации американской разведки. Но невозможно принять ваш «страшный» рассказ и поверить, что вы не дали повода заманить в ас в ловушку. Не так ли?

Порываев как-то сразу сник и даже всхлипнул.

— Вы пытаетесь нас разжалобить, Аркадий, — нам вас и так

жалко. Но надо отвечать за свои действия, а сейчас — быть предельно откровенным. Поверьте, мы знаем о Вас достаточно, чтобы услышать честный рассказ о «приключениях» в Вашингтоне. Я вас не принуждаю, вы можете поступать так, как сочтете нужным, но это действительно ваш единственный шанс сейчас. Ложь, фантазии, недомолвки — пойдут вам только во вред. У вас хорошая репутация в Институте, но ваше личное поведение вне института оставляет желать лучшего. Ну и потом, трудно поверить в то, что стажеру посольства удалось приобрести на небольшую зарплату столько дорогой, новейшей техники, как вы указали в своей таможенной декларации в Шереметьеве. Расскажите, как было дело, просим вас. Заодно поведайте нам, как американцы будут работать с вами в Москве. Ведь нельзя же всерьез поверить тому, что они, как вы говорите, «найдут вас» здесь. В конце концов, вы же сами к нам обратились.

Нельзя сказать, чтобы призыв Сергея Александровича к откровенности сразу и чудодейственно нашел путь к разуму молодого сотрудника Института США и Канады. Он пытался что-то сбивчиво объяснить контрразведчикам, потом молчал, собираясь с мыслями, и снова говорил и говорил…

Беседа в гостинице «Метрополь» с ее неизбежными перерывами на долгое молчание Порываева, на кофе и бутерброды, на другие неизбежные паузы затянулась на долгие часы. И все же она должна была завершиться, как заканчивается все в этом мире.

Аркадий Порываев начал рассказывать.

— Знаете, Аркадий, — сказал Сергей Александрович Краснов, когда усталые собеседники уже поднимались с мест, — сейчас мы закончим нашу сегодняшнюю беседу. Станислав поедет с вами, по дороге вы, возможно, вспомните еще какие-то детали, А дома, — вы ведь живете один? — вы отдадите ему «Паркер», о котором так интересно рассказали. Мы с вами будем встречаться, если не возражаете, надо до конца разобраться в тех хитросплетениях американцев, в которых вы запутались. И думаю, вы не меньше нас заинтересованы и в этом, и в том, чтобы наше общение проходило незаметно для других. Не правда ли?

Комбинация контрразведки

В кабинете начальника Американского отдела Второго главного управления в новом здании КГБ на улице Дзержинского не совсем обычные, но все же будничные, хлопоты контрразведки. На столе у Сергея Александровича стоит магнитофон с записью беседы с Аркадием Порываевым в гостинице «Метрополь».

Станислав, хозяин магнитофона, почти наизусть выучил вашингтонскую историю «Рекрута», а Алексей Владимирович

Климов слушает впервые признания агента ЦРУ. С интересом и вниманием.

То, что происходит в кабинете в этот весенний день 1986 года, нельзя назвать жаркими дебатами, но недаром говорится: сколько людей, столько и мнений. Не будем удивляться: в военных ведомствах, где царит единоначалие и каким является Комитет государственной безопасности, такое случается нередко. До принятия решения и приказа командира.

Сергей Александрович поощряет споры, и они порой приобретают форму острого диспута. Но, пожалуй, не в этот раз. Картина представляется всем ясной. Не совсем, правда, еще ясно — что же делать.

— Не поговорить ли нам со следователями? — предлагает ортодоксально настроенный Станислав, — ведь наверняка в этом деле есть состав преступления. Да и прямые улики теперь имеются в нашем распоряжении.

Алексей Владимирович Климов настроен не столь категорически, но и он согласен, что в действиях бывшего стажера посольства присутствуют многие элементы тягчайшего преступления — измены Родине. Хоть и совершенного под давлением. Наверное, консультация со следственным отделом необходима. Да и коллег из разведки надо поставить в известность. Климов колеблется, у него еще не сформировалось мнение о том, как поступить. Ведь налицо — явка с повинной.

— Давайте подумаем, — следует ли действовать так радикально, включается в разговор Сергей Александрович, — парень здорово оступился, это несомненно. Несомненно и то, что американская разведка прибрала его к рукам и сумела получить от него какую-то секретную информацию. Этим надо заняться и вместе со следователями, может быть, не посвящая их во все детали, выяснить все то, что выдал противнику Порываев и какой ущерб это наносит интересам нашей страны и ее безопасности. Но крайне важно попытаться организовать оперативную игру с противником с участием этого парня. Кажется, он не прочь нам помочь.

Климову нравится идея начальника отдела, и он уже видит некоторые заманчивые перспективы игры с американцами. Сергей Александрович доволен руководитель важнейшего подразделения его отдела начинает проникаться той мыслью, которая вызревает в его уме.

— Наша задача — не только покарать человека за совершенное преступление. Гораздо важнее — выявить само преступление, найти и обезвредить того, кто на него решился. Это — во-первых. Ну, а потом, ведь он сам к нам пришел, пусть и

с придуманной легендой. А это значит осознает свою вину и, более того, готов как-то поправить то, что натворил. Алексей Владимирович прав: нам очень нужна оперативная игра с американской разведкой, и, возможно, удастся втянуть в нее посольскую резидентуру ЦРУ. Это — во-вторых. И сейчас это — главное. Закон дает нам такое право и такую возможность. Будем считать, что мы договорились, и первое обсуждение закончено. Теперь требуется конкретный план действий. Займитесь этим, Алексей Владимирович. А с Порываевым надо плотно поработать. И понаблюдать за ним. Вам, Станислав, мы это и поручим. Согласование всех вопросов со следователями и с Первым Главным управлением я возьму на себя.

Климов и Станислав понимают: их шеф не хочет лишней огласки. Оба согласно кивают головами и, вернувшись, принимаются за дело.

Беспокойных забот теперь у «Рекрута» — полон рот. Но это нисколько не странно и вполне в ладах с его авантюрным характером. Ему нравится, что он вовлечен в схватку с американской разведкой. Регулярное общение со Станиславом возвращает ему уверенность и силу.

В Институте осложнений нет и, по-видимому, не предвидится, не чувствуется и намека на огласку о его похождениях в Вашингтоне — КГБ умеет держать свое слово. Аркадий Порываев успокоился и даже с определенным удовольствием делает то, что велят ему работник контрразведки Климов и изредка встречающийся с ним руководитель американского контршпионажа полковник Краснов.

Весна и лето года оказались для Американского отдела контрразведки чрезвычайно интересными и продуктивными. «Рекрут» аккуратно ставил условные знаки-сигналы для американцев. Разведчики московской резидентуры ЦРУ так же аккуратно фиксировали их, проезжая на своих автомашинах мимо почтовых ящиков, арок домов, столбов уличного освещения, где агент оставлял свои «помадные» следы. Один раз в два-три месяца «Рекрут» отправлял на подставные адреса ЦРУ полученные в Вашингтоне письма от мнимых «американских туристов», вписывая тайнописью в листы вложений информацию, которую ему помогали составлять на улице Дзержинского.

Предусмотрительные американцы снабдили его еще в Вашингтоне такими письмами. Три конверта с адресами и исписанными листками вложения были аккуратно и заботливо заделаны в обложку альбома пластинок с записями популярного во всем мире Фрэнка Синатры.

Копирку, которой служил лист белой бумаги, и прятать-то

особо не надо. Стажер посольства просто положил его вместе со своими заметками, которые делал согласно институтскому плану командировки.

Исправно, без сбоев, работала и радиолиния Франкфурт-на-Майне Москва. В лаконичных телеграммах «Рекруту» сообщали о поступлении на подставные адреса ЦРУ его писем и выражали признательность за четко и аккуратно поставленные сигналы.

Наконец, в начале июля «Рекрут» получил свой первый обещанный «камень» — большой кусок асфальта, заложенный в тайник на тихой окраинной улице Москвы не известным американскому отделу разведчиком ЦРУ. Собственно говоря, какой это тайник? — разведчик посольской резидентуры просто положил кусок асфальта за дальней стенкой металлического гаража. Таких гаражей немало в Москве. Хорошо еще, что владелец гаража не соблазнился использовать «камень» для своих хозяйственных нужд. Наверное, слишком уж грязен и неказист был этот кусок асфальта.

В тайнике было немного денег, задания по сбору политической информации и — почему-то! — только одно письмо от «американского туриста». Непонятно, почему всего лишь одно? Может быть, не нашлось больше адресов «почтовых ящиков» ЦРУ? Или другие не умещались в тайниковом контейнере? В Американском отделе контрразведки недоумевали. Не находилось ответа и у самого «Рекрута».

Но особое изумление вызвала извлеченная Станиславом из вскрытого куска «асфальта» записка с печатным текстом:

«Внимание! Товарищ, ты случайно проник в чужую тайну, подобрав чужие вещи, которые были предназначены не для тебя. Оставь деньги себе, а все остальное выброси в реку, в глубокое место. Никому не говори о своей находке, иначе ты подвергнешь свою жизнь и жизнь своих близких большим неприятностям. Мы тебя предупредили!»

— Да, конспирация и предосторожность, — сказал Климов, разглядывая заделанную в целлофан записку, — психологический ход, порожденный собственным менталитетом. Думаю, что у нас найдется немного людей, которые поступят так, как рекомендуют в ЦРУ. Хотя, наверное, кое-кому захочется воспользоваться «подарком».

Последовавшее за этим неожиданным эпизодом общее веселье быстро сменилось в кабинете Алексея Владимировича Климова обычной рабочей суматохой. Многое становилось понятным, но оставались загадки…

В радиограмме «друзья» назвали тайник кодовым именем «Абрам», что было вполне понятно в свете того, что улица, где

был спрятан «камень», именовалась Абрамцевской.

А радиограмме из Франкфурта-на-Майне накануне вечером предшествовал телефонный звонок на квартиру «Рекрута». Неизвестный мужчина-иностранец, говоривший по-русски с небольшим акцентом, назвал пароль и, получив в ответ подтверждение агента, сообщил, что очень скоро придет «посылка от тети» и «подробности» будут в телеграмме. «Рекруту» и в Американском отделе все было понятно. На улице Дзержинского только гадали, кто же был этот таинственный незнакомец и кто положил «камень». Долгое время подозрения так и оставались подозрениями. Не исключалось, правда, что «камень» был оставлен в тайнике «Абрам» еще до того, как послали радиограмму. А сам «каменщик» еще долго оставался загадкой. Тем более что звонивший «Рекруту» вполне мог изменить голос…

«Рекрут» нарисовал губной помадой очередную метку о получении «посылки» и направил «друзьям» новое письмо, а вскоре — и другое, стал ждать, когда последуют очередные телеграммы. Терпеливо ждали и в Американском отделе контрразведки, писем «туристов» у «Рекрута» больше не было.

В конце августа и в начале сентября от «американских друзей» пришли с небольшим разрывом по времени две радиограммы, и в каждой из них снова выражались благодарность за информацию и надежда на «плодотворное сотрудничество» и в будущем и ставился один и тот же вопрос: не планируется ли у агента заграничная командировка в ближайшее время. Но во второй августовской телеграмме сообщалось о том, что для «Рекрута» в тайнике «Ряб» на улице Рябиновая оставлена новая «посылка» — с новыми шифрами, с новой порцией писем «туристов», заданиями и деньгами. Внушительной суммой по тем временам. И хотя радиограмма и в этот раз была послана уже после закладки «камня», Американскому отделу контрразведки удалось разыскать того, кто осуществил эту разведывательную операцию. И это был не «Нарцисс», которому в резидентуре уже давно не поручали деликатных акций. Берегли.

Ходоком к тайнику «Ряб» оказался еще не известный контрразведке сотрудник резидентуры ЦРУ — атташе посольства из административнохозяйственного отдела Лоренс Кроуфорд. В Американском отделе научились находить разведчиков-агентуристов московской резидентуры. Иногда позже, чем этого хотелось, но всегда достаточно надежно.

Лоренс Кроуфорд, считал Алексей Владимирович Климов, показал себя умным и ловким агентуристом, вероятно, что именно он приложил руку и к первому камню для «Рекрута» — тайнику «Абрам». Разведчика-агентуриста резидентуры решили

не трогать — нельзя было позволить, чтобы в Лэнгли возникли хотя бы малейшие подозрения насчет «Рекрута». Тоже по-своему берегли.

В Американском отделе поняли: в Лэнгли ценят «Рекрута», но, очевидно, не решаются передавать его на личную связь посольской резидентуре и ждут, когда он в очередной раз выедет за границу. Вот тогда-то у Сергея Александровича Краснова и Анатолия Климова и возник смелый план вызвать Центральное разведывательное управление на более активные действия. Это случилось в то самое время, когда «Нарцисс», неосторожно для себя и к удовлетворению советской контрразведки, уронил в автомашине свой «Минокс» и тем привел контрразведчиков на улицу Академика Павлова к «Павлину». Где, уже потом, был задержан «Пилигрим» — агент Центрального разведывательного управления в Ясеневе.

Почему же не использовать страстную тягу Лэнгли к Первому Главному управлению КГБ? Почему бы «Рекруту» не сыграть свою роль в этой оперативной игре, которая учитывает вполне реальные интересы ЦРУ? К тому же самому «Рекруту» совсем не обязательно знать весь замысел комбинации. Письмо для американцев можно направить без его участия. И ответ разведки будет расшифрован не агентом, а оперработником Американского отдела Второго Главного управления.

Руководство Комитета государственной безопасности поддержало смелый план Американского отдела контрразведки. Вашингтон идет напролом. «Айсберг» Лэнгли неудержимо движется по бурному морю, набирая скорость и готовясь к сокрушительному тарану всей своей массой — надводной и подводной.

Вот таковы были основные причины создания того письма в адрес американского получателя, которое проделало долгий путь в Советский отдел Оперативного Директората ЦРУ и так обрадовало Джеймса Вулрича и его заместителя.

Быстрая ответная радиограмма Лэнгли впечатляла. Похоже, в ЦРУ «заглотнули наживку», и следует ожидать весьма любопытного развития событий.

В контрразведке умели ждать. Как умеет это делать терпеливая кошка, сидя у обнаруженной в квартире прогрызанной мышами норки, откуда рано или поздно выйдет на свой роковой промысел обреченная жертва.

Лэнгли идет ва-банк

В конце сентября на пятом этаже в здании Лэнгли, где расползались помещения Советского отдела Оперативного Директората, царило радостное оживление. Собирали урожай —

завершились успехом разведывательные операции в ряде стран Восточной Европы, сообщили о «подвижках» в делах на дипломатов Советского Союза «русские группы» в некоторых резидентурах стран Азии, а главное — пришла неожиданная, но очень приятная весть из Москвы — «Рекрут» сообщил о поступившем ему приглашении из Первого Главного управления КГБ.

Шеф Советского отдела «загорелся» новой идей не на шутку. Она казалась ему компенсацией за недавнюю неудачу с «Пилигримом», ниспосланным ему свыше божественным провидением, в которое он верил и которое приближал, как мог.

Разработкой плана операции охотно занялся его заместитель, «первополучатель» письма «Рекрута». Джеймс Вулрич и «Везунчик» были уверены: если «Рекрут» попадет в Ясенево, он неминуемо окажется в Американском отделе русской разведслужбы. Эта уверенность не была необоснованной: в Институте США и Канады агент работал над американской проблематикой, был на стажировке в Вашингтоне, блестяще владел английским языком, возможно, ему придется обучаться в школе разведки, но, скорее всего, это будут краткосрочные курсы. В любом случае открывалась возможность проникнуть в Ясенево. Американский «крот» там был очень нужен Центральному разведывательному управлению.

И не только потому, что в Лэнгли давно возник и сейчас снова развивался синдром русского «крота», погубившего «Пилигрима».

Дело «Пилигрима» постепенно уходило в историю и стало понемногу забываться. Появились иные заботы, они заслоняли прошлое и толкали к новым решениям.

Однако русский «крот» маячил как призрак, то раздуваемый до размеров гигантского, всемогущего монстра, когда случались неудачи, то слегка отступая в тень, когда разливалась эйфория успехов. Но о нем не забывали. Особенно те, кто пострадал или те, кому это было положено по положению охотников за кротами.

— Послушайте, Питер, — сказал Вулрич своему заместителю, когда в Москву ушла радиограмма с рекомендацией агенту принять предложение разведки, а из московской резидентуры поступило сообщение о новом сигнале «Рекрута», — я думаю о серьезной долгосрочной перспективе. Мне кажется, «Рекрут» не очень хочет уходить из своего Института. Возможно, не желает прогадать — ведь, наверное, в Институте у него прочное, спокойное положение.

Да и материальное положение в таком солидном научном учреждении, как академический институт, у него неплохое.

Правда, вы, наверное, заметили, его тянет к заграничным поездкам, работа в Первом Главном управлении даст ему гораздо больше возможностей в этом отношении.

— Я с вами согласен, сэр. Он умеет устраиваться, и очень солидно зарабатывает на публикациях и лекциях. Эти ученые очень капризны, особенно те, кто начинает свою карьеру. Он, несомненно, ценит себя в таком качестве. Мне приготовили список опубликованных им исследований, наверное, за них хорошо платят. Придется его уговаривать и что-то еще посулить. Он знает, как мы к нему внимательны, знает, что открыли для него счет в нашем банке. Но не знает, какими будут наши взносы. Думаю, что необходимо ему сообщить о конкретной сумме вклада и о поступлениях на этот банковский счет.

— В последующих наших телеграммах — денежную тему необходимо усилить. И постоянно показывать внимание к нему. Но не будем забывать, что он от нас зависит и будет еще долго помнить о своих делах здесь. Надо в деликатной форме напоминать ему о них. Есть еще одно обстоятельство, я над ним задумываюсь, может быть, немного забегая вперед. При всей авантюристичности характера он не отличается отвагой, скорее, его можно даже назвать слабым человеком. Пока он работает в своей стране, мы должны поддерживать в нем уверенность и демонстрировать внимание. У меня складывается впечатление, что когда он вновь окажется за рубежом, он не захочет возвращаться в Советский Союз. И мы не сможем ему воспрепятствовать в этом. Поэтому необходимо постараться убедить «Рекрута» в том, чтобы он подольше поработал в своей стране. И, конечно, побольше получить от него информации о русской разведслужбе. Он должен совершенно четко усвоить, что платить мы ему будем только за конкретную и важную информацию. А это прямая связь с его работой в Ясеневе. Необходимо это отчетливо понять. Я все же надеюсь, что мы сможем решить главную задачу — выяснить, проникли ли русские в Лэнгли. Иногда мне кажется, что они стоят у меня за спиной.

Вечером в этот же день Джеймс Вулрич подписал новую телеграмму в Москву:

«Дорогой друг!

Благодарим вас за ваш знак о получении посылки в тайнике «Руб». Наше высшее руководство довольно, что вас приглашают на ответственную работу. Ждем от вас подробностей. Это свидетельство ваших больших способностей и ума. Мы уверены, что новая работа раскроет ваши таланты. Надеемся также, что она даст возможность получить доступ к новой информации. Мы будем платить за нее согласно ее ценности. Нам кажется, что она

будет намного важнее той, которую вы имеете сейчас. Наше сотрудничество должно быть взаимовыгодным. Ваш счет в банке сейчас составляет 10.550 долларов. Теперь мы будем переводить на ваш счет 1.200 долларов каждый месяц. Ваша информация будет оплачиваться отдельно. Мы рассчитываем, что вы поработаете в вашей стране не менее 2-х лет. В этом случае вы получите дополнительное вознаграждение за работу в сложных условиях. Мы уверены, что вы будете строго придерживаться наших рекомендаций. Это — гарантия вашей безопасности. Надеемся также, что вы будет осторожны с деньгами, которые мы вам посылаем, и осмотрительны насчет того, что с вами произошло здесь. Как только мы получим ваш сигнал об этой телеграмме, мы передадим вам новую посылку с новыми условиями контакта. Напоминаем вам, что ждем от вас новой информации об Афганистане. Нашему руководству важно знать, как в Москве оценивают военные и политические перспективы этого конфликта. Ваши друзья».

Лэнгли упорно рвется к «истине», и «Рекрут» может раскрыть некоторые тайны, которые скрывают в Кремле.

Глава двенадцатая

Ходы и контрходы
В кабинете директора Лэнгли

Телеграммы из Советского отдела в московскую резидентуру и из резидентуры в Лэнгли шли, не давая передышки их получателям. Большинство из тех, что поступали из Москвы, оседали в кабинете Джеймса Вулрича. Некоторые попадали к начальнику Оперативного Директората Фреду Паркинсу, а иные, напоминая о том значении, которое отводили в Лэнгли резидентуре разведки в стане «главного противника», поднимались выше — на седьмой этаж и ложились на рабочий стол директора Центрального разведывательного управления. Если шефу ЦРУ случалось в это время быть в Вашингтоне, что было не так уж часто. Или о них докладывалось директору Лэнгли там, где ему доводилось быть в данный момент.

Уильяма Кейси, в отличие от многих его предшественников, нельзя назвать кабинетным работником. Не слыл он и завсегдатаем вашингтонских салонов. Столичные политические тусовки и интриги не привлекали его. «Старина Билл», как его звали в Лэнгли, предпочитал интриги совсем иного рода. И был «великим путешественником».

Высшие руководители американской разведки, как правило, не часто выезжали за границу и даже за пределы столицы Соединенных Штатов. Кейси не из этой категории домоседов. Он большой любитель встреч с иностранными политическими и военными деятелями, с руководителями зарубежных спецслужб. Особенно с теми, кого можно использовать в борьбе с «главным противником».

Уильям Кейси болен, его болезнь неизлечима. Скоро он сам об этом узнает. Но до последнего дня будет жить ответственностью за непростое дело, которое ему доверили, и ненавистью, которая будет питать его самого до конца отпущенного ему судьбой срока жизни. Путешествия по свету и встречи с нужными для дела людьми поддерживают его на плаву.

Вот и теперь он только что вернулся из утомительной для его здоровья и возраста очередной поездки в Пакистан, который уже в течение ряда лет был основной базой военных и разведывательных операций против ненавистного противника США — Советского Союза. Принадлежавший лично директору Лэнгли самолет С-141 «Старлифтер» мягко приземлился на военной базе Эндрюс близ Вашингтона, оставив позади десятки

тысяч миль полетного пути и доставив в Вашингтон материалы приятных и полезных результатов встреч с президентом Зия Уль-Хаком и начальником пакистанской разведки.

Советскому лидеру Никите Сергеевичу Хрущеву, известному в мире своими экстравагантными суждениями, принадлежит обращенная к недругам СССР фраза: «Мы вам покажем кузькину мать!» Никто на Западе так и не узнал, что же это такое — «кузькина мать» и где ее можно отыскать. Президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейган был более конкретен. Он угрожал устроить русским в Афганистане «кровавую баню», какой в свое время был Вьетнам для американцев. Теперь эта крылатая фраза, как и «кузькина мать» Хрущева, прочно вошла в исторические летописи.

Советники американского президента постарались наполнить эту фразу своего лидера полновесным содержанием. Директор Центрального разведывательного управления Уильям Кейси был одержим идеей «пустить коммунистам кровь в Афганистане». Он мечтал о том, чтобы в Советский Союз прибывало из Афганистана как можно больше зловещих «черных тюльпанов» самолетов с телами советских солдат, убитых на территории нашего южного соседа.

В эти годы Афганистан — предмет пристального внимания директора ЦРУ, и многие заграничные путешествия шефа Лэнгли были так или иначе связаны с афганским конфликтом. «Старлифтер» всегда наготове.

Возвращаясь в Вашингтон, Кейси по телефону прямой связи напомнил из самолета о назначенной на этот день встрече с начальником Оперативного Директората и руководителем Советского отдела. У шефа ЦРУ хорошая память. И хороший помощник, напоминающий ему о всех делах, которые ему предстоит сделать. Директору Лэнгли необходимо отдать новые распоряжения. И ему очень нужна информация из Москвы.

Шеф Центрального разведывательного управления лично знаком с начальниками отделов директоратов разведки, знает их достоинства и недостатки. К Джеймсу Вулричу он относится с большим уважением. Не только как к руководителю ключевого подразделения, стоящего на острие конфронтации с «главным противником» и держащего в своих руках нити основных сражений с «империей зла». Но и как к разведчику с огромным опытом и пониманием насущных задач, которые решают Соединенные Штаты. Уильям Кейси ценит «Волка» Вулрича за его хватку и бьющую ключом энергию, за то, что органически присуще ему самому.

Начальнику Советского отдела недаром разрешен прямой

доступ к шефу Лэнгли, минуя его непосредственного руководителя Фреда Паркинса, возглавляющего Оперативный Директорат. Паркинс, старый работник разведки, а теперь один из его четырех заместителей, достался Уильяму Кейси в наследство от адмирала Стэнсфилда Тернера, прежнего хозяина Лэнгли. Со временем Кейси может заменить его своим человеком, но пока относится к нему снисходительно и терпит его флегматичный и вялый характер, трудно усваивающий требования нового «крестового похода», который объявлен президентом и которому должны быть подчинены все планы и действия ЦРУ. Фредди Паркинс великолепный менеджер, можно сказать, административный гений. Из двух сложнейших искусств — управления людьми и управления событиями — он отлично владеет первым. Может быть, именно за это качество, которого ему всегда недоставало, Уильям Кейси не торопился менять начальника своего Оперативного Директората. Не беда, что в оперативных делах разведки он начинает отставать и позволяет обгонять себя. Оперативным искусством будут заниматься другие. Тот же Джеймс Вулрич. Начальники отделов и — основное звено ЦРУ — резиденты. Они не подведут.

Сегодня директор Лэнгли принимает их вместе: своего заместителя начальника Оперативного Директората и руководителя Советского отдела. Так необходимо для дела.

…В кабинет 7Д70, находящийся в секции «Д» 7 этажа, можно попасть разными путями: по лестнице, лифтами на седьмой этаж и специальным лифтом, доставляющим посетителей в приемную с укрепленной на дверях желтого цвета табличкой — «Директор Центральной разведки».

Во всех этих случаях посетителям не миновать небольшой стеклянной будки с двумя охранниками, похожими друг на друга и своей униформой, и внешностью. Они бдительно наблюдают за входящими, следя за тем, чтобы те, кто не принадлежал к элите разведки, имел бы соответствующее разрешение на проход в кабинет руководителя ЦРУ.

Джеймса Вулрича охранники хорошо знают, и проблем попасть в кабинет 7Д70 у него нет.

— Здравствуйте, Джеймс, — приветствовала Вулрича Дороии Гринберг, полная, пожилая женщина, секретарь директора разведки. Они давно знакомы, и Дороти с полным правом обращается к начальнику Советского отдела просто по имени. — Вы пришли раньше назначенного времени. А вот Фредди Паркинса еще нет. Господи, он, как всегда, запаздывает. Директор очень не любит такую неаккуратность. Думаю, вам придется немного подождать и пройти к директору вдвоем.

Запыхавшийся от быстрой ходьбы Фред Паркинс показался в дверях кабинета шефа разведки уже тогда, когда Джеймс Вулрич, удобно устроившись в кресле приемной, просматривал утренние газеты. Они тут же были приглашены к директору.

Кабинет начальника разведки имел какой-то неухоженный, неопрятный вид. Как и его нынешний владелец. Несмотря на все старания Дороти Гринберг держать его в образцовом порядке. Казалось, хозяину кабинета не были важны комфорт и удобства, устроенные главным проектировщиком Лэнгли Алленом Даллесом, великим снобом и ценителем роскоши. Он равнодушно относился к шикарно обставленной комнате отдыха с ванной и туалетом, к примыкающему к кабинету великолепному залу для заседаний, с открывающимся из его окон видом на широкую речную долину Потомака. Главное пристрастие Уильяма Кейси, его любимое занятие (конечно, кроме врученной ему президентом власти в разведывательном сообществе Соединенных Штатов) — это книги. Серьезные исторические труды и исследования по экономике. Директор часто поражал подчиненных своей эрудицией в этих областях. И не стеснялся просто навязывать свои суждения, часто не считаясь с мнением собеседника, если тот был из его команды. Своеобразное понимание постулата великого Вольтера, готового умереть за права инакомыслящих!

Уильям Кейси вышел из-за стола и тепло поздоровался с пришедшими. Он широко улыбался и, казалось, не заметил опоздания. Впрочем, причина хорошего настроения шефа скоро стала понятной его подчиненным.

— Господа, — начал Кейси своим тихим шепелявым голосом, глотая, как обычно, окончания слов, — у меня только сорок минут времени. Позвольте приступить к делу. Я только что вернулся из поездки в Пакистан. Я твердо убежден, что события на нашем фронте борьбы с Советами в Афганистане вступают в решающую фазу. В недалеком будущем мы организуем прорыв афганских повстанцев в мусульманские районы Советского Союза через его южные границы. Южное подбрюшье нашего противника мы превратим в пылающий костер. Я также уверен, что мы решим еще одну проблему — устраним полное и бескомпромиссное господство русских в небе Афганистана. Министр обороны и государственный секретарь, кажется, больше не будут возражать против передачи моджахедам «Стингеров» — сверхсекретного оружия Соединенных Штатов, гордости нашей военной техники. Они покончат с безнаказанными действиями русской авиации. После нашей встречи я еду в Белый дом, и думаю, что президент согласится дать «Стингеры» афганским борцам за независимость. Речь ведь идет о решении, которое должно склонить Советский

Союз к капитуляции в Афганистане.

Паркинс и Вулрич внимательно слушали шефа, начиная понемногу понимать, зачем перед важной встречей с президентом ему понадобилось приглашать к себе именно их. И, кажется, не ошиблись. «Стингеры» в руках афганских моджахедов были навязчивой идеей директора Лэнгли.

— Теперь, когда значительная часть плана дестабилизации Советского Союза на пути к реализации, необходимо позаботиться о том, чтобы наши резидентуры в Восточной Европе усилили свою работу. Надо взорвать Варшавский пакт. Слабейшее звено в нем сейчас — Польша. Фредди, это — ваша обязанность.

Паркинс понимающе кивнул. У него есть чем порадовать шефа «Солидарность» набирает силу, а нелегальные поставки ей денег, литературы и типографского оборудования успешно осуществляются.

— Ну, и конечно, — снова говорит Кейси, — нам требуется качественная информация из Москвы. Желательно из Кремля и из КГБ. Это уже по вашей части, Джеймс. Я знаю, у вас в Москве были неудачи, и серьезные. Сейчас надо о них забыть. Мобилизуйте все свои возможности. Мне необходимо знать, как Советы воспринимают нашу новую политику, как оценивают дела в Афганистане и Польше. Частности мне сейчас не нужны, играйте по-крупному, я поддержу ваши планы и действия.

Дороти Гринберг осторожно приоткрыла дверь кабинета, напомнив директору, что ему пора собираться в дорогу.

— Благодарю вас, Дороти, у меня, пожалуй, еще есть несколько минут. Это важно. У мистера Пайкни, руководителя оперативной группы по Афганистану и нашего резидента в Пакистане, заканчивается срок командировки. Я думаю, Джеймс, надо направить в Пакистан в этом качестве вашего заместителя Питера Николса. У него ведь солидный опыт работы в Таиланде, не так ли? А главное — знание проблем борьбы с русскими. А Пайкни займет его место. Советский отдел должен быть ведущим в наших действиях против Советского Союза. Не так ли, Фредди? Мы ведь с вами договорились об этом.

Вулрич стоически встретил неожиданное решение директора. Питер Николс у него в отделе только год. Однако «Волк» Вулрич знает, что возражать шефу почти бесполезно. Абсолютно бесполезно рассчитывать и на Фреда Паркинса. Независимо от того, говорил ли с ним директор заранее или нет.

— Если это приказ, сэр, я очень прошу дать нам с Питером три-четыре месяца, чтобы осуществить до конца один план. У «Рекрута», нашего агента в Москве, я вам о нем докладывал — это совместная с Федеральным бюро расследований работа по

программе «Кортшип» — появились неплохие шансы попасть в разведслужбу русских в Ясеневе. Компенсировать, так сказать, потерю «Пилигрима». Для этого Питеру — он лично знаком с «Рекрутом» необходимо побывать в Москве.

— Ладно, Джеймс, — Кейси уже двинулся к выходу, — считайте, что у вас есть три месяца. — И обернувшись в дверях, скороговоркой бросил: — И второй вопрос, Джеймс. Эрик Хонтауэр скоро вернется в Вашингтон. Поручим ему контрразведывательную работу в Лэнгли. У него нюх охотничьей собаки и темперамент разгневанной гориллы. А в Москву поедет наш кавказский друг. Мой горец — настоящий боевой конь. Смел и хитер. Вдвоем с вами он будет в хорошей связке. Его можно запрячь в такую тяжелую колесницу, как московская резидентура. Ведь он уже проходит у вас подготовку? Не обращайте внимания на его годы — он, как настоящий горец, всегда молод и горяч.

И не дожидаясь ответа, быстро шагнул в свой персональный лифт.

Кадровые решения директора Лэнгли всегда были неожиданными и быстрыми. Старина Билл не считался с эмоциями подчиненных. Он имел свои собственные представления о талантах тех, кому он доверял и считал достойными внимания. Правда, нередко он ошибался. Как ошибается компьютер, которому предложена броская, но ложная программа.

Ракеты и агенты

После визита в Белый дом Уильям Кейси недолго пробыл в заснеженном и неприветливом Вашингтоне. Уже на следующий день неутомимый путешественник устремился в очередную поездку, и снова «Старлифтер» доставил его в Пакистан. В аэропорту Исламабада директора Центрального разведывательного управления встретил лично пакистанский президент Зия-уль-Хак, предупрежденный, что Кейси везет щедрый «подарок» афганским моджахедам согласие Рональда Рейгана на передачу им «Стингеров».

Одновременно со «Старлифтером» Уильяма Кейси в Исламабаде приземлился американский военно-транспортный самолет с драгоценным грузом, который сопровождался группой специалистов, владеющих секретами применения этого грозного оружия. Они быстро обучат воинов ислама, которые выделены для этой исторической миссии. Если будет необходимо, американские инструкторы и сами примут участие в боевых операциях с использованием «Стингеров». Колесо войны в Афганистане должно завертеться с нарастающей быстротой.

Удовлетворенный поездкой и встречами в Исламабаде и

Равалпинди, Уильям Кейси через два дня вернулся в столицу Соединенных Штатов, предвкушая приятные новости, которые должны последовать. Так прошло еще несколько недель…

В кабинете Джеймса Вулрича пронзительно затрещал зуммер прямой телефонной линии директора Лэнгли. Одновременно на столе у Кристины зажегся световой сигнал — начальник Советского отдела занят разговором по телефону с директором: не входить и не беспокоить!

— Джеймс, — голос Уильяма Кейси звучал в трубке отрывисто, но не строго. — Вы не могли бы подняться ко мне сейчас?

— Конечно, сэр. Буду у вас через две-три минуты. Требуется ли взять какие-нибудь документы?

— Нет, Джеймс, ничего не надо брать. Я приглашаю вас одного. Фредди Паркинс, вы знаете, в отъезде. Я хочу вам кое-что рассказать, а заодно и покажу то, что мне только что привезли из Пакистана.

Джеймс Вулрич не был на седьмом этаже с того памятного дня, когда директор, тоже прилетев из Пакистана, вызвал его вместе с Паркинсом и поведал о некоторых своих кадровых планах. И об афганских делах.

«Наверное, опять что-то связанное с Афганистаном, — подумал Джеймс Вулрич, поднимаясь на лифте, — директор тщеславен и любит рассказывать о своих путешествиях. Особенно если они удачны».

Начальник Советского отдела не ошибся. Правда, то, что ему пришлось услышать, касалось не только Афганистана, любимой темы директора Лэнгли в последнее время. Но «конек» Уильяма Кейси — Афганистан, эта «болевая точка» «главного противника» — действительно оказался на первом месте.

Кивнув в знак приветствия Дороти Гринберг, уважительно открывшей для него дверь кабинета директора, Джеймс Вулрич прошел к шефу. «Старина Билл» стоял у большого стола, одного из трех в огромном кабинете, за которым обычно усаживали приглашенных, и рассматривал разбросанные по столу внушительного размера фотоснимки. У Кейси утомленный, нездоровый вид, ввалившиеся щеки, покрасневшие словно от долгой бессонницы глаза. Но директор Центрального разведывательного управления по-прежнему энергичен и подвижен и полон какого-то молодецкого задора.

— Привет, Джеймс, — директор приветствовал начальника Советского отдела и жестом пригласил его подойти к столу с фотоснимками, — у меня, как видите, хорошие новости. Посмотрите, это мне прислали из Исламабада. Наши «Стингеры»

приступили к делу. Это русский вертолет МИ-24Д, вернее, то, что от него осталось. Моджахеды с нашей помощью сбили ракетой боевой вертолет русских.

Кейси радовался, как ребенок, получивший в подарок новую яркую игрушку. Он подошел к своему рабочему столу, стоявшему в глубине кабинета, заваленному документами и телеграммами из резидентур, не имевшими для шефа ЦРУ особых преимуществ перед другими атрибутами его занятий в Лэнгли книгами и газетами, громоздящимися здесь же.

— Знаете, Джеймс, — Кейси повернулся к Вулричу, продолжавшему внимательно разглядывать фотоснимки, — мне необходимо позвонить президенту. Наши операции в Афганистане находятся под его личным контролем. То, что касается использования «Стингеров», — особенно. Но вы не уходите, у меня есть для вас другая информация и, надеюсь, не менее приятная.

С кабинетом Рейгана в Белом доме Кейси соединили сразу.

— Господин президент, — начал директор ЦРУ торжественно и немного официально, — у меня для вас прекрасные новости. Мне только что сообщили, что с помощью нашего «Стингера» моджахеды уничтожили русский вертолет. Русские лишены важного преимущества — господства своей авиации в Афганистане. А заодно — посеян страх среди русских летчиков.

Телефонный разговор Уильяма Кейси с президентом затягивался. Рональда Рейгана, очевидно, интересовали многие детали, директор Лэнгли с явным удовольствием удовлетворял любопытство своего патрона.

Наконец, Кейси положил телефонную трубку и, широко улыбаясь, обратился к Вулричу:

— Джеймс, я думаю, что в Афганистане теперь наступит перелом. Может быть, очень скоро моджахедам удастся перенести боевые действия на территорию Советского Союза. В любом случае потери русских должны многократно увеличиться. И это — главное. Ну, а теперь немного поговорим о делах в Москве. Собственно говоря, о том, из-за чего я пригласил вас зайти.

В кипе телеграмм, лежавших на столе, Кейси отыскал ту, которая ему была нужна.

— Вот телеграмма из нашей резидентуры в Лиссабоне. Некоторое время тому назад с нами там вошел в контакт русский офицер из военного атташата посольства. Военный разведчик. Я не помню его фамилии. Лиссабон сообщал ее днем раньше. Мы присвоили ему кодовое имя — «Доллар». Дело в том, что он предложил нам сотрудничество за сто тысяч долларов. Мы здесь сразу оценили важность его предложения и материалов, которые

он был готов передать. Правда, ста тысяч он от нас не получил, согласился работать с нами за гораздо меньшую сумму. Пожалуйста, свяжитесь с Майком из отдела Западной Европы. Он вам расскажет все, что будет необходимо, и передаст материалы для дальнейшей работы. Вам следует срочно разработать систему связи с «Долларом» в Москве. Он должен выехать из Лиссабона через две-три недели, поэтому поторопитесь. Агенту предстоит работать в центральном аппарате ГРУ.

Джеймс Вулрич удовлетворенно улыбнулся:

— Да, сэр, это серьезная поддержка для московской резидентуры. Нам очень нужен «крот» в советской военной разведке. Я тотчас же займусь всем, что связано с организацией работы с «Долларом» в Москве. Думаю, что со временем мы решим проблему с внедрением нашего «крота» в Ясенево. Я имею в виду известного вам «Рекрута».

— Но это еще не все те хорошие новости, которые я был намерен вам сообщить. — Директор Лэнгли просиял от удовольствия. — Наши немецкие коллеги из БНД предлагают нам поработать с их агентом. Он из ленинградского института Арктики и Антарктики, специалист по атомной энергетике. До последнего времени он постоянно был в плавании, в научно-исследовательских экспедициях. Он владеет информацией по советскому военно-морскому флоту, в том числе по атомным подводным лодкам. У немецких коллег агент был на очень хорошем счету. Они дали ему кодовое имя «Дэниэль Рост». Они обычно делились с нами полученной от агента информацией, так что и у нас сложилось о нем мнение, как о ценном источнике. Встречи с агентом немцы проводили во время стоянки судов, на которых агент плавал, в портах разных стран. А вот теперь обратились к нам за содействием. Предложили агента нам. Дело в том, что агент постоянно живет в Ленинграде, и у БНД нет возможностей организовать с ним работу в Советском Союзе. Возьмитесь за это дело, Джеймс. Я сегодня же перешлю вам все материалы по делу.

— Благодарю вас, сэр. Вы, как всегда, внимательны к нашим делам в Советском Союзе. Я уверен, что московская резидентура и оперативная группа в нашем генеральном консульстве в Ленинграде сумеют наладить работу с этими двумя агентами. Это хорошее пополнение тому, что мы сейчас имеем в стране нашего главного противника.

— Желаю успеха, Джеймс, а мне необходимо еще разобраться с этим, сказал Кейси, указывая жестом на ворох бумаг на столе.

«Все-таки ракеты и агенты — великая ударная сила, — подумал начальник Советского отдела, спускаясь от директора

Лэнгли к себе на пятый этаж. «Стингеры» в Афганистане могут заставить русских поубавить свою активность. Даже отступить. В конце концов они наверняка, впрочем, найдут противоядие, чтобы справиться с этим оружием. Ракеты, начиненные смертью, вообще внушительная сила для сдерживания противника, которого до поры требуется держать в рамках. Но наши агенты, если их умело направлять, могут быть еще более грозным и разрушительным инструментом. И в первую очередь наши «кроты», которых мы внедряем к противнику. Они способны сломать соперника изнутри. Посмотрим, как пойдут дела с «Долларом» и с этим немецким «Дэниэлем Ростом». Ну, а главное все же наш «Рекрут». «Крот» в Ясеневе сейчас для нас намного важнее, чем в других местах.

Директор, хотя он и увлечен идеей сокрушения «империи зла», должен это понимать».

Затишье перед бурей

Наступившая зима 1986–1987 годов не радовала москвичей ни снегом, ни устойчивой морозной погодой. Они уже начали отвыкать и от того, и от другого и как-то примирились с коварными причудами вселенной. Затянувшийся надолго переход от осени к настоящей зиме с ее обильным снежным покровом и легкими морозцами раздражал. И вызывал желание быстрых перемен в капризной природе.

Ждали наступления новых событий и в американском отделе контрразведки в здании КГБ на улице Дзержинского. После провала «Пилигрима» московская резидентура ЦРУ, казалось, ушла в глубокое подполье, спряталась за высоким частоколом дипломатического представительства. Так думали на улице Дзержинского, и были правы. Осенне-зимняя спячка резидентуры американской разведки, непривычное для советской контрразведки затишье в ее обычно бурной деятельности затягивались, не устраивая Вашингтон и настораживая Москву. Затишье перед бурей?

Правда, паузу можно было объяснить еще одним, вполне житейским, обстоятельством. В начале декабря уходящего года советник посольства Соединенных Штатов по региональным вопросам Эрик Хонтауэр, отслужив в Советском Союзе положенный срок, выехал в Вашингтон. Новый резидент Центрального разведывательного управления появился в Москве лишь в первых числах января.

Это была импозантная во всех отношениях фигура, немало изумившая Американский отдел Второго Главного управления КГБ. Александр Нарбеков был сыном кавказского князя, полковника царской и Белой армии. После поражения белых в

Гражданской войне он оказался в эмиграции и вместе со своей семьей обосновался в Америке.

Александр по рождению стал стопроцентным американцем. Как и его нынешний шеф, во время войны он служил в УСС. Прекрасно владея русским языком, воспитанный в русской среде родительского дома, он был находкой для Центрального разведывательного управления. До того как попасть в Москву, он провел много лет в резидентурах разведки за границей и заработал блестящую репутацию. И вот Александр Нарбеков, грузный, темноволосый кавказец, с красивым, холеным лицом и хитрым прищуром глаз, — в столице страны его предков Москве, с которой были хорошо знакомы его родители и где сам он раньше никогда не бывал.

Теперь Александру Нарбекову, разменявшему шестой десяток лет, но чувствовавшему себя по-кавказски молодым, предстояло поработать долгих четыре года в стране «главного противника», ставшей его личным врагом.

Это в два раза превышало срок командировки в резидентуру за «железным занавесом», отведенный для рядового сотрудника разведки. Этот предельно жесткий срок был установлен не случайно и диктовался требованиями безопасности. В Лэнгли опасались расшифровки разведчиков. Особенно сейчас, когда на Советский Союз обрушился новый «крестовый поход» Запада и русские удвоили подозрительность ко всем иностранцам. Но потомку древнего княжеского рода можно было не бояться огласки. В Комитете государственной безопасности не была секретом его служба в ЦРУ. Знали об этом и в Лэнгли и тоже не опасались. Александр Нарбеков не будет принимать личного участия в разведывательных операциях. Его задача — придумывать хитроумные ходы и руководить.

С приездом нового резидента ЦРУ, протеже директора разведки, в Москве ожидали всплеска активности американцев, не сомневаясь, что он нагрянет рано или немного позже. Готовились и, почти как всегда, — не ошиблись. Необычное затишье очень скоро уступило место шумным происшествиям, взбудоражившим Вашингтон и Москву.

М-р Кэмпбелл едет в Москву

Нельзя сказать, что решение директора расстроило Питера Николса. Скорее — наоборот, хотя, возможно, это не сразу стало ему понятно. Работа в разведке бросала его из одной страны в другую, он привык к вынужденным странствиям по свету. В Таиланде он «задержался» на целых 5 лет — и это могло показаться необычным. Правда, ничего необычного в долгом «сидении» в «стране слонов» не было — просто ему продлили

срок командировки, назначив руководителем резидентуры. И не напрасно, «Везунчик» доказал это своими делами.

В Лэнгли, надо признать, жестко следили за сроками заграничных командировок, не давая засиживаться на одном месте. Этого требовал закон государственного бюрократизма, это была защитная мера от привыкания к обстановке.

В большинстве стран, охватываемых вниманием Центрального разведывательного управления, можно было не опасаться местных органов безопасности. Это были союзники и партнеры. Или — зависимые от Соединенных Штатов государства. Там можно было не церемониться, а если и случались скандальные истории, вызывавшиеся неистребимым рвением ЦРУ, они легко улаживались. В самом худшем случае проштрафившихся разведчиков ЦРУ тихо и незаметно убирали из страны.

Конечно, следовало опасаться русских, которые не упускали возможности поохотиться за американцами. Тут уж ничего не поделаешь, американцы сами были охотниками и очень не любили становиться объектами охоты. Тем более ее жертвами.

Работа в качестве руководителя оперативной группы по Афганистану, от которой Питера Николса отделяли определенные директором три месяца, открывала новые радужные перспективы. Два-три года в столице Пакистана пройдут быстро, тем более что, по всем данным, афганский конфликт вступает в свой заключительный этап. Но пока необходимо сосредоточиться на поездке в Москву для организации работы с «Рекрутом». Поездка в Москву поставит жирный восклицательный знак в карьере «Везунчика»!

В Лэнгли и в московской резидентуре деловито и методично готовились к новым баталиям. На повестке дня — операция с «Рекрутом». В своем последнем письме агент сообщил, что ему удалось устроиться на краткосрочные разведывательные курсы и он проходит интенсивную подготовку к оперативной работе. В Центральном разведывательном управлении отлично знают существо этой учебы. Будущему разведчику необходимы обширные знания оперативного искусства, он должен уметь многое — устанавливать полезные связи, уметь квалифицированно проверяться, выходя на встречи со своими контактами, знать методы вербовки и правила работы с агентами. И многое другое, чему не обучают в университете. Все это знают в Лэнгли на собственном, годами накопленном, опыте. И готовы ждать. Еще немного времени, может быть, 4–5 месяцев, и «Рекрут» закончит свое обучение на разведывательных курсах Первого Главного управления. И тогда он будет в Ясеневе. Теперь уже

совсем недолго ждать, когда американский «крот» окажется в штаб-квартире русской разведслужбы!

Сейчас наступает важная фаза всей операции с «Рекрутом». Самое время подумать о быстрой и устойчивой связи. Письма от агента на условные адреса разведки идут слишком долго, в радиограммах многого не передашь, а организация закладок тайников — сплошная головная боль. Личные встречи, конечно, можно считать выходом из положения. В определенной мере. К спасительному средству, пригодному надолго и во всех случаях жизни, их не отнесешь. В условиях Москвы, при том режиме, что установлен для иностранцев, часто проводить их нельзя. Это особенно опасно для разведчиков посольской резидентуры ЦРУ, ибо они, как никто другой, подвергаются сверхжесткому контролю со стороны русской контрразведки. По крайней мере те, кто ей известен.

Но и личные встречи тоже не спасают. 2–3 встречи в год — это все-таки таит опасность, да и недостаточно для обмена информацией с таким ценным агентом, как «Рекрут», которому надлежит стать американским «кротом» в КГБ.

Питер Николс размышляет. У него еще есть время для спокойных раздумий. Организовать бесперебойную работу с «Рекрутом» в Москве невероятно сложно, но возможно. Поможет чудо-техника Центрального разведывательного управления.

Все же недаром руководство Лэнгли так настойчиво проводит линию на создание и внедрение в разведывательную работу новейших достижений научно-технической мысли. По масштабам применения оперативно-технических средств и расходам на их создание Центральное разведывательное управление не имеет себе равных в мире.

Чудо-прибор для связи с разведкой, о котором идет речь и который предназначен для работы с агентом ЦРУ в Москве, очень сложен по своим техническим характеристикам и удивительно прост в обращении. Представьте себе портативный компьютер сравнительно небольшого веса — немногим более 2-х кг и очень небольших габаритов — 300S300S15 сантиметров. На клавиатуре — буквы русского алфавита. Объем памяти шифратора-накопителя около тысячи знаков. При максимальной «загрузке» автоматически зашифрованный в компьютере текст передается за 20 секунд. Прибор снабжен небольшой антенной — металлическим диском, встроенным в футляр прибора. Теперь вы, наверное, уже понимаете, что речь идет о радиопередатчике, но о радиопередатчике не простом. Это портативная разведывательная аппаратура для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи с моментальной ретрансляцией их

в Лэнгли.

Испытания, проведенные посольской резидентурой ЦРУ в Москве, показали эффективность связи через искусственные спутники Земли из столицы Советского Союза. Теперь такой радиопередатчик можно взять на вооружение для агентов в ЦРУ в СССР. И первым из них будет «Рекрут».

Николс разглядывает комплект аппаратуры, который скоро отправится в московскую резидентуру. Он уже сталкивался с ней и раньше. Резидентура ЦРУ в Бангкоке использовала такой же чудо-радиопередатчик для связи с одним из своих агентов, занимавшим крупный пост в пограничной полиции на севере страны. Спутниковая радиоаппаратура применялась резидентурами американской разведки для связи с агентами в некоторых странах Латинской Америки. Один такой радиопередатчик передан недавно агенту ЦРУ в Кабуле. Личные встречи там крайне затруднены, а оперативная связь с агентурой так необходима.

В Соединенных Штатах для Центрального разведывательного управления развернута целая система спутниковой связи. На стационарные орбиты в воздушное пространство Земли выведена сеть искусственных спутников «Марисат»: «Марисат-1» завис над Атлантикой, «Марисат-2» — над Тихим океаном, «Марисат-3» принимает сигналы, находясь на постоянной орбите над Индийским океаном.

Питер Николс легко представляет, как агент набирает текст сообщения на клавиатуре. Компьютер тут же шифрует его, и теперь достаточно нажать кнопку прибора, чтобы последовал беззвучный «выстрел» в эфир. Нужно только направить антенну на «Марисат-3» и убедиться, чтобы на пути сигнала не было препятствий. Просто и надежно. И замаскировать прибор агенту несложно, его можно положить в портфель или атташе-кейс, какие сейчас в Москве вошли в моду.

«Обучить «Рекрута» использованию прибора сверхдальней связи будет нетрудно, — думает Николс, — гораздо труднее передать его агенту. Тайник, очевидно, исключается. Прибор слишком велик для «любого «булыжника». Нужна личная встреча с «Рекрутом». Кто и как проведет эту встречу — будем окончательно решать в Москве. Может быть, с «Рекрутом» встречусь я сам, ведь я знаком с агентом, а тот знает меня. Это удобно. Впрочем, встречаться с агентом мне самому вовсе не обязательно, есть надежная система для такого контакта. Пароль и опознавательный знак определены давно. Все указано в «плане связи» в «Паркере». Многое зависит от обстоятельств, которые сложатся в данный момент, от того, как поведет себя русская

контрразведка. На встречу пойдет человек, за которым не будет наблюдения в эти дни. Возможно, придется применить тот способ ухода от слежки, которым резидентура иногда пользуется в Москве. Решим на месте, поговорю об этом с Джеймсом. Инструкцию по использованию прибора, конечно, можно передать агенту и позже, через тайник. Но вряд ли это разумно, надо извлечь максимальную пользу из тех 15 минут, которые отведены на встречу. Агент должен получить новые рекомендации, вплоть до завершения учебы».

Остается еще одно весьма существенное обстоятельство. Питер Николс не может появиться в Советском Союзе под своим подлинным именем и в том внешнем виде, который известен русским. И в том числе «Пилигриму». Проблем с этим, надо полагать, не возникнет, но все это необходимо тщательно продумать и обсудить с Джеймсом…

Питер Николс — частый посетитель кабинета начальника Советского отдела. Это вполне естественно и нисколько не обременительно для обоих. Сегодня, за несколько дней до отлета в Москву, он, как хороший хоккейный защитник, должен «подчистить огрехи» на вратарской площадке. Их не так уж много. Все вопросы согласованы. Питер Николс направляется в Москву как советник Госдепартамента, следующий в посольство для инспекции. На одну-две недели. Хорошее прикрытие для такой миссии! Посольство каждый месяц посещают десятки людей из разных ведомств, что не должно вызвать подозрения у русских. На этот раз проводится проверка хозяйственной деятельности представительства. Вполне нормально.

Дипломатический паспорт на имя Роберта Кэмпбелла с советской визой давно готов. Билет на рейс «Пан-Американ» до Москвы — на столе в кабинете Питера Николса.

— Я думаю, Питер, вы правы в том, что вопрос о вашей встрече с «Рекрутом» надо решить в Москве. Признаться, немало аргументов за то, чтобы вы сами проводили эту встречу, но вполне согласен с вами, что с этой задачей справится один из сотрудников резидентуры. Обсудите и решите на месте. Главное в вашей миссии — дать правильное направление всему ходу операции. Необходимо иметь в виду, что наш новый резидент еще не очень сведущ в московских делах. Ваш опыт Александру несомненно пригодится. Подумайте с ним, как лучше использовать его кавказское происхождение, когда обсудите конкретный план операции, русские наверняка обратили внимание на его личность. Ваши полномочия ему известны, мы направим в Москву дополнительные указания.

— Я подготовил, сэр, проект телеграммы «Рекруту». Это очень

небольшой текст. О времени и месте встречи мы сообщим ему по телефону. Вы ведь помните, у него есть расписание, когда надо принимать наши возможные телефонные звонки.

— Хорошо. Джеймс, оставьте радиограмму, я посмотрю и подпишу. Через три дня ваш самолет. К этому времени вы должны стать «Робертом Кэмпбеллом». Думаю, что наши специалисты сумеют преобразить вас достойным образом. Надеюсь, что вас узнают те, кто будет вас провожать.

Глава тринадцатая

Буря после затишья
Советник госдепартамента

В столичном аэропорту «Шереметьево» советника государственного департамента встречали по протоколу. Атташе консульского отдела посольства — американец и русская служащая — переводчик представительства быстро и деловито уладили все формальности с советскими пограничниками и таможенниками. Вся процедура заняла немногим более десяти минут, да и багаж дипломата, не подлежащий таможенному контролю, умещался в небольшом чемоданчике и путешествовал со своим хозяином в кабине самолета.

Сверкающий черным лаком посольский бьюик, управляемый русским шофером, за сорок минут доставил советника государственного департамента к зданию посольства на улице Чайковского. Здесь, в южном крыле огромного дома, где размещались жилые помещения, «Роберту Кэмпбеллу» предстояло жить одну или две недели. В зависимости от того, как пойдут дела с «инспекцией».

Посол, предупрежденный телеграммой о визите высокого гостя, об «инспекции», правда, совсем не думал. Он устроил в своей резиденции на Арбате положенный по этикету званый обед для вашингтонского гостя и, передав приезжего заботам одного из своих советников, больше не интересовался занятиями «м-ра Кэмпбелла».

Посол не вмешивался никогда в дела Лэнгли. Его вполне устраивал дружественный нейтралитет в отношениях с резидентурой Центрального разведывательного управления. Устраивали и обходительные манеры «советника госдепартамента», который знал на своем многолетнем опыте, как держать себя с главой дипломатического представительства.

Гостеприимным хозяином «Роберта Кэмпбелла» стал советник посольства по региональным вопросам Александр Нарбеков, то уединявшийся с приезжим в своем посольском кабинете, то в тесном помещении резидентуры на 7-м этаже, где в специально оборудованной комнатке, защищенной от подслушивания, они вели долгие беседы на тему предстоящей сложной операции.

Александр Нарбеков подготовил план операции. В нем много предложений гостя из Лэнгли.

Встречу с «Рекрутом» проведет Арнольд Бронсон, разведчик «глубокого прикрытия». Русская контрразведка, похоже, уже

давно оставила его в покое. Слежки за ним нет, нет никаких признаков того, что русские подозревают его в причастности к делу «Пилигрима». Тем не менее резидентура примет дополнительные меры безопасности. Арнольда Бронсона вывезет в город другой сотрудник резидентуры — Лоренс Кроуфорд. Он и Бронсон живут в одном доме доме дипкорпуса на улице Вавилова. Кроуфорд тоже надежно законспирирован, наружного наблюдения за ним в последнее время не замечено. В ближайшие дни резидентура это проверит с особой тщательностью. Ну, и применит в решающий момент «куклу» — специальный способ проверки и ухода от слежки, если все же она появится. «Кукла» срабатывает безошибочно.

Он же, Лоренс Кроуфорд, накануне вечером позвонит «Рекруту» на квартиру и договорится о встрече. Русский язык Кроуфорда позволяет это сделать без особого труда. Разговор по телефону должен походить на ошибочный телефонный звонок. Кроуфорд попросит позвать «Андрея». «Андрей» это «Крем», а «Крем» — это место встречи, перекресток улиц Кременчугской и Давыдковской. Там приметный ориентир — телефонная будка.

Таких мест, как «Крем», заранее подобранных для встреч с агентами и для других разведывательных операций, в картотеке резидентуры несколько, и каждому соответствует мужское или женское имя для разговора по телефону. «Рекруту» можно было назвать любое из них, в «плане связи» их четыре. В данном случае предпочтение отдано связке «Крем»-«Андрей», этот район очень удобен и недавно проверен. Кременчугская-Давыдковская — спокойное, тихое место, здесь нет автобусного и троллейбусного движения, нет шумных трамваев и очень немного автомашин. А потому нет назойливых постов ГАИ. Да и пешеходы в этом районе редкость. Настоящая деревенская тишина, особенно в вечернее время. Жизнь замирает.

Вечером, в день звонка, «Рекрут» должен быть дома. Это предусмотрено расписанием звонков, которое у него есть. В его ответе на телефонный звонок разведчика резидентуры тоже должен быть заложен смысл. Если агент готов к встрече, он скажет: «Вы ошиблись номером», не готов — он ответит: «Андрея здесь нет». Вот и вся нехитрая условность. Сейчас она зафиксирована на миниатюрной пленке, когда-то упрятанной в авторучке «Паркер», теперь «переселившейся» в сейф оперативного работника Американского отдела контрразведки.

В случае согласия «Рекрута» встреча состоится в 18 часов 30 минут. Потом агент и американец уйдут в сторону от перекрестка и углубятся в узкие улочки прилегающего квартала. Все это — и точное расположение места встречи, и время, когда она должна

произойти, — в «плане связи», который спрятан в авторучке «Паркер». Важно, чтобы разведчик или агент (кто придет первым) ждали друг друга не более пяти минут.

И еще один прием, который должен иметь успех. Он, Александр Нарбеков, подаст заявку в советское Министерство иностранных дел на недельную поездку на Кавказ. И действительно поедет туда с супругой для того, чтобы навестить землю своих предков. Русским об этом известно. И им никогда не придет в голову, что посольская резидентура ЦРУ проведет важнейшую разведывательную операцию в отсутствие в Москве своего шефа.

Хитрый кавказский лис широко улыбнулся вашингтонскому гостю — своему прямому начальнику, уверенный в надежности придуманной остроумной схемы.

В тот же день в Лэнгли ушла телеграмма с планом операции. Там отреагировали с привычной быстротой. План получил полное одобрение. Продвинуть «крота» в Ясенево стало навязчивой идеей ЦРУ, такой близкой к завершению, и она на время затмевала все другие планы Лэнгли в Советском Союзе.

Странности затянувшейся паузы

В конце января, в самом начале рабочего дня, Климов пришел к шефу с новостями. Накануне поздно ночью поступила радиограмма из Франкфурта-на-Майне в адрес «Рекрута». Сейчас он докладывает расшифрованный текст радиограммы Сергею Александровичу.

«Дорогой друг! Надеемся, что у вас все благополучно. Ждите нашего телефонного звонка. Ваши друзья».

— Что вы думаете об этой лаконичной радиограмме, Анатолий Владимирович?

— Прежде всего, действительно обращает на себя внимание краткость сообщения. Раньше все телеграммы были достаточно объемны. Возможно, в Лэнгли решили на этот раз смилостивиться — не заставлять получателя тратить часы на расшифровку.

Оба рассмеялись, вспомнив про непростой труд, которого требовали поступавшие радиограммы.

— Это, конечно, шутка. Я долго раздумывал над этой радиограммой. Мне кажется, что помимо устойчивого интереса к Аркадию — а это результат нашей легенды — она свидетельствует о том, что американцы что-то готовят. Возможны два варианта: они передадут своему агенту новый тайник с инструкциями, которые принципиально определят и условия связи, и задания на тот период, когда агент, как они считают, приобретет новое качество в своем положении. Все это для нас важно и очень интересно. Я вынужден, правда, оговориться, что

конкретных заданий перед агентом американцы поставить не могут — они просто еще не знают, что его ожидает. Второй возможный вариант, о котором я думаю, — это подготовка к проведению личной встречи. Это тоже принципиально новый момент. Ведь от встречи с агентом в Москве американцы раньше решительно уклонялись. В каком-то смысле у этого варианта есть одна заманчивая сторона — мы сможем выявить еще одного разведчика-агентуриста резидентуры. То, чего мы добиваемся. Однако они и в будущем вряд ли будут прибегать к слишком уж частим встречам. Но оперативная связь с агентом американцам нужна как воздух. Здесь, по-видимому, и кроется разгадка. Вот вкратце мои предположения. Меня, правда, не оставляют некоторые предчувствия больших событий. Пауза у американцев, которую мы наблюдаем сейчас, не может длиться вечно.

— Ну, рассказывайте, Алексей, — Сергей Александрович назвал своего собеседника по имени, что было признаком неформальной беседы, — делитесь своими раздумьями.

— Не знаю, Сергей Александрович, можно ли назвать это внутренней интуицией. Разведчики резидентуры, которые нам известны, ведут себя очень спокойно, как-то даже нарочито спокойно. Возможно, это результат смены руководства. Новый резидент, Александр Нарбеков, — интересная, между прочим, личность, с большим опытом работы против Советского Союза в других странах. Он тоже демонстрирует какую-то праздность. Просто не подберу другого слова. Вот посмотрите, он еще не успел освоиться в Москве, а уже задумал большую поездку на Кавказ, на родину своих предков. Завтра он отправляется с женой в двухнедельную поездку. Сначала — в Нальчик, а оттуда — в Тбилиси. Немного странно, не правда ли? И еще кое-что прелюбопытное.

Климов задумался на минуту, но продолжал, видя, что начальник Американского отдела серьезно заинтересован его рассказом:

— В последние дни в Москву прибыла группа сотрудников госдепартамента и ЮСИА. В этом нет ничего удивительного, в посольстве бывает много гостей, в том числе и из этих ведомств, конечно. Но вот когда вчера пожаловал советник государственного департамента господин Кэмпбелл, один из наших информаторов заметил, что Александр Нарбеков встретил его необычно тепло. Может быть, просто кавказское радушие? Я тоже сначала так подумал. Но мне сообщили, что Кэмпбелл зачастил на седьмой этаж, в тот отсек здания, где, как вы знаете, помещения резидентуры. Зачем он приехал в такое время? Ведь резидент будет отсутствовать целых две недели! Мы попробовали

проследить за ним вне посольства. Но он очень редко выходил из здания. Разве что побывал у посла в его резиденции в Спасо-хаузе. А вот вчера выезжал с Александром Нарбековым и был у него на квартире в городе. Это, пожалуй, уже не странность, а закономерность.

— Да-а, — как-то неопределенно протянул Краснов, то ли соглашаясь с приведенными доводами, то ли думая о своем, — вы правильно делаете, что наблюдаете за приехавшим советником госдепартамента. Ситуация с Аркадием становится интересной. Мы ведь сами хотели, чтобы события развивались. Надо считаться с тем, что делают американцы. Это не игра в одни ворота. В любом случае неприятному затишью, по-видимому, приходит конец. Однако давайте все же подождем. Не все, наверное, так однозначно. Возможно, нам предстоит принимать непростые решения.

Ожидать не пришлось слишком долго. Вечером на следующий день позвонил Аркадий Порываев. И, похоже, становились понятными и загадочный отъезд на Кавказ нового резидента, и прибытие в Москву «Роберта Кэмпбелла».

— Следует продолжить нашу игру с американской разведкой, — горячится Станислав, — она уже принесла нам кое-какие плоды и наверняка даст новые результаты. Посмотрим, что произойдет на этой встрече. Очевидно, она будет для нас очень полезна.

Его поддерживает Старобельский. Иван Платонович не так категоричен, он новичок в отделе и пока присматривается к обстановке. Но он сторонник активных методов и любит острые оперативные комбинации.

Неожиданно для некоторых участников совещания еще менее категоричен был Климов. Он ценит преимущества игры с ЦРУ, но видит теперь и трудности, которые подстерегают контрразведку.

— Для меня, — говорит Алексей Владимирович, — почти ясно, что американцы идут на эту личную встречу со своим агентом исключительно в силу крайней необходимости. Он для них очень важен своей перспективой, и они не хотят его потерять. Вот почему они будут стремиться наладить с ним оперативный и безопасный способ контакта. Как я понимаю, американцы должны перейти с агентом на двустороннюю радиосвязь — это самый безопасный вид связи в нынешних условиях в Москве. Мне вспомнились поэтому недавние события. В конце прошлого года наша служба радиоконтрразведки перехватила две передачи в режиме быстрого действия. Они с интервалом всего в три недели следовали из двух разных районов Москвы на американский спутник системы «Марисат». По времени они совпадали с

передвижением по городу резидента ЦРУ Хонтауэра и разведчика резидентуры Кроуфорда. Тогда, правда, мы не знали еще, что он причастен к разведке. Так вот, очень похоже на то, что это были экспериментальные радиопередачи, вселившие уверенность в американцев в эффективность этого способа связи. По крайней мере, таково мнение наших специалистов. Я не исключаю, что ЦРУ собирается снабдить агента таким устройством. Конечно, ему могут дать и другую аппаратуру, скажем, для радиосвязи на посольство, но это несравнимо более ненадежно, чем связь через космос. Честно говоря, я не нахожу другого объяснения вызова Аркадия на встречу. Ведь у него пока неопределенное положение и каких-то конкретных вопросов для американцев он выяснять не может.

— Знаете, Алексей Владимирович, ваше предположение, я считаю, не лишено оснований. Я хорошо помню эти «походы» резидента и Кроуфорда. Особенно странную прогулку в московском парке этого молодого американца. Пожалуй, именно тогда он потерял в наших глазах непорочную репутацию «чистого» дипломата и попал в ваши дружеские объятия. Не так ли?

Климов громко рассмеялся этому неожиданному комплименту начальника отдела.

«Сдавать или не сдавать Москву?»

Совещание у начальника Американского отдела контрразведки затянулось. С самого начала было ясно — 31 января, в последний день месяца, посольская резидентура ЦРУ проведет встречу с ценным для Лэнгли агентом. Известны время и место этой встречи, известно, что агент должен прийти на место встречи с газетой в левой руке, свернутой в тугую трубку. Известно, что на ожидание на месте отведено всего пять минут: в ЦРУ озабочены требованиями безопасности и не хотят рисковать. Неизвестно, кто из разведчиков-агентуристов придет на Кременчугскую улицу и что он будет обсуждать с агентом в течение отведенных на свидание пятнадцати долгих минут. Еще неизвестно главное — что делать контрразведке? Вокруг этого вопроса и идет сейчас разговор в Американском отделе.

В совещании принимают участие наши старые знакомые — Климов и Станислав. Новое лицо — Иван Платонович Старобельский, недавно назначенный заместителем начальника отдела, только что вернулся из зарубежной командировки. Он старый работник контрразведки и хорошо знаком с «главным противником», с которым теперь ему придется иметь дело на территории родной страны.

В кабинете не принято курить, и жаждущие выходят в

дальний конец коридора. Там, в «курилке», они задерживаются на одну-две минуты. Так заведено, и на время их короткого отсутствия совещание прерывается.

После очередной такой паузы работа приобретает неожиданный оборот. Выслушав своих сотрудников, берет слово Сергей Александрович.

— Вы, конечно, хорошо знаете о знаменитом совете в Филях в 1812 году, которое проводил наш великий предок Михаил Илларионович Кутузов, когда решалась судьба Москвы. Я не собираюсь сравнивать себя с фельдмаршалом, и мы «не сдаем Москвы». То, чем нам приходится заниматься сегодня, — это лишь эпизод в тайной войне. Таких сражений будет много. Мы уже многого достигли и, надеюсь, добьемся еще больших результатов. Ну, а теперь основное — игру с ЦРУ с использованием в ней Аркадия Порываева придется свернуть, какие бы ни были соблазны ее продолжать. Выделю главные аргументы, которыми мне пришлось руководствоваться, принимая это решение.

У Сергея Александровича привычка: все раскладывать по полочкам.

— Первое. Нам нельзя долго использовать легенду, которая легла в основу игры. Это очевидно и не требует пояснений. По существу, она сыграла свою роль. Аркадия надо «вернуть» на старое место работы. Я поговорю с Первым Главным управлением, с теми, с кем была согласована эта операция.

Второе. Мы задержим разведчика резидентуры, который придет на встречу. До того, как должен будет появиться Аркадий. Сначала под видом милиции легендируем какое-нибудь происшествие. Потом, когда будет обнаружено что-то такое, требующее нашего вмешательства, задержанного там же в милиции передадут для дальнейшего разбирательства сотруднику КГБ, которого специально вызовут. Полагаю, что этим «что-то» может быть тот предмет, о котором говорил Алексей Владимирович, — прибор для спутниковой связи. Возможны и другие варианты: разведчик резидентуры не придет на эту важную для ЦРУ встречу с пустыми руками. В самом крайнем случае придется извиняться, но, считаю, до этого дело не дойдет. Важно придумать нечто такое, чтобы не пострадал Аркадий. Нельзя, чтобы у американцев возникли сомнения о его роли в этом задержании разведчика. Третье. Нужно не ошибиться и взять именно того, кто выйдет на встречу с Аркадием. Поэтому в районе места встречи необходимо сосредоточить тех сотрудников службы наружного наблюдения, кто отлично знает всех американцев из посольства. Позаботьтесь об этом, Алексей

Владимирович. Вы ведь знаете, как ловко умеют разведчики-агентуристы из резидентуры прибегать к маскараду. Настоящие артисты! И последнее, может быть, самое важное. Это должен быть чувствительный удар по американской разведке, по московской резидентуре ЦРУ. Это необходимо в связи с общим ухудшением оперативной обстановки в нашем противостоянии с противником, в связи со стремительным ростом агрессивных акций Центрального разведывательного управления против нашей страны и союзников. Надо не давать развернуться московской резидентуре ЦРУ. В ближайшее время наши коллеги из военной контрразведки арестуют американского шпиона, который был завербован ЦРУ за границей. Я не знаю пока всех подробностей, кроме того, что шпион этот из ГРУ. Одно шпионское дело нам предстоит реализовать во взаимодействии с товарищами из Ленинградского управления КГБ. Доказательства, необходимые для завершения разработки, собраны. Об этом деле вы осведомлены. Есть и другие обстоятельства, но позвольте мне о них пока умолчать.

Неординарное решение начальника отдела ставит точку в горячей дискуссии. Накал страстей спадает. В спорах рождается истина, а приказ руководства надо выполнять.

Ну, что же, всегда чувствуешь себя уверенно, когда известны планы противника. Хотя бы и не все, и не так подробно и обстоятельно, как хотелось бы. Можно действовать с открытыми глазами. Еще большая уверенность появляется тогда, когда принято решение о собственных планах.

События на Кременчугской улице

В этот день зимняя тьма, как и положено по сезону, спустилась на Москву рано. Уже к четырем часам вечера город был в плену сумерек, они быстро сгущались.

Темнота, однако, нисколько не была помехой для Лоренса Кроуфорда и Арнольда Бронсона. Американцы в движении уже полтора часа. Оба молчали, напряженно вглядываясь в автомашины, следовавшие позади них по слабо освещенным улицам Москвы.

План проверки строго выдерживается. Они уже побывали в одном из больших магазинов, постояли на заправочной станции, попетляли по переулкам Замоскворечья. Ни один, ни другой не заметили слежки. И прибор, следящий за радиоэфиром, тоже не зафиксировал ничего подозрительного. Все же американцы решили не отказываться от особо надежного способа проверки и ухода от наблюдения контрразведки. Если оно все же приняло такую форму, которая не подвластна их хитроумным приемам обнаружения, «выпрыгивающая кукла» дает хорошие результаты и

очень необходима в данном случае.

Кроуфорд и Бронсон ждут, когда автомашина достигнет намеченного участка дороги. За перекрестком они почти сразу свернут влево, и на одну-две минуты образуется «мертвая зона» для слежки. Вот здесь Арнольду Бронсону предстоит выпрыгнуть из притормозившей автомашины, а Кроуфорд сразу же запустит механизм «J.I.B.».

«Мертвая зона», блестяще выполненный маневр, и Кроуфорд теперь поедет к дому на улице Вавилова с манекеном-куклой на переднем сиденье, где только что был Арнольд Бронсон. Мгновенно надутый манекен из небольшого чемоданчика — Арнольд Бронсон как живой. Он поворачивает голову, как бы разговаривая с водителем. Полная иллюзия того, что оба американца в машине, которая быстро мчится к дому. Там, у себя на квартире, Лоренс Кроуфорд подаст условный знак жене, и та позвонит подруге-американке. Так по цепочке к Питеру Николсу поступит первый сигнал о ходе операции. Через два-три часа «Роберт Кэмпбелл», ожидающий известий в своей временной квартире на 3-м этаже здания посольства, получит второй условный сигнал — о благополучном завершении встречи с «Рекрутом». На следующий день, когда Александр Нарбеков позвонит в посольство из Нальчика, московский резидент ЦРУ, путешествующий с женой «по родным местам», узнает все, что необходимо.

…Арнольд Бронсон без происшествий добрался до Аминьевского шоссе. До времени встречи с «Рекрутом» оставалось 20 минут, и к телефонной будке на Кременчугской улице он придет, даже если не будет торопиться, минут на 10 раньше. Он и идет неторопливым шагом, осматриваясь все же по сторонам, прижимая к себе большую кожаную сумку. К ярко освещенной изнутри телефонной будке Бронсон подходит за 10 минут до назначенного времени встречи. Будка пуста, американец входит внутрь, снимает трубку и, набрав номер, делает вид, что разговаривает по телефону. На улице — редкие прохожие, быстро промелькнули и исчезли огоньки проехавшей автомашины.

Томительно проходят минуты. Вглядываясь в темную улицу, Бронсон еще очень далеко увидел одинокую фигуру медленно приближающегося мужчины. В левой руке у него газета, он ритмично помахивает рукой в такт ходу.

Такого финала, который произошел в последующие минуты, Арнольд Бронсон не ожидал никак.

У телефонной будки послышался резкий скрип тормозов автомашины с «мигалкой», и молодой человек в милицейской форме решительно шагнул к американцу.

— Вам придется проехать с нами в отделение, гражданин, — сказал молодой милиционер, и в считанные секунды порядком оторопевший Бронсон оказался в милицейском «жигуленке», зажатый на заднем сиденье между двумя молодыми парнями. У одного из них на коленях лежала кожаная сумка американца.

Потрясенный случившимся, Арнольд Бронсон пытался что-то сказать, достал из кармана дипломатическую карточку сотрудника американского посольства. Бесполезно, один из милиционеров, даже не взглянув на карточку, положил ее в карман шинели.

В отделении милиции

на проспекте Маршала Гречко

В помещении милиции на проспекте Маршала Гречко, всего в двух кварталах от Кременчугской улицы, Арнольда Бронсона, еще не отошедшего от шока задержания, провели в небольшую комнату и предложили раздеться. В комнате никого не было. Бронсон не стал снимать теплую куртку, только слегка расстегнул «молнию» и сел на стул, стоявший в углу.

— Двадцать минут назад произошло нападение на девушку, — сказал вошедший в комнату Климов, одетый в форму майора милиции, — у нее вырвали сумочку, и нападавший преступник передал ее другому мужчине, который побежал в сторону Давыдковской улицы. Грабители не могли уйти далеко. По некоторым приметам, которые нам сообщила девушка, мы организуем поиски и опознание преступников. Эта девушка сейчас у себя дома, скоро ее привезут сюда. А пока вам придется подождать.

«Майор» вышел, оставив в комнате молодого милиционера, одного из тех двоих, что задерживали Бронсона. Этим милицейским офицером был наш старый знакомый Станислав, контрразведчик из Американского отдела.

Разведчика ЦРУ охватило уныние. Он, может быть, впервые в жизни так растерялся и встревожился. Нет, конечно, не предстоявшая процедура опознания его пугала. Он беспокоился из-за содержимого своей кожаной сумки. Теперь уже невозможно отрицать, что сумка и находящийся в ней радиопередатчик для космической связи принадлежат ему. Молнией пронеслась мысль: электронный прибор даже самой новейшей конструкции — все же не улика назначенной встречи с агентом. Он что-нибудь придумает. А вот если будет обыск и обнаружат инструкции «Рекруту» и памятку резидентуры о проверке на маршруте движения к «Крем» и все те заметки, что относятся к «кукле»-манекену, — это полная катастрофа. Все помыслы Арнольда Бронсона направлены на то, как побыстрее избавиться от

небольших листков, лежащих плотной стопкой в заднем кармане брюк. Конечно, улику можно просто проглотить — бумажные листочки изготовлены из «съедобного» материала. Но как это сделать так, чтобы не было заметно? Лейтенант, который наблюдает за ним, очень внимателен. Туалет? Это, пожалуй, идея! Может быть, там имеются отдельные кабинки?

В туалетной комнате, куда Бронсона, снявшего куртку, сопровождал его опекун, было грязно. Ничего удивительного — это конец рабочего дня. Но самое неприятное — закрытых кабинок там не оказалось, просто перегородки у двух неопрятных унитазов. Хорошо хоть молодой лейтенант скромно отвернулся и смотрит в окно. Как бы поправляя одежду, Бронсон украдкой вытащил из заднего кармана тугих джинсов злополучные листки и крепко сжал в кулаке, готовясь кинуть их в унитаз. Но и унитаз, подумал американец, может не помочь, если листки не смоет слабой струей воды и какой-то из них прилипнет к стенкам. Неожиданно его внимание привлекла широкая трещина в стене. Уже почти не соображая, разведчик, бросив настороженный взгляд на отвернувшегося к окну лейтенанта, быстро засунул пачку в щель и почувствовал, как она проваливается в глубину.

Через несколько минут «майор» ввел в комнату заплаканную молоденькую девушку. Увидев американца, она отчаянно замотала головой из стороны в сторону. Успокоившийся Бронсон уже не возмущался, он ждал, что с возникшим недоразумением скоро будет покончено.

Проводив девушку к выходу, «майор» снова вернулся в комнату.

— Мы сожалеем, что с вами так получилось, — в голосе «майора» звучали угрюмые нотки, — пожалуйста, примите наши извинения. Надеемся, что не причинили вам больших неудобств. Но надо выяснить одно обстоятельство. В вашей кожаной сумке находится радиопередатчик с антенной очень сложной конструкции. По правилам нашей страны вам надлежит иметь соответствующее разрешение на пользование радиопередатчиком в Москве. Я уверен, оно у вас есть. Но это уже компетенция Комитета государственной безопасности. Представитель КГБ вот-вот приедет, и вы с ним спокойно разберетесь с этой проблемой.

Из речи «майора» Арнольд Бронсон понял, что перед ним извиняются. Но знакомые ему слова «Комитет государственной безопасности» и что-то связанное с его радиопередатчиком неприятно резанули слух. Необходимо срочно придумать какое-то объяснение. Конечно, даже самая правдоподобная легенда не решит проблемы отсутствующей лицензии, но это лучше, чем просто умолчание.

В половине восьмого вечера Арнольда Бронсона пригласили в кабинет начальника отделения милиции. Его встречали двое: уже известный ему «майор» милиции и полный мужчина в штатском.

— Позвольте вас познакомить, это представитель органов КГБ господин Платонов. Мы попросили его прийти в связи с обнаруженным у вас радиопередатчиком.

Пришедший — Иван Платонович Старобельский — был сама любезность. Расположившись за столом хозяина кабинета, он на хорошем английском языке предложил Бронсону стоявшее у стола кресло. «Майор» Климов устроился рядом на стуле. На краю стола — кожаная сумка, около нее — драгоценный для владельца радиопередатчик в изящном пластиковом футляре, поблескивающий диском встроенной антенны и кнопками алфавита шифратора.

— Господин Платонов, я американский дипломат, и по нашим правилам могу разговаривать с вами только в присутствии консула Соединенных Штатов. Бронсон старается быть предельно вежливым. В его положении не следует раздражать представителя властей. И он уже немного успокоился.

— Я это знаю, господин Бронсон, — ответил Старобельский, рассматривая дипломатическую карточку американца. — Мы, правда, полагали, что вы заинтересованы в быстрейшем решении вопроса. Однако, принимая во внимание, кто вы есть, мы уведомили наше Министерство иностранных дел о задержании вас в милиции с официально незарегистрированным в нашей стране радиопередатчиком. Все это теперь, наверное, известно вашему посольству. Видимо, через несколько минут ваш консул будет здесь, а пока, если вы не возражаете, мы просто побеседуем или молча подождем. Майор предлагает нам всем горячего чаю. Согласны?

Арнольд Бронсон поблагодарил и вежливо отказался. Разведчик ЦРУ, попавший в подобную ситуацию, предупреждают в Лэнгли, не должен принимать угощения, даже не пить воды! Это опасно. Противник может применить препарат, воздействующий на психику.

— Если вы не сможете ответить, это ваше право, но я прошу вас сейчас выслушать то, что я вам скажу. Посольству Соединенных Штатов будет трудно объяснить советским властям, почему у американского дипломата оказался по существу подпольный радиопередатчик такой сложной конструкции и такого необычного назначения. Я буду с вами вполне откровенен, радиопередатчики такого типа используются Центральным разведывательным управлением для поддержания конспиративной связи с агентами — иностранными гражданами.

Нам будет нелегко скрыть это обстоятельство от журналистов, они люди въедливые и любят всяческие сенсации.

Старобельский и Климов увидели, как вздрогнул Арнольд Бронсон. Климов смотрел на разведчика «глубокого прикрытия» с любопытством. Тот быстро овладел собой и сидел с прежним невозмутимым видом. Впрочем, контрразведчикам была важна не столько реакция американца. Теперь он услышал главное, о чем должны знать в Лэнгли. Конечно, это плохо, что его подозревают, но ведь о «Рекруте» русской контрразведке скорее всего неизвестно, иначе весь этот неприятный разговор происходил бы не здесь, а в КГБ.

В приоткрывшуюся дверь кабинета заглянул «лейтенант» и попросил Климова выйти — в отделение милиции доставили какого-то пьяного, дебошира.

То, что пришлось увидеть Анатолию Владимировичу, наверняка серьезно осложнило бы положение «Нарцисса». Сначала Станислав показал глубокую трещину в туалетной комнате, уходящую вниз, в подвал. Потом, спустившись, контрразведчики разглядывали продолжение щели в самом подвальном помещении. На дне сужавшейся трещины белели маленькие листы бумаги. Взяв один из них, Климов понял все. Станислав шепнул ему несколько слов. Стоя спиной к Бронсону, он заметил в загрязненном оконном стекле почти незаметные молниеносные действия американца, засунувшего в трещину какой-то предмет.

Телефонный звонок Сергею Александровичу Краснову, и необходимые указания получены: изобличением «Нарцисса» не заниматься, достаточно того, что уже сделано, иначе будет нарушен замысел всей операции и пострадает Аркадий. «Составьте акт о задержании сотрудника посольства с незарегистрированным радиопередатчиком, и когда приедет консул посольства, отпустите американца», — таков был вердикт начальника отдела.

В приемной комнате милиции снимает пальто только что прибывший сотрудник протокольного отдела МИД Богучаров, почти следом за ним входит американский консул. Теперь в кабинете начальника отделения милиции пятеро мужчин: двое американцев — Бронсон и Картер и трое русских — Старобельский, Климов и Богучаров. Станислав в соседней комнате трудится над составлением акта. Иван Платонович рассказывает о случившемся. Консул подтверждает: да, Арнольд Бронсон — сотрудник посольства Соединенных Штатов и обладает дипломатическим иммунитетом. Оба признают, что лицензии на право пользования радиопередатчиком у американца

нет, возможно, не успели оформить. Это прискорбно и достойно сожаления. Посольство приносит извинения и немедленно займется оформлением лицензии. Или, по крайней мере, не допустит того, чтобы радиопередатчик покидал здание представительства без надлежащей лицензии. В Соединенных Штатах уважают чужие законы и умеют отстаивать свои собственные. Вместе с тем необходимо, чтобы русские господа знали: то, чем занимался мистер Бронсон, входит в программу обеспечения безопасности сотрудников посольства, им может потребоваться экстренная связь с представительством. Русские буквы на клавиатуре? — но ведь советские власти, по-видимому, знают, что почти половина персонала представительства — русские.

Контрразведчики с трудом сдерживают улыбки, но не выдают себя и принимают объяснения. Климов приносит подготовленный акт. Старобельский и Картер подписывают документ, в котором сухим канцелярским языком отмечается, что американский дипломат Арнольд Бронсон не имеет разрешения пользоваться в Советском Союзе радиопередатчиком, который у него обнаружен 31 января 1986 года. Посольство в лице консула Картера приносит извинения за это недоразумение и обязуется соблюдать действующие в СССР административные правила.

— Ну, что же, — подытожил церемонию Старобельский, — все хорошо, что хорошо кончается. Совсем как в знаменитой комедии великого английского драматурга. — Эта фраза, произнесенная на хорошем английском языке, в устах контрразведчика звучит торжественно. — Радиопередатчик мы пока оставляем у себя. До прояснения ситуации с лицензией.

Новые происшествия в Москве

Подписанием акта маленькой драмы завершился этот зимний день, принесшей московской резидентуре такие нелепые огорчения, но все же окончившийся, по мнению некоторых в Лэнгли, с наименьшими возможными потерями. Не скрывают разочарования и раздражения срочно вернувшийся в Москву из поездки на Кавказ Александр Нарбеков и Питер Николс, вылетевший вскоре в Вашингтон. Последнему ясно одно: что бы ни случилось с «Рекрутом», Арнольда Бронсона необходимо отзывать из Советского Союза.

Через две недели американца, у которого «ухудшилось здоровье», тихо и незаметно отправят на родину. В аэропорту «Шереметьево» контрразведчики, так же тихо и незаметно, проводят «Нарцисса» в дальнюю дорогу и «попрощаются» с ним, зная, что разведчик «глубокого прикрытия» уже никогда не вернется в Советский Союз. Даже когда его вылечат от «болезни».

А в середине февраля в одной из московских газет, в рубрике текущих событий, появилась небольшая статья корреспондента газеты под заголовком: «Странная история с дипломатом посольства». Корреспондент писал, что на днях органами Государственной безопасности СССР завершено расследование инцидента, которое произошло в отдаленном районе Москвы с одним из сотрудников посольства Соединенных Штатов. Имя дипломата не называлось. У американца, сообщал корреспондент, обнаружен радиопередатчик — сложная электронная аппаратура для связи с американским искусственным спутником Земли системы «Марисат». Американский дипломат не имел разрешения советских властей на пользование радиопередатчиком на территории СССР, и посольство США, хотя и принесло извинения, почему-то отказывается оформить соответствующий документ. Аппаратура конфискована. Следует отметить, указывал корреспондент газеты, что подобная аппаратура спутниковой связи используется в США для разведывательных целей. Не исключено, что дипломат посольства пытался провести пробный сеанс связи на космос, так как радиопередатчик был полностью готов к этому. Надо сказать, говорилось в конце статьи, что электронная аппаратура, которая оказалась у дипломата американского посольства, позволяет передавать зашифрованные сообщения в считанные секунды, что делает ее применение очень удобным и безопасным для контактов с агентами, чем использующиеся сейчас американской разведкой способы связи с агентурой. Можно считать, что органами КГБ вскрыто важное и перспективное направление разведывательной работы, которое раньше не практиковалось в нашей стране иностранными спецслужбами.

Впрочем, статья московского корреспондента была опубликована на предпоследней странице газеты, и вряд ли многие читатели обратили на нее внимание.

События разразившейся бури на этом не закончились, хотя и не сразу сообщения обо всех из них появились в средствах массовой информации.

Уже в самом конце зимы советской контрразведкой был арестован прибывший из долгосрочной командировки в Лиссабон агент Центрального разведывательного управления «Доллар», тот самый майор ГРУ, который вызвался работать на американскую разведку за «сто тысяч» долларов, но не сумевший развернуться после возвращения в Москву. А спустя несколько дней после ареста «Доллара» в Ленинграде при изъятии тайникового контейнера, заложенного разведчиками оперативной группы ЦРУ в американском генеральном консульстве, был задержан с

поличным «Дэниэль Рост», любезно уступленный западногерманской разведслужбой своему старшему партнеру.

В наступившей короткой паузе можно было считать потери и готовиться к новому раунду схватки.

Госпожа «Удача»

— Все-таки «господин Случай» что-то значит в нашей жизни, — сказал Иван Платонович Старобельский, возвратившись из Управления военной контрразведки, где ему показали оперативные материалы о майоре ГРУ, завербованном американской разведкой в Лиссабоне. О том самом агенте ЦРУ с причудливым псевдонимом «Доллар», который три недели назад вернулся из Португалии и, подгоняемый желанием отработать свои «тридцать сребреников» и получить обещанный ему новый щедрый гонорар, торопился оповестить Лэнгли о готовности начать работу в Москве.

И в который уже раз для сигнальной метки была пущена в ход губная помада. Разведчиком московской резидентуры ЦРУ, «прочитавшим» сигнал, был уже известный нам Лоренс Кроуфорд.

— Трудно недооценивать роль случайных обстоятельств в любом деле, вступил в разговор Климов.

Иван Платонович Старобельский и Алексей Владимирович Климов снова встречались в кабинете начальника Американского отдела. Втроем они обсуждали итоги жаркой зимы.

— Да, в какой-то мере господин «Случай». Понимаете, Сергей Александрович и Алексей, — проговорил Старобельский, обращаясь к собеседникам, — след к майору военной разведки, можно сказать, потянулся при несколько необычных обстоятельствах. Офицеру безопасности нашего посольства в Лиссабоне попало в руки анонимное письмо от иностранца. Тот, очевидно, неплохо знал, по крайней мере внешне, резидента ЦРУ в Португалии и однажды стал свидетелем встречи американца в одной из гостиниц Лиссабона с каким-то русским дипломатом. Он сделал такой вывод дипломатическому знаку автомашины, который ему удалось заметить. Он также описал в общих чертах внешность русского. Автор письма не сомневался в явно конспиративном характере контакта. Вот в таких условиях и с такой информацией наша резидентура в Лиссабоне стала решать задачу с несколькими неизвестными. Дипломата посольства установили быстро — им оказался помощник военного атташе. Резидентура затем проследила, что он еще дважды конспиративно встречался с резидентом ЦРУ в той же гостинице. Провели осторожную проверку — никаких служебных поручений, связанных с контактами с американцами, помощник военного атташе не должен был выполнять. Так что сомнений просто не

оставалось. Стали искать «доброжелателя» — неудачно. Версий много. Это мог быть и какой-то сотрудник американского посольства, не взлюбивший Лэнгли, но по понятным причинам пожелавший остаться неизвестным. Мог быть работник местной службы безопасности, имеющий причины именно так относиться к Центральному разведывательному управлению. В общем, можно только гадать. И ждать, не проявится ли автор этого письма еще раз. Правда, для нас в данный момент это, пожалуй, не имеет значения.

— Вот уж никак нельзя назвать случайностью то, как появилась информация о шпионе американской разведки в Ленинграде. — Климов только что возвратился из Северной Пальмиры, где участвовал в захвате «Дэниэля Роста». — Как я понимаю, наши друзья из ГДР передали нам оперативные данные, которые получили от своего источника в БНД. Это никак нельзя назвать случайным успехом, хотя и такие непредвиденные удачи бывают. Возьмем, например, дело Плахова. Вот где сыграл свою роль господин «Случай», как вы, Иван Платонович, говорите. Его нам «подарил» «Нарцисс» из-за своей небрежности. Кто знает, как бы пошли дела, не соверши они промашки с фотоаппаратом «Минокс». Да и в деле Аркадия Порываева немало случайного.

— Я полагаю, — вмешался Краснов, — вы оба по-своему правы. И все же не будем забывать законов диалектики. Случайность — категория философская. Так же как и ее родная сестра — закономерность. Обе эти категории важны и совершенно объективно действуют в нашей работе, и к обеим необходимо относиться с уважением. Мы в контрразведке обязаны использовать любую возможность, не выходящую за рамки дозволенного законом, чтобы противостоять противнику. С этой точки зрения важен не сам господин «Случай», важно не пройти мимо и умело им воспользоваться. Удача капризная дама, она любит, когда за ней ухаживают. Все названные вами дела, которые контрразведка так удачно завершила, — лучший пример такого подхода. И Плахов, и майор из военной разведки, и Аркадий, который нам очень серьезно помог. И, конечно же, ленинградское дело. Оно в этом же ряду, и отнюдь не исключение из общего правила. Немецкие друзья ведь не случайно занимаются БНД. И мы совершенно не случайно повернули информацию Аркадия Порываева в нужное нам русло.

— И тем не менее господин «Случай» всегда хорош, — сказал Старобельский, — конечно, когда имеет приятный для нас характер.

— Ладно, — не возражал Климов, — давайте повенчаем этого господина с госпожой «Удачей». И скрепим брачный союз еще и

умелой настойчивостью.

— Договорились, — рассмеялся Краснов, словно завершая беседу на эту философскую тему. — Однако полагаться только на господина «Случая» было бы, я полагаю, верхом глупости. Неразумно рассчитывать только на то, что происходит само собой. Нужна организующая сила, воля и настойчивость. Можно, конечно, воспринимать случай как везение. Но тогда надо вспомнить, что говорил наш выдающийся полководец Александр Васильевич Суворов: «Везенье — везеньем, но когда-нибудь надобно и уменье!»

Уже перед самым уходом к себе Климов добавил, обращаясь к начальнику отдела:

— Сергей Александрович, мы сейчас готовим завершающую стадию операции с «Рекрутом». К концу дня прошу вас принять меня и Станислава с проектом письма «Рекрута» американцам. Станислав и я завтра сможем с ним увидеться.

Глава четырнадцатая

«По ком звонит колокол»
«Рекрут» преподносит сюрприз

Говорят, что надо всегда прислушиваться к колокольному звону — колокол может звонить по тебе и навевать мысли о вечном. Или — о чем-то преходящем и неопределенном, как туман, который рано или поздно рассеется.

Телеграмма московской резидентуры о неудачном выходе Арнольда Бронсона на встречу с «Рекрутом», о задержании его милицией по подозрению в ограблении девушки и о радиопередатчике, который попал в руки к русским, поразила начальника Советского отдела Оперативного Директората, может быть, не меньше, чем сообщение о провале «Пилигрима». Возвратившийся из Москвы Питер Николс дополнил это печальное известие подробностями о событиях в отделении милиции на проспекте Маршала Гречко, о которых доложил подавленный случившимся разведчик резидентуры.

— Вы совершенно правильно ставите вопрос об Арнольде, — сказал Николсу Джеймс Вулрич, — ему нельзя оставаться в Советском Союзе. Независимо от того, уцелеет ли «Рекрут» или его ожидает судьба несчастного «Пилигрима».

— Да, сэр, я рад, что вы разделяете мое мнение. Мы немедленно направим телеграмму Александру Нарбекову, чтобы Арнольд готовился к отъезду. Думаю, надо объяснить его отъезд каким-то благовидным предлогом, например, болезнью матери или его самого. Знаете, я уверен, что слежки за Арнольдом не было, как не было наблюдения за ним все последнее время. Да и «J.I.B.» все-таки надежное средство, чтобы избавиться от преследователей. Странно, однако, что оказался неудачным отвлекающий маневр с поездкой Александра на Кавказ.

Последствия этого разговора в Советском отделе Лэнгли уже известны. Поспешный отъезд из Москвы Арнольда Бронсона остался малоприметным для большинства американцев с улицы Чайковского, но был по достоинству оценен в доме № 1/3 на улице Дзержинского.

— Совершенно ясно, Питер, — говорил своему заместителю начальник Советского отдела несколько дней спустя после возвращения «Роберта Кэмпбелла» в Вашингтон, — что нам и Эрику Хонтауэру в его новой должности главного контрразведчика ЦРУ потребуется делать серьезный и всесторонний анализ всего, что случилось в Москве. Может быть,

мы что-то узнаем о «Рекруте».

Судьба агента, которого в Лэнгли готовили на роль «крота» в Ясеневе, основательно беспокоила Джеймса Вулрича. Вести о «Рекруте» появились в Советском отделе Оперативного Директората уже на следующей неделе. На стол «Волка» Вулрича легло проявленное в лаборатории Лэнгли и расшифрованное в самом отделе письмо от агента ЦРУ:

«Дорогие друзья! Я вынужден просить вас освободить меня от тех обязательств, которые я так неосторожно взял на себя после всех ваших заверений о безопасности наших встреч. Сегодня я испытал настоящий ужас у места встречи «Крем». Я был в двухстах метрах от телефонной будки и увидел страшную сцену, когда в милицейскую машину усаживали человека, только что вышедшего из будки. Наверное, это был американец или англичанин, потому что он кричал что-то на английском языке. Возможно, мне повезло, я задержался минут на 8-10. Я тут же повернул назад, там был угол улицы. Я уверен, что вы поймете мое чувство. Я больше не могу и не хочу так рисковать. Надеюсь, что вы проявите благородство. Прошу вас не посылать мне радиограмм, я не смогу их прочитать, я все материалы уничтожил. Пожалуйста, не пытайтесь связаться со мной в Москве. Прощайте.

Ваш друг».

— Ну вот, Питер, еще одно недостающее звено. Что вы теперь думаете о событиях в Москве? — Голос начальника Советского отдела непривычно задрожал. — Не знаю, что придется доложить директору и как объяснять все случившееся. Честно говоря, я уже не так уверен в непогрешимости проверки разведчиков резидентуры. Но несравнимо больше этого я думаю о трагической утечке информации отсюда.

— Я вас понимаю, сэр. — «Везунчик» не может скрыть от шефа своей растерянности. — У победы много живых родителей, а неудача — всегда остается сиротой. Мне, наверное, следует, прежде всего винить себя. Особенно сейчас в Москве. И в деле «Рекрута», и тогда, в деле «Пилигрима», слишком велика была жажда удачи. Может быть, и посчастливилось ее поймать, но удержать — не удалось. Не хотелось бы быть охотником, угодившим и капкан.

— Ладно, Питер, прекратите казнить себя. Грустно признавать поражения, но вы безусловно правы. К победам быстро привыкаешь, они создают эйфорию, и она очень вредна, если ею слишком увлекаться. Всегда нужен холодный душ, он закаляет. Как бы ни была трудна схватка с сильным противником (а русские очень крепкий и сильный противник, необходимо это

признавать), как ни сложна обстановка для нас в Советском Союзе, — я уверен, что нам удастся разгадать загадки, которые задают нам русские. Жаль только, что приходится тратить на это драгоценное время и массу нервной энергии.

Святая простота

«О, Sancta Simplicitas!» — это были последние в его жизни слова. Обвиненного в ереси и сожженного на костре чешского богослова-реформатора Яна Гуса, успевшего увидеть пожилую женщину, бросавшую в бушующее пламя связку сухого хвороста. Поистине — святая простота.

Начальник Советского отдела Оперативного Директората ЦРУ мог не опасаться казни на костре. Он не был еретиком-отступником от канонов Центрального разведывательного управления. Даже в худшие для Лэнгли времена он оставался усердным и решительным солдатом тайной войны, пользовавшимся непререкаемым авторитетом у всех руководителей, с которыми служил эти долгие годы. Бескомпромиссным борцом с «империей зла».

Вулрича не пугало его будущее. Да, ему не хотелось уходить из разведки, он может еще поработать, и возраст пока не помеха. Но в конце концов он готов к отставке — пенсия у таких, как он, ветеранов Центрального разведывательного управления, позволяет жить вполне безбедно, содержать семью и детей, еще не пустившихся в свободное плавание по жизни, иметь уютное жилище.

В значительно большей мере он был озабочен другим: проигрышем почти выигранной партии, досадой на то, что позволил себя обыграть тем, к кому всегда относился свысока, как к представителям низшей формации, хотя и побаивался их, как Давид боялся грозного гиганта Голиафа. И еще беспокоило то, что его будут осуждать за «непрофессионализм» коллеги, многие из которых просто недостойны предъявлять ему претензии. Именно они бросят охапку дров в тот костер, который постараются разжечь его недоброжелатели вокруг провалов московской резидентуры и Советского отдела.

Были ли неудачи у Джеймса «Волка» Вулрича? — Он не любил о них вспоминать, но они, конечно, случались, кто в разведке от них застрахован! Однако у Советского отдела в прошлом ее не было столь зловещих «урожаев» на невзгоды, еще никогда на отдел ее не обрушивалось столько провалов, следующих один за другим с такой поразительной частотой!

Вначале непонятный удар судьбы с «Пилигримом». Затем «Рекрут», отказавшийся от сотрудничества в самый разгар удачного поворота событий, и одновременно — потеря

ценнейшей уникальной аппаратуры, которая могла изменить работу московской резидентуры с агентами. И вот теперь — трагедия с провалом сразу двух ценных агентов, на которых делалась особая ставка в Лэнгли. Специалиста по подводному флоту СССР из Ленинграда и «крот» ЦРУ в советской военной разведке! Трудно перенести эту катастрофу (иначе просто не назовешь!), тем более что за всеми неприятными неудачами стоит тайна успехов русских.

Об этом новом провале начальнику Советского отдела стало известно совсем недавно. Он был просто поражен случившимся: ведь московская резидентура фактически даже не успела приступить к работе по связи с «Долларом». Правда, все необходимые материалы были направлены Александру Нарбекову.

Катастрофа в Ленинграде, где «Дэниэль Рост» был схвачен в пригороде, пытаясь извлечь свой первый тайниковый контейнер в Советском Союзе, тоже не поддавалась объяснениям. «Наследили» в ленинградской оперативной группе или русские перехватили ее переписку с Лэнгли? Или еще что-то?

Что же это такое? Русский «крот» в самом Советском отделе? Вулрич метался в сомнениях и догадках, подозревая и оправдывая одних, осторожно добивался перевода в другие подразделения тех, в ком по каким-либо причинам не был уверен или кого просто невзлюбил. А провалы тем временем не прекращались. Так в чем же дело? Джеймс «Волк» Вулрич вконец потерял покой.

На начальника Советского отдела наваливались воспоминания. Так, наверное, бывает всегда, когда радостные события уступают место беспокойному поиску причин жизненных неудач.

Джеймс Вулрич вспомнил, что говорил кумир его юношеских дней Джон Кеннеди. У президента, хорошего оратора, нашлись нужные слова: «О ваших успехах не говорят, о ваших же неудачах — трубят повсюду. Вы не можете говорить о ваших достижениях, ваши же провалы говорят сами за себя».

Провали Центрального разведывательного управления на московском фронте в восьмидесятые годы становились отвратительным кошмаром для «Волка» Вулрича. Он не мог даже представить себе, что дела в Москве пойдут так скверно.

«Я рад, что мы начинаем преодолевать комплекс неполноценности, говорил он своим новым подчиненным, придя в Советский отдел в конце семидесятых. — Мы не можем позволить Советам вытирать о нас ноги. «Карфаген должен быть разрушен» — призывал известный римский консул. И римляне

добились своего — победили своего главного соперника. Русские — теперь наш главный противник, и Москва, как Карфаген когда-то, должна пасть».

«Поведение Советского Союза имеет одну цель — мировое господство. Джеймс Вулрич, возможно, сам того не замечая, говорил в отделе в начале восьмидесятых языком своего нового шефа директора ЦРУ Уильяма Кейси. Американский народ должен противостоять этому намерению нашего главного врага. Такая задача поручена Центральному разведывательному управлению, и мы будем это делать. Неважно, какими методами. И совсем не обязательно надевать при этом белые перчатки».

Вулрич обретал свое амплуа. Недаром в Лэнгли его стали называть «Волком».

И вот теперь приходится говорить о «кроте», агенте русской разведки в Лэнгли, о виновнике всех происходящих бед и несчастий американцев в Москве!

И снова Джеймс Вулрич вспомнил, как несколько лет назад яростно спорил с влиятельным в Лэнгли начальником контрразведки ЦРУ Джеймсом Энглтоном, высмеивал его теорию «русского проникновения» в американскую разведку. С тем самым Энглтоном, место которого теперь занимает Эрик Хонтауэр. Тогда, в семидесятые годы, размышления Энглтона казались Джеймсу Вулричу сумбурной фантазией. Центральное разведывательное управление безупречно. Оно должно быть вне подозрений. Никакой иностранной разведке не под силу проникнуть в его ряды — такие постулаты были не просто живучи, они стояли стальным изваянием и подпитывались американским патриотизмом. До поры до времени. Пока не были свергнуты суровой действительностью с догматического пьедестала.

Со временем Джеймс Вулрич перестал критиковать «теории» Энглтона. Они уже не казались ему такими безосновательными. Но его решение было более радикальным: «клин надо вышибать клином». Русские «кроты» — жестокая реальность, их надо выискивать и преследовать всей мощью американских спецслужб. И главное в этом — необходимо заводить своих собственных «кротов» в русской разведывательной службе. Нельзя жалеть средств и времени на их приобретение.

Вот тогда-то и были усилены «русские группы» в зарубежных резидентурах ЦРУ, нацеленные на вербовку «кротов» в советских представительствах за границей. Вот тогда-то и заработала в полную мощь программа ЦРУ-ФБР «Кортшип» в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Первая эйфория успехов делала свое дело. Презирая

противника, Джеймс Вулрич (и не он один!) считал, что это правильный путь в сфере противоборства с русскими. Американские «кроты» в советских спецслужбах важная гарантия для Центрального разведывательного управления, эффективное лекарство от всяческих бед, надежное средство от неожиданностей.

Последние провалы в Москве, расцененные многими в Лэнгли как следствие тайной работы русского «крота», привели к новому всплеску «теорий» Энгльтона, но уже в несколько другом варианте. Версия о советском «кроте» устраивала многих в ЦРУ. Она была удобным оправданием собственных ошибок и оплошностей, а главное — помогала принизить силу противника, всю совокупную способность оппонента к эффективной обороне, которую в Лэнгли никак не хотели признавать. Поэтому-то и списывали поражения на проникшего в американские спецслужбы «крота», а может быть, целое семейство «кротов», мостивших успехи русских в борьбе с благородным соперником!

Кошмар «русских кротов» висел в кабинетах Лэнгли липким туманом, внося нервозность и суматоху в размеренную жизнь ведомства и ломая судьбы многих американских разведчиков, становившихся жертвами подозрений. Создавались специальные комиссии, шли бесконечные расследования, появлялись на свет пухлые доклады с грифом «совершенно секретно».

В Лэнгли, выставляя напоказ свои аналитические таланты, искали «истину». Ту истину, которая должна была сделать ее носителей свободными и сильными. Если верить призыву Нагорной проповеди, запечатленному в вестибюле здания штаб-квартиры ЦРУ.

Пока удар не обрушился на самые верхи Центрального разведывательного управления.

Могущественный сенатский комитет Конгресса по разведке, задетый невниманием к себе руководства Лэнгли и посчитав оскорбительным для Америки крушение мифа о «жене Цезаря», потерявшей репутацию благопристойной матроны, решил не жалеть начальственных голов ЦРУ. Сенаторы на Капитолийском холме потребовали крови. Одни хищники были очень недовольны другими.

Версия о «кроте» КГБ, погубившего «Пилигрима» и выдавшего русским другие разведывательные операции американцев против Советского Союза, вконец измучила Джеймса Вулрича.

Война не бывает без жертв. Тайная война — не исключение. «Звездочки» в мемориальном зале Лэнгли — это символ ненасытного Молоха. О жертвах, приносимых на алтарь тайных баталий, вынуждены помнить все те, кто проходит мимо. Это по

ним звонит колокол. Он звонит и по Джеймсу «Волку» Вулричу.

…Джеймс Вулрич медленно бредет к автомобильной стоянке. Он сгорбился, плечи опустились. Где же его былая выдержка, где железная воля, где прозорливость, не раз выручавшая в прошлом?

«Волк» Вулрич не привык выставлять наружу свои чувства. Вот и сейчас, похоже, ему придется переживать неудачи в одиночестве. Другие не выручат, не вернут ему уверенности. Не выручит тяжело больной Уильям Кейси, дни директора ЦРУ сочтены, он умирает от мучительного недуга.

Да и всегда ли будет надежно действовать алгоритм, которому Вулрич поклонялся, следуя заветам своих кумиров Аллена Даллеса и Уильяма Кейси? О Карфагене, который должен быть разрушен. О главном противнике, которого следует сокрушить до основания. Ну, допустим, удастся это сделать, и крепость, которую сейчас осаждают Соединенные Штаты, падет. Наверняка появятся новые, невиданные опасности и угрозы. Тысячи ядовитых змей в джунглях, как образно скажет один из ветеранов ЦРУ, когда восьмидесятые годы, наконец, завершатся и многие почувствуют конец «холодной войны».

Шаркая негнущимися ногами, Джеймс Вулрич шел к автомашине. Он думал о потерянных агентах, о своих несбывшихся планах и расчетах, о неудачной надежде на то, что его «крот» обоснуется в русской разведке. О противнике, который на этот раз оказался хитрее и удачливее, чем он сам. О розах и шипах, вечных спутниках разведки, которой он отдал свою жизнь, всю свою карьеру. Об аромате триумфа, который жадно вдыхал в Вашингтоне, и о тяжелой горечи провалов, которые пришлось испытать.

Вулрич видел плотоядный оскал волков и лис, на которых он так любил охотиться. Ему показалось, что волки и лисы смеются. И те, что чучелами и на фотографиях висят в его кабинете, и те, что устроились в его вашингтонской квартире, и те, которых он не сумел сделать своими трофеями.

Наверное, он больше не выдерживает. Да и возраст уже не тот, когда можно спокойно и безучастно переносить беды. Надо уметь вовремя уходить.

Видение смеющихся волков сопровождало Джеймса Вулрича долго, не отпускало его и тогда, когда он двинулся на своей автомашине к дому. Кто знает: может быть, оно теперь никогда не исчезнет из его жизни?

Несостоявшиеся мемуары

Прошло несколько месяцев. Ушли в прошлое события, радостные и неприятные для начальника Советского отдела, наступили новые — полные надежд и очередных разочарований.

Пришло время, когда Джеймса Вулрича вежливо и деликатно проводили в отставку. В письме заменившего умершего Кейси нового директора Центрального разведывательного управления, которое начальнику Советского отдела доставили вместе с другими документами, содержалась «глубокая признательность за долгую и безупречную службу». Ложка дегтя в этом полном сладкого меда письме на официальном бланке директора Лэнгли была припрятана в самом конце: «К сожалению, не удалось избежать и неудач, когда вы руководили одним из важнейших отделов». И неожиданное заключение: «Мы понимаем, что в связи с ухудшением состояния здоровья и возрастом вам трудно продолжать работу с прежней энергией».

«Ну, что же, этого следовало ожидать, — подумал Вулрич, в действительности надеявшийся еще на что-то иное, — вполне в духе времени, требующем внимания и обходительности. Ухудшение здоровья и совершенно ясное указание на годы. Хорошо еще, что нет обвинений в некомпетентности».

Ветеран американской разведки, руководитель одного из важнейших подразделений Оперативного Директората, всегда находившегося на острие борьбы с главным противником, должен уходить! «Пора, наконец, отдохнуть, подумал Вулрич, — заняться самим собой, внучками». Джеймс «Волк» Вулрич старался не задумываться над прошлым. Ну, а что же будущее?

Он не станет подобно иным своим коллегам заниматься сочинительством. Литературный труд не для него. Вулрич был крайне раздосадован появлением на книжном рынке постыдных творений о Центральном разведывательном управлении. Пронырливые писаки! Они только и мечтают о том, чтобы заработать на сенсациях! Не помогают и те запретительные меры, которые вводятся руководством Центрального разведывательного управления для защиты своих секретов. Невеселые мысли одолевали бывшего начальника Советского отдела.

Джеймс Вулрич вспомнил недавние метаморфозы. Не столь уж давно американским журналистам и литераторам, всем тем, кто затрагивал проблемы деятельности спецслужб, не рекомендовалось писать о зарубежных резидентурах Центрального разведывательного управления. «Не рекомендовалось» — сказано мягко. Эта тема была запретной. Могли пострадать кадровые разведчики и особенно агенты, действующие в глубоком подполье. И запрету подчинялись. Абсолютным табу для средств массовой информации оставалась московская резидентура ЦРУ.

Соблазнительная тема, полная богатейших сенсаций! Но, увы, нельзя писать о победах — неизбежно будут раскрыты каналы

разведывательного проникновения, источники получения информации, будет нанесен непоправимый урон самоотверженным агентам разведки, окажутся расшифрованными сотрудники ЦРУ, использующие дипломатические и иные прикрытия.

С другой стороны, — у Вулрича не было никаких сомнений, — нельзя касаться поражений, нанесенных «главным противником». По тем же причинам. А главное — непатриотично. Да и не следует настраивать против Лэнгли доверчивую общественность.

«Ныне положение существенно изменилось. Новые руководители Центрального разведывательного управления, — горько размышлял Вулрич, объявили себя поборниками гласности, забывая о том, что разведка сильна конспирацией. О ней заботились яркие умы американской разведки — Аллен Даллес, Дик Хелмс, Уильям Кейси. Они внедряли правила конспирации в сознание своих подчиненных, особенно в сознание и понимание правительственных чиновников и Конгресса, равнодушных к секретам разведки. И не было такого разгула публикаций о ЦРУ, раскрывающих методы его работы и — даже страшно подумать! — ее верных агентов».

Среди его бывших коллег нашлись любители поговорить о ЦРУ, предаться воспоминаниям. Он, Джеймс Вулрич, не напишет мемуаров. Хотя и мог бы! Книга бывшего руководителя Советского отдела Оперативного Директората ЦРУ, написанная со знанием дела, наверняка стала бы бестселлером. Конечно, он написал бы о «волках» из разведки — ведь он сам был из их породы. Да и о «кротах» американской разведки, проникших в важные объекты Советского Союза, он мог бы сообщить немало любопытного. Советский отдел мог похвалиться успехами.

Тщеславно подумал: и гонорар за такой бестселлер был бы баснословным! Да и в КГБ многое дали бы за то, чтобы появились мемуары начальника Советского отдела.

Джеймс «Волк» Вулрич не напишет книги о своем отделе, о московской резидентуре Центрального разведывательного управления, о подразделениях Лэнгли в странах советского блока — в Праге, Берлине, Варшаве, Софии, Бухаресте. В странах, граничащих с Советским Союзом, — в Хельсинки, Осло, Анкаре и Стамбуле, Тегеране и Кабуле. В «нейтральном» Стокгольме. Там, где в резидентурах ЦРУ действуют «русские группы», поставляющие «товар» в Советский отдел.

В чем же причина? — Он и сам еще не до конца осознал, что пришлось бы писать не только и, может быть, не столько об успехах и победах, сколько о неудачах и поражениях

подразделений разведки. И в первую очередь о провалах московской резидентуры. Ему пришлось бы рассказывать любопытным читателям о крупных провалах агентов американской разведки в Советском Союзе, о разоблачении органами КГБ в последние годы уходящего десятилетия агентов Центрального разведывательного управления Калинина, Московцева, Толкачева, Полещука, Полякова, Поташева и других. О захвате советской контрразведкой с поличным разведчиков ЦРУ, действовавших под «крышей» американских дипломатических представительств в СССР, — Питера Богатыря, Луиса Томаса, Ричарда Осборна, Пола Стомбауха, Лона Аугустенборга, Майкла Селлерса, Эрика Сайтса. О раскрытии Комитетом государственной безопасности Советского Союза специальных оперативно-технических мероприятий ЦРУ в Москве, у берегов Камчатки, на железнодорожной магистрали Находка — Ленинград. Обо всем том, что заставило американского писателя-публициста Дэвида Уайза, автора многих книг о Центральном разведывательном управлении, горько признавать, что в восьмидесятые годы в Москве были провалены многие операции ЦРУ, что была разгромлена агентурная сеть, которая создавалась годами и которую теперь трудно будет восстановить, раскрыты принципиально важные направления разведывательной работы, которые уже не утаить от противника. «Размер понесенного нами в Советском Союзе ущерба, — сетовал американец, — исключительно велик. Для нас там обрублены все концы».

«Нет, нисколько не лукавил маститый писатель, — подумал Вулрич, — но слова его тем не менее впечатляют. Не каждому дано делать такие признания».

Нет, Джеймс Вулрич не напишет книги о московской резидентуре. Это однозначно. Зачем предаваться печальным и неприятным воспоминаниям? Зачем ворошить прошлое и каяться, если каяться не в чем!

Возможно, что и о самом «Пилигриме» Вулрич уже не вспоминал. Стоит ли думать о провалившемся агенте, когда ты сам делал все правильно. Да и какое может быть дело до исковерканной жизни «Пилигрима», до судеб его родных и близких?

Джеймс «Волк» Вулрич пережил многих руководителей Центрального разведывательного управления. Одни тихо покинули Лэнгли сами, с другими расправились политики. Сейчас он думает о том, с кем был связан пик его карьеры, его собственной жизни. И его уже нет. Бедный Кейси! Он ушел из жизни еще до того, как отправили в отставку Джеймса Вулрича.

Ушел, так и не увидев плодов своих трудов по сокрушению ненавистной «империи зла».

Как кое-кто из его коллег, Уильям Кейси не срывался на истошные вопли «русские идут!», не бросался с высоты небоскреба, одержимый безумным видением русских танков, грохочущих по американской земле, в отчаянии от свалившихся на него бед. Он хладнокровно и настойчиво делал свое дело. И руководствовался своими принципами, в которые безоговорочно верил и которые соблюдал.

«Мы живем в джунглях, — говорил Редьярд Киплинг, — а в джунглях нет места цивилизации и действует право сильного, — таков был основной закон для покойного директора ЦРУ. Таково же было и кредо начальника Советского отдела Оперативного Директората. Отошедший от дел, поверженный в некоторых своих расчетах и надеждах, он роптал лишь на то, что судьба не дала ему возможности добиться большего…

Глава пятнадцатая

Постскриптум

В этой, последней, главе читатель не встретится с прежними героями повествования. Перед ним предстанут новые персонажи. И новые обстоятельства, которые покажут, как опасно почивать на лаврах.

В середине девяностых годов в средствах массовой информации, и зарубежных, и российских, появились сенсационные сообщения. Из торопливых статей журналистов, из сообщений радио, из телевизионных программ, из хлынувших на книжные рынки опусов писателей, освоивших благодатную тему деятельности спецслужб, из официальных материалов громких расследований деятельности американской разведки в Конгрессе Соединенных Штатов — из всего этого открылась подводная часть огромного айсберга Лэнгли. То, что в Вашингтоне всегда стремились скрыть от посторонних глаз и окутать густой пеленой секретности.

Впрочем, нет необходимости удивляться. То, что произошло, должно было случиться рано или поздно. И дело было не в осуждении Центрального разведывательного управления американскими законодателями, хотя их вмешательство в дела разведки дорого обошлось Лэнгли, сломало карьеры некоторых руководителей и оперативных сотрудников ЦРУ и стоило многим изрядной головной боли и нервотрепки. И дело не в том, что американские писатели и журналисты вдруг воспылали любовью к справедливости.

Расследования в Конгрессе и все, что предшествовало и последовало за скандальными событиями на Капитолийском холме, — плод тяжелейших провалов Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов в СССР и в постсоветской России.

Толчок всем этим потрясениям, сорвавшим покровы тайны с деятельности ЦРУ, был дан арестом высокопоставленного сотрудника Лэнгли Олдрича Эймса, обвиненного в сотрудничестве с органами государственной безопасности нашей страны. Как ни поразительно это прозвучит, «дело Эймса» дало хитрым пиарщикам из Вашингтона некоторые «козыри» — на него тут же попытались излить все свои «обиды» изворотливые стратеги из Лэнгли. Эймсу приписали все поражения американской разведки восьмидесятых-девяностых годов, даже те, к которым он не имел ни малейшего отношения. Ловкости

картежников от политики можно только изумляться! Политика, как это бывает, часто смахивает на лицедейство. В этом театре актеры приспосабливают свои представления к вкусам и требованиям тех, кто оплачивает их игру. У хороших лицедеев плач и стенания очень правдоподобны.

Но вернемся от Олдрича Эймса к «нашим баранам».

Провалы Центрального разведывательного управления в Советском Союзе в восьмидесятые годы, как выразился один сотрудник Лэнгли, «буквально разрушили нашу московскую резидентуру». Поэтому-то Конгресс США и захотел разобраться в причинах поражений ЦРУ — с единственным желанием поправить дело. Потому-то и дышали «сожалением» протоколы заседаний американских законодателей. Потому-то и были пропитаны жалостливыми слезами статьи и книги американских авторов, сокрушавшихся о «жертвах» безжалостной службы советского контршпионажа.

К делу. Достоянием гласности изумленного мира стало разоблачение органами государственной безопасности нашей страны в восьмидесятые годы многих агентов Центрального разведывательного управления в Советском Союзе, ошеломляющие подробности их вербовки и использования спецслужбами Соединенных Штатов, даже оперативные псевдонимы, присвоенные шпионам в Лэнгли. Среди них оказались «кроты» ЦРУ в советских спецслужбах. Такие, например, как Геннадий Сметанин, он же «Доллар» из ГРУ, Дмитрий Поляков («Цилиндр» и он же «Скиталец») — тоже из военной разведки, Леонид Полещук («Весы»), Валерий Мартынов («Еврей»), Сергей Моторин («Марля») — все трое из разведслужбы КГБ. Очень неприятно продолжать этот список американских «кротов» — он гораздо длиннее.

У всякой монеты две стороны. Сила и мощь Центрального разведывательного управления, его способность проникать своими щупальцами в плохо защищенные места противника, «просвечивать» его «внутренности», то, что он оберегает от чужого внимания, — это одна сторона «монеты». Противодействие Комитета государственной безопасности этому мощному и настырному натиску — сторона другая. У каждой из сторон свое представление о «вкусах». О них, как известно, не спорят.

Разоблачение деятельности ЦРУ в самих США произвело двоякий эффект. Американцы приучены к голливудскому счастливому концу, и поэтому «проработка разведки» в очередной раз стала громом среди ясного неба. В стране, где в литературе и публицистике шпионско-детективного характера прочно

господствуют штампы, где в угоду занимательности сюжета царит буйство неуемной фантазии авторов — пленников пресловутого «хэппи энда», критический удар по ЦРУ должен был вызвать уныние и разочарование тех, кто уверовал в сверхъестественное могущество и безгрешность Лэнгли. С другой стороны, сработало знакомое у нас чувство, называемое квасным патриотизмом. Оно неизбежно приводит в тупое озлобление тех, кого ругают. Чувство картежника, желающего отыграться…

И еще одно замечание. В художественных произведениях фантазия допустима по законам жанра, но авторская «вольница» совершенно неприемлема в исследовательских работах аналитиков, претендующих на объективность и документальность своих публикаций. Между тем в таких материалах искажается героическая схватка спецслужб нашей страны с сильным противником, который многие годы ведет подрывную работу против нас и ставил задачу ликвидации Советского Союза, как своего соперника. Не надо заблуждаться: такая же задача поставлена и в отношении России.

И тем не менее не все так непоправимо в этой области — в нашей кинематографии, особенно документальной, и литературе все больше появляется правдивых произведений о деятельности советских и российских спецслужб, призванных отстаивать интересы государства и общества.

Под эгидой Службы внешней разведки и Федеральной Службы безопасности вышли в свет серьезные исследования о нашей разведке и контрразведке, об их борьбе со спецслужбами противников нашего государства, в том числе в самые последние годы. Это — шеститомник «Очерки истории российской внешней разведки» (под редакцией академика Е. Примакова), «Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки», «Тайное становится явным. Центр общественных связей ФСБ уполномочен заявить», «Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век». В трех последних работах — огромный труд и усилия Управления программ содействия ФСБ России (бывший Центр общественных связей), его руководителя Александра Здановича, привлекавших к подготовке материалов действующих работников контрразведки и бывших сотрудников КГБ СССР.

Разведчики и контрразведчики, оставившие службу в своих ведомствах, видят свой долг в том, чтобы там, где это возможно, приподнять плотную завесу секретности. Общественности становятся известны многие тайные операции спецслужб, раскрываются пружины их действий, те силы, которые стоят за ними.

В последнее время российское телевидение и кинопрокат

безмерно увлекаются американскими фильмами-боевиками на шпионские темы, по большей части весьма низкопробными и попросту убогими. Советские и российские службы в них — почти обязательные персонажи. Иногда главный антигерой — это коварный и малосимпатичный из КГБ, или очаровательная русская шпионка с садистскими наклонностями. По приказам своих хозяев из Москвы они строят козни простодушным и доверчивым американцам.

Сюжет боевиков по большей части примитивен. Коварные интриги, убийства, кровавые сцены, устраиваемые «русскими из КГБ», следуют один за другим. Непременный голливудский «хэппи энд» — «счастливый конец» сглаживает все огрехи терпящих бедствие американцев и венчает очередную пропагандистскую поделку. Надо ли специально подчеркивать, что такая продукция «зомбирует» зрителей «русской опасностью», ставит цель оправдать и закамуфлировать разведывательно-подрывные акции Центрального разведывательного управления? Не говоря уж о том, что все демонстрируемое очень далеко от действительности.

В последнее время россияне и все те жители нашей планеты, кому это любопытно, могли познакомиться с публикациями бывших руководящих и оперативных работников разведки и контрразведки нашей страны — В. Крючкова, Л. Шебаршина, Ф. Бобкова, В. Кирпиченко, Н. Леонова, П. Судоплатова, Ю. Дроздова, С. Кондрашова, А. Феклисова, Е. Синицына, В. Широнина, В. Павлова, В. Удилова, К. Григорьева, В. Кеворкова, З. Воскресенской, Ю. Медина, О. Царева и других.

Нельзя не назвать книги «Моя тайная война» легендарного советского разведчика Кима Филби, внедренного еще до Второй мировой войны в английскую разведку «Сикрет Интеллидженс Сервис» и работавшего уже в послевоенные годы ее представителем по связи с ЦРУ и ФБР в Вашингтоне. Многое об акциях ЦРУ и СИС против нашей страны поведал в своей книге «Иного выбора не дано» другой отважный боец советской разведки Джордж Блейк.

Многолетняя работа в советской контрразведке — во Втором Главном управлении КГБ СССР, — в том числе в последние годы руководителем отдела по английским спецслужбам в составе посольства Великобритании в Москве, а затем — начальником подразделения по американской разведке, избравшей своим прикрытием дипломатическое представительство США в нашей стране, дала автору уникальную возможность видеть СИС и ЦРУ в действии. И — стараться противостоять разведывательно-подрывным акциям посольских резидентур ведомств шпионажа

этих стран.

В результате, уже после ухода на пенсию, у автора возникла мысль поделиться с читателями этим моим видением деятельности на территории нашей страны сильнейших разведок мира — Центрального разведывательного управления и «Сикрет Интеллидженс сервис». Так появились книги — «Призраки» с улицы Чайковского» — о резидентуре американской разведки и «КГБ против МИ-6» — о московской резидентуре СИС. Судьба этих книг — в руках заинтересованных читателей.

В силу этих жизненных обстоятельств автору, как и многим другим советским чекистам, пришлось иметь дело с «кротами» американской и английской разведок. С «кротами» Центрального разведывательного управления, конечно, в гораздо большей мере, так как американцы были несравненно более активны и напористы в разведывательных операциях против СССР, чем их младший партнер, превратившийся в исторически короткий период из «учителя» в ведомого в разведывательной связке Вашингтон — Лондон.

Американская и английская разведки в подавляющем большинстве случаев приобретали агентов — «кротов» в советских спецслужбах за границей. Так, из числа названных «кротов» за рубежом были завербованы Поляков, Гордиевский, Полещук, Мартынов, Моторин. Не всех из них ЦРУ и СИС вынудили согласиться на контакт со своими резидентурами в Москве. Главная причина решительного отказа завербованных агентов поддерживать связь с резидентурами противника на территории нашей страны — боязнь провала, страх перед разоблачением органами КГБ.

У автора свое мнение о Центральном разведывательном управлении. Он изложил его в книге «Призраки» с улицы Чайковского».

По свету гуляет множество мифов, прославляющих американскую разведку. Таких, например, как мифы и легенды о «беспроигрышной и безошибочной» стратегии этого ведомства «плаща и кинжала», о «благородстве» обитателей Лэнгли — «людей чести и подвига», об их «неподкупности». Они подпитываются в Вашингтоне, обрастают усилиями и фантазией ангажированных писателей и журналистов живописными «подробностями», претендуя на то, чтобы стать безгрешными истинами, войти в один ряд с классическими мифами и преданиями.

Классической считается мифология древних греков. Для них свой мир был центрам Вселенной. Древнегреческие мифы — чудо и загадка цивилизации — не внушали страха и ужаса, не

отталкивали людей друг от друга.

Мифотворчество на тему об американских спецслужбах относится совсем к другой категории легенд и сказок. Мифы, запущенные в оборот, изобретаются для того, чтобы скомпрометировать существующего или потенциального противника, морально сокрушить или унизить его, внести разлад и сумятицу в его ряды, переключить внимание собственной общественности со своих проблем на иные. Не говоря уж о том, чтобы просто запугать оппонента.

Американская разведка в немалой степени приложила руку к созданию и распространению мифов и дезинформации о Советском Союзе и России. Вот отдельные «образцы»: «красный милитаризм», «русская опасность», «нашествие азиатских орд», «угроза цивилизации».

События последнего времени привели к появлению новых мифов, связанных с американской разведкой. Пожалуй, самый значительный из них — миф о том, что главная роль в крушении Советского Союза принадлежит Центральному разведывательному управлению. Удивительно, что эта легенда, приятная для Соединенных Штатов, нашла сторонников в нашей стране, взяв себе в союзники еще одну бессовестную выдумку — о том, что вся деятельность разведки и контрразведки СССР была, дескать, сплошным «черным пятном» в их истории и они не могли противостоять разведывательно-подрывным акциям ЦРУ против Советского Союза.

В Соединенных Штатах и в руководстве Лэнгли в первую очередь очень заинтересованы в том, чтобы приписать себе лавры победы над «главным противником». «Мы убили большого дракона», — говорил директор ЦРУ в 1993–1995 годах Джеймс Вулси, разумея под «большим драконом» ненавистный правителям США Советский Союз. Тут же, правда, он благоразумно добавлял, что это не избавляет Вашингтон от новых схваток «в джунглях, где полно разнообразных ядовитых змей».

Автор — решительный противник мифа о том, что Советский Союз «пал жертвой» коварных действий Центрального разведывательного управления, которых, впрочем, хватило бы на весь мир. Нелепо думать и о «поражении» советской разведки и контрразведки в холодной войне. Есть немало свидетельств обратного.

Хитроумные политики прекрасно понимают: мифы могут жить долго, порой весьма продолжительный срок, если в них заинтересованы влиятельные силы и вложен солидный капитал. Важно создать в общественном мнении идолов, которым люди будут поклоняться и которых они будут страшиться. Этим, по

всей вероятности, и объясняется интерес к мифам и легендам, принимающий подчас болезненные формы. Те, кому это выгодно, умеют манипулировать созданными стереотипами.

Умолчание и неправда, дезинформация и обман, причудливая смесь подлинных фактов с глыбами фантастических выдумок — таково ремесло специальной службы ЦРУ, которой поручено вводить противника в заблуждение.

Ну, да хватит о мифах. Спецслужбы, разведка и контрразведка необходимые институты любого государства, противостояние спецслужб, стремящихся отстаивать интересы своих стран, — неизбежно. Здесь не приходится возмущаться. Нет причин и удивляться той бескомпромиссной борьбе, которую они ведут друг против друга. Если, конечно, она не переходит некие «рамки» и не становится варварством.

Говорят, что история повторяется, несмотря на замысловатые и стремительные зигзаги, которые она делает. Возможно, — но уже совсем в иной форме. Меняются люди и правительства, меняются и жизненные обстоятельства. Всем понятно, что нужно усваивать ее уроки, но очень трудно не повторять собственных ошибок! Так заманчиво совершать действия и поступки, которые кажутся в данный момент вполне достойными и сулят выгоду. И их совершают, несмотря на все понятия о морали и долге.

Как бы то ни было, спецслужбам и их ударной силе — разведке придется, видимо, действовать еще долгое время. А поэтому будут ловкие и изворотливые «кроты», и с их помощью будут выискивать лазейки к вожделенным тайнам. Будут хищные и матерые «волки», направляющие тайную работу «кротов» и знающих свое ремесло. И они будут натягивать на себя благопристойные одеяния. Будут охотники на «волков». И те, кому положено искать и отлавливать «кротов», так любящих темноту.

Бежит время, отбрасывая все дальше в историю драматические события недавнего прошлого, которые сплели в тугой узел интересы многих на Западе и на Востоке. Таинственная связь времен и зависимость людей от капризов Фортуны! Причудливо переплетались пути и судьбы разведчиков ЦРУ США и контрразведчиков КГБ СССР. Какой след оставило это время в их жизни? И оставило ли вообще? Но по большому счету оно — лишь небольшой эпизод в конфронтации американских и советских спецслужб, одно мгновение в их ожесточенной схватке.

Стремительное время вносит изменения в наши мысли и чувства. Невозможно жить только переживаниями пережитых лет, но и забывать прошлое значит порывать с историей. Она этого не прощает.